

С. А. ПУТИН

МЫЛ СЕРДЦУ КАЖДЫЙ

УТОЛОК...

15/11 354

2

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

--	--	--

Мил сердцу каждый уголок...

1996 г.

Очерская централизованная
библиотечная система

237927

Аб

РЧК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очерский комитет по охране природы представляет читателям района книгу нашего земляка Путина Семена Артемьевича "Мил сердцу каждый уголок", в которую вошли одноименная очерковая повесть о его родной деревне Морозово, поэма о детстве "Это родина моя", рассказы и очерки о природе и людях нашего края.

Рукопись Путина С.А. была изучена и рекомендована к изданию сотрудниками управлений культуры и народного образования как интересный краеведческий, географический и исторический подсобный материал для уроков в школах и для библиотек. Многие материалы могут оказаться близки душам и сердцам не только детей, но и любого взрослого очерца, потому что написаны человеком глубоко любящим природу родного прикамья.

Это четвертая книга бывшего учителя, ныне пенсионера. Ранее вышли "Юмористические этюды", сборник стихов, рассказы и очерки на тему природы Верещагинского района. Жаль только, что из-за малых тиражей они не дошли до нашего читателя. Комитет по охране природы желает Путину С. А. новых творческих успехов.

А. Ю. Бубнов.

МИЛ СЕРДЦУ КАЖДЫЙ УГОЛОК

Есть в Очерском районе деревня Морозово. Я не живу в ней уже полвека, но чем старше становлюсь, тем больше тянет в "страну моего детства". И не проходит лета, чтобы я не побывал, если не в самой деревне, то в ее округе: в лесах, логах и полях. Ни городская юность, ни военная служба, ни длительная работа на машиностроительном заводе не вытеснили из памяти родные просторы.

А какие названия ношу я в своей памяти! Гора Гляденово... Множество раз поднимался я на нее: далеко были видны милые сердцу уральские пейзажи. Увы, гора давно срыта бульдозерами, спрямлявшими дороги. Нет уже соснового сколка, где мы собирали землянику и маслята: исчезла липовая роща с южной стороны горы, на месте старого оврага ветер колышет сеяную траву. Но сохранился дорогой свидетель детства - родник.

Чего только не было в биографии деревни: кровопролитные бои в гражданскую войну, голодные годы засухи, коллективизация... А ключ по прежнему выталкивает из недр земли живительную влагу, дает жизнь речке Морозовке, прудам, поит людей и огороды.

Мелкий ельник стал нынче могучим еловым лесом. Солнечные полянки заросли кустами и кипреем. Но здесь все еще есть где разгуляться косцу или побродить грибнику. В прошлое лето, неурожайное на рыжики, я трижды принес оттуда по корзине боровых сыроежек и груздей.

Северо-восточнее Костылевских покосов, по правую сторону Дворецкого тракта, расположен на десятки километров тянущийся лес по названию Спор. Назван он так в память события, происшедшего еще в начале прошлого века, когда по поводу леса завязалась тяжба государственных крестьян с местным помещиком. Крестьяне переспорили, лес официально был закреплен за ними. В Спору пасли лошадей, мне несколько раз

посчастливилось побывать в ночном у костра, послушать бы-вальщины о разбойниках, встречах с медведями, тайных схоронах и кладах. Здесь же в гражданскую войну мужики спасали своих коней от белогвардейской мобилизации

В лес Хмельник ходили мы за диким хмелем, черной смородиной. По первому морозцу срезали кисти рябин, чтобы потом всю зиму бегать в чулан или в избушку - зимовку лакомиться этой лекарственной ягодой. Но особенно славилось и теперь славится Морозово своими малинниками. Раньше они начинались от деревни в двадцати минутах ходьбы: малину собирали на сладкие пироги и кисели, на подручное лекарство...

Немало памятных для меня мест и в самом Морозово: Еремина пустошь, царь-береза, Поповский угор, Гришетанинский лог, Антонов заулоч, Политовский пруд. Многие из названий ничего не говорят для теперешних молодых жителей деревни. Давно, например, нет в живых Еремия Тетенова, слывшего страшным колдуном. У меня же волосы вставали дыбом от рассказов о деяниях этого старика.

Гришетанинский лог напоминает о трагической судьбе знаменитого вора Гриши и полюбившей его себе на горе девушки Параши, Царь-березы тоже нет, разрушилась в пятидесятых годах. А стояла веками. Ей поклонялись, в дупла ее бросали монеты... Жил около той березы стройный красивый мужик Захар Иванович Путин, шутник и балагур. Рядом жил друг моего отца Степан Кайгородов, чуть подальше Григорий Афанасьевич Вшивков, командир роты в гражданскую, лейтенант стройбата в Отечественную, один из основателей первого колхоза "Пролетарий" в деревне. Ему уже около девяносто лет, жил в Морозово, всеми уважаемый человек.

Никогда не забуду Григория Михайловича Путина, знаменитого кузнеца, Антона Ивановича Вшивкова, первого колхозного бригадира. Более пятидесяти морозовцев (в том числе и мой отец) не вернулись с фронтов Великой Отечественной. Им поставлен в деревне памятник, выгравированы на нем их героические имена...

Сейчас Морозово - отделение совхоза "Очерский" - славиться не только своими природными красотами, но и трудовыми успехами его жителей. Но об этом - в другой раз. А сегодня я хотел рассказать о том, какая удивительная деревня есть на белом свете, где мил сердцу каждый уголок.

Примечание: "Со времени опубликования этого материала в газете "Звезда" прошло двенадцать лет. Уже нет СССР, а есть лишь Россия без братских республик, ставших вместо одной могучей державы, несколькими слабыми и нищими. И строим мы теперь не светлое будущее, а давно прошедшее старое. Ностальгия же по родине моей не увяла. Мне по-прежнему мил в ней каждый уголок, хоть и стал он во сто крат менее экологически чист и опрятен. Душа не соглашается, она надеется, что скоро пройдет лихолетье и кипучая жизнь снова возродится.

РОДНЫЕ МЕСТА

Был конец июня, та благодатная пора, когда все на земле расцветает с необыкновенной пышностью и красотой. Именно тогда и собрался я, наконец, в родное село Морозово, где не был тридцать пять лет.

Все эти годы память хранила дорогие черточки деревенского быта, лица односельчан, любимые места детских игр.

Ехал я с надеждой увидеть друзей детства, узнать подлые места. Но, видно, очень уж много времени прошло с той поры, и судьба раскидала нас тогдашних мальчишек, в разные концы страны.

И родное мое Морозово изменилось до неузнаваемости так же, как и я. Уезжал-то отсюда еще мальчишкой.

Знакомых не оказалось. Стало грустно. Я вышел из села и побрел без цели. И ноги сами вынесли меня на священное место - к старому роднику.

Все изменилось, но этот древний ключик, казалось, не подвластен времени. По-прежнему упрямо зыблется он из-

под земли под горой-обрывом, поросшим густыми елями, осинами, березами.

Оказалось, я был не единственный гость родника. Незнакомый мужчина склонился к воде и, показалось мне, вслух о чем-то разговаривал.

- Здравствуй, земляк!

- Здорово! Чей будешь?

- Ортин сын.

- А я Григорьев Михаил.

Разговорились. Больше 30 лет проработал морозовский парень на заводах г. Перми. Хорошо зарабатывал, квартиру имел благоустроенную. Да, видно, великая это сила - тоска по родным местам. И вот приехал назад, построил домик, жена хозяйство завела. Работает в совхозе.

- Каков заработок? - интересуюсь.

- Рублей восемьдесят.

- А в городе?

- Да сто пятьдесят выходило. Да разбе в зарплате дело!

Посмотри, какая здесь тишь да благодать. Воздух какой. Я, словно, на свет заново родился. Детей сюда своих переманиваю. Рабочие руки здесь нужны.

Разговор перешел на совхозные дела. Рассказал, что люди живут здесь хорошо. Посоветовал пройти по деревне, посмотреть на новые дома с телевизионными антеннами, на новую кирпичную ферму, отделенческие мастерские. Урожай, говорит, с 4-5 до 9-10 центнеров с гектара повысили.

- У родника впервые? - спрашиваю.

- Да нет, часто тут бываю. Привык с ним разговаривать. Не нарадуюсь, что дома живу. Заживает рана, а все рубцы есть. Жалею, что раньше в деревню не вернулся. Не даром говорится: золоту-старости нет, родине-цены.

Человек без родины, что соловей без песни. Как бы ни было в других краях хорошо, а все равно родная сторона - мать, а чужая - мачеха. Тянет она людей и принимает всех, даже блудных сыновей. Она и старое забудет, только будь ей не

пасынком, а сыном.

Земляк, прочти это в 1996 году! Григорьеву в семидесятом восьмидесят рублей в месяц хватало, а сейчас дай 500 тысяч, хватит ли? Как изменились времена. Жив ли Михаил? По прежнему ли бывает у родника? А может быть не до него ему теперь?

ЗДОРОВО ЗЕМЛЯК !

Земляки - какое это весомое, емкое слово! Стоит мне только встретить человека из родной деревни Морозово Очерского района, как сразу же сами собой рождаются вопросы: "Что там? Как там? Как живет деревня?" Однажды, будучи в Киеве, увидел незнакомого молодого человека. Как будто изнутри что меня толкнуло. Кричу ему:

- Здорово, земляк! Вы ведь из Морозово?

- Здорово, но откуда вы знаете?

- Догадался...

Радость весь тот день не покидала меня. Выходит совсем по пословице: "Рыбак рыбака видит издалека, а земляк земляка - точно так же".

Постоянным жителям одного населенного пункта всегда свойственны свои привычки. По этим малозаметным для других, но уловимым для земляка признакам, свой своего в любой одежде опознает.

Судьба земляков всегда волновала меня. Интересовался я ею и тогда, когда длительное время служил на дальневосточной границе, и когда лечился на солнечном юге, и когда строил линии связи на Севере, и когда жил в Очере, и когда поселился жить в Верецагино. Много судеб запечатлелось в моей памяти. Никогда не забуду, например, Василия Григорьевича Мокрушина, проходившего перед войной срочную службу на польской границе, тяжело раненым попавшего в немецкий плен, потом бежавшего к польским партизанам и за семь дней до Победы погибшего под Берлином. Всегда буду помнить его брата Мартемьяна, пережившего ленинградскую блокаду.

более тридцати лет прослужившего на флоте и трагически погибшего уже после выхода на пенсию. Около тридцати морозовцев не вернулось с фронта.

А сколько земляков жило и живет в разных концах Советского Союза! Поразным причинам они покинули Морозово до войны и после войны. Михаил Григорьевич Вшивков, например, обосновался в Ульяновске, стал руководителем группы конструкторов, проектирующих станки с программным управлением. Бывший летчик Виталий Потапович Путин, тоже конструктор, живет в Перми. Его брат Марк стал начальником тяговой электрической подстанции. Плотников Иван Григорьевич долго жил в Забайкалье и в Китае. Есть бывшие морозовцы и в Москве, Киеве, Владимире, Омске, Красноярске, Донецке. Целые династии Путиных, Морозовых, Вшивковых, Колчановых живут сейчас в Перми, Краснокамске, Очере, Павловске, в Верещагино, в очерских окрестных деревнях. Есть среди них трактористы, кочегары, токари, шоферы, инженеры, учителя.

В последний свой приезд в Морозово в октябре прошлого года порадовался я успехам земляков. В деревне только работающих 129 человек. Все они объединены в комплексную бригаду совхоза "Лужковский", возглавляет которую энергичная молодая женщина Тамара Григорьевна Касьянова. Она с гордостью сообщила мне, что вот уже третий год подряд морозовцы получают устойчивые урожаи.

Расскажу о некоторых нынешних морозовцах. Кое-кого я помню с малых лет. Среди них есть мои ровесники, но большинство значительно моложе меня. Вот, к примеру, Яков Иванович Иванов. Уже на пенсии, а все трудится скотником на ферме. Его жена Галина Ермиловна, известная в районе доярка, на склоне лет ухаживает за детьми в детском саду. Стал классным механизатором Василий Андреевич Путин. Прошлым летом он возглавлял звено, которое специализируется на выращивании картофеля.

Доброй славой в Морозово пользуется безнарядное зве-

но, по возделыванию зерновых, возглавляемое Григорием Мироновичем Путиным. Неплохо поработали также братья - комбайнеры Шаровы - Сергей, Борис, Валерий.

Узнал я и приятную для меня новость о том, что морозовскую партийную организацию возглавляет сейчас друг детства моего Михаил Георгиевич Тютиков, один из самых дорогих для меня земляков, проживающих в родном селе где мил сердцу каждый уголок.

А ныне, в 1996 году, по несколько раз перечитываю предшествующий этому текст 1984 года. Сердце вздрагивает от того, что не смогу я теперь уже сказать "Здорово, Земляк!.." Марку Потаповичу, Якову Ивановичу, Мартемьяну Григорьевичу, Иосифу Пименовичу, и многим другим товарищам. Очень жаль! Но ведь эти слова можно сказать любому морозовцу, которого знаю, и любому незнакомому молодому. Главное есть еще кому сказать!

СПОР

Есть на Урале бесчисленное множество географических названий, с которыми связана многовековая история нашего края. Мы настолько привыкли к некоторым названиям рек, гор, лесов и населенных пунктов, что не подозреваем, с чем они связаны, почему так называются.

Между селами Морозово и Дворцом веками стоит еловый лес, который называется Спор. Это имя ему дано потому, что когда-то о его принадлежности десятки лет длился спор между помещиком и "свободными" государственными крестьянами. И его, говорят, может быть, впервые в истории выиграли, не без хитрости, местные хлебопашцы.

В этот лес ходили за малиной и грибами, в нем рубили дрова, делали многочисленные загородки, в которых без пастухов пасли скот. В этом же лесу немало было и покосов. А у малых и больших завор, на полянах устраивали хороводы и игрища. Мое детство проходило там еще до организации кол-

хозов. Мы, маленькие, боялись ходить в Спор по одному, так как про те места ходили страшные рассказы. Говорили, что у земляного моста водились разбойники. И когда случалось проходить мимо, душа замирала от страха, под каждым кустом мерещился мужик с обрезом или ножом.

Отец показал место, где мужики во время гражданской войны прятали от белых своих лошадей и скрывались сами от мобилизации.

Позднее в Спору скрывался настоящий вор Гошка Панин, страшно надоевший всем. А выследить его было очень трудно. Около дороги стояла большая раскидистая ель. Гошка лез на нее, держась за один длинный верхний сук и, шагая по такому же длинному нижнему, спрыгивал в густой ельник. Там у него на небольшой полянке был шалаш. Следов не оставалось, милиция и деревенские мужики ходили и ездили рядом, не подозревая о том, что тот, кого ищут, прячется по близости. Обратившись из ельника вор выбирался с помощью лестницы, которую приставлял к тем же сучьям раскидистой могучей ели.

Но наш сверстник Павлик Антонов выследил его и водил нас в схорон в отсутствие Гошки. Ребята сообщили об этом в сельсовет и разбойник был пойман.

Когда образовались колхозы, мы водили в Спор колхозных лошадей на ночную пастьбу. А сколько веселых приключений было с нами в этом лесу, когда мы ходили туда за ягодами, за грибами, играли в легендарного Чапая.

Сейчас Спор на половину вырублен. На просеках вырос осинник и березник. Но по-прежнему есть еще глухие места, в которых можно встретить косолапого увальня, красавца-лося и даже рысь, зайца, рябчика и глухаря, на которых раньше охотился наш отец.

Хорош наш уральский лес в любое время года. Весной он радует взор своим зеленым необъятным простором, летом и осенью дарит своими плодами, зимой приятно и радостно пройти по нему на лыжах, в царство сказочного Берендея. Много таких, как Спор, лесов на Урале. И это наша гордость и краса!

КОСТЫЛЕВСКИЙ ЛЕС

Во времена моего детства мы ходили в костылевский лес за рыжиками и белыми грибами. Их там на ельничных и вересковых полянах было великое множество. Мосты мостами.

А пять лет назад, в августе месяце я побывал в этом лесу со стороны бывшей горы Гляденово. И сначала оказался среди огромных, метров 35 - 40 высотой, осин и тополей с толстыми ветвями и сплошной короной листьев. Они и дождь не сразу пропускали, и солнечные лучи. Было там полутемно и душно, пахло прелостью слежавшихся и загнивающих листьев. Что - то давило на душу, казалось, будто я в плену этих темнозеленых гигантов, и они не хотят меня выпускать. Не попалось никаких грибов, кроме множества всяких поганок и зеленых сыроежек.

Кончился этот лес совершенно неожиданно, когда я стал подниматься на какой - то холм, поросший тоже очень высокими и величественными, но соснами. И сразу вроде кончилась ночь, настало утро, заблестел свет и солнечные блики - зайчики. Задышалось легко и свободно. Настроение сразу улучшилось. Деревья, как люди, одни тусклые и скучные, другие радостные, веселые. Не зря партизаны, когда я был на фронте, в могилы убитых фашистов забивали осиновые кресты, чтобы они никогда не встали и не пришли к нам больше, чтобы завоевывать нашу землю.

Один знакомый экстрасенс сказал как - то мне, что если устанешь, бродя по лесу, никогда не опирайся спиной на осину. Она заберет последнюю силу и ты совсем раскиснешь. Лучше всего прислониться к дубу, он придаст тебе новые силы и ты пойдешь, как будто совсем не устал. Сосна улучшает, повышает настроение, ель на ум наводит, пихта на внешнюю чистоту. Постели ее мягкоиглистые ветви на земле и можешь как на сене лежать - сидеть.

Потом я прошелся по тем полянам, где раньше мы соби-

рали рыжики и землянику. Мелкого ельника уже нет. Елушки превратились в огромные ели, а вереса почти не осталось. Зато многоросло кустарника по названию волчьей ягоды, кипрей и различных крепкоствольных трав. Одча самая большая бывшая земляничная поляна заросла зверобоем. И все - таки я нашел там несколько большешляпных боровиков. Один был такой большой, что занял чуть не третью часть корзины. Попало и три пары рыжиков.

Как -то неожиданно оказался я около того места , где была раньше деревня Костылево. Постоял, как на кладбище, поразмышлял. Очень было жаль, что несколько веков жили тут люди, а сейчас нет той деревни. Люди , что же вы творите ?! Зачем разрушаете то, что осталось от предков.

Нынешним декабрем я снова прошел по тем местам на лыжах. Зимний лес очаровал меня не меньше летнего. У него свои прелести и красота , свое волшебство. Пошел редкий снег , и мне почему - то вспомнились отрывки из стихотворений поэта Бориса Репина:

" Вот снова снег
И снова тот же свет.
И молодость все так же бродит где- то
И я ищу среди множества примет
Свиданья незабытого приметы.
Я, словно довоенный, к селу иду.
Вот то место полисадник с вишней.
А этот снег, как первый поцелуй,
Такой же чистый и такой неслышный."

Само- собой сочиняются к этим строкам свои, собственные строки :

" А зачем деревни больше нет?
И не зайдешь ни к кому погреться,
Никому не передашь привет,
Не с кем на ночь запереться.
Кругом лишь только изваянья
Из льда безмолвные стоят
Нет от них тебе вниманья
Будто заколдовано глядят."

Вышел на более торную лыжню. Заскользил по ней. Она вывела меня в поле, потом повела ниже макарятской горы к пьянковским угорам, на Очерский тракт. Я сильно устал, но встреча с околородными местами даст мне новый бодрый заряд на несколько недель. Словно у близких родственников побывал.

ХМЕЛЬНИК

В километрах семнадцати от Верещагино, вблизи не существующих теперь деревень Терехино и Пьянково рос лес, который называли хмельником. Был он небольшим: с полверсты вдоль да триста сажен поперек, как говаривали крестьяне. Росло здесь много диких черемух, рябин, калины, малины, черной смородины и черники. Все это причудливо собиралось в одном месте благодаря разнообразию рельефа местности. Тут была и небольшая возвышенность, и маленькое болотце, и ключ с редкого вкуса водой. Когда у моего дяди в Терехино собирались гости, то самовар наполняли из этого ключа. Ох, и хорош был чай!

Такое же разнообразие было здесь и деревьев. Повыше росли сосны, в центре - березы, осины, на склонах - ели, а внизу, на границе с основным большим лесом - липы и вьющийся хмель. Он рос в нескольких местах, за что лес и получил свое название.

С давних времён в хмельник ходили жители не только Терехино, Пьянково, Макарят, Морозово, но и других деревень. Но по неписаному закону, до поры ничего, кроме малины и черники, никто не трогал. Каждую ягоду собирали в определенное время: смородину - в конце июля, хмель - в сентябре, а рябину - после первого заморозка. И эти дни превращались в своеобразные праздники, когда стар и млад с веселым говором и гомоном, с песнями устремлялись в уголок природы. Никто не жадничал, дары природы собирали степенно, не торопясь, стараясь не сломать ветку. Такое же бережливое отношение сохранялось и к дичи. Хмельник был как бы заповедником буквально для всех: и для взрослых и для детей.

Особое положение хмельника сохранялось с начала тридцатых годов до сороковых. Но после Великой Отечественной войны, когда в селе появилось много техники, этот лес стал мешать механизаторам. Дело в том, что хмельник правильным прямоугольником рассекал поля надвое и не давал простора тракторам и комбайнам. Тогда лес вырубili, выкорчевали и площадь распахали. Многие теперешние жители ближайшей, полностью сохранившейся перспективной деревни Морозово и не подозревают о том, какой лес был вблизи от них. А в мое^е памяти свежи воспоминания детства, связанного с хмельником, хотя я не живу в тех местах уже свыше сорока лет. Хмельника нет, но есть место, где он был. Недавно я побывал там. Спустился ниже, к бывшей границе хмельника с основным лесом. Те же деревья, тот же малинник, и рябины с липами есть, нет только болотца, ключа, черники и смородины, а хмелем и не пахнет совсем. Прошел еще несколько шагов по склону горы. Гляжу: густой мелкий ельник. Что - то словно толкнуло меня: загляни туда и увидишь чудо. Пробрался я сквозь елушки и замер от удивления: по стволам нескольких черемух вился хмель. Я не поверил. А не во сне ли я? Потрогал рукой. Нет, хмель, и самый настоящий. Жив хмельник, только в миниатюре. Кто - то позаботился об этом уголке природы.

Позднее я узнал, что это доброе дело сделали местный бригадир и совхозный лесник. Настало время позаботиться о красоте своего родного края.

В РЯБИНОВОМ ЛЕСУ

Были около нашей деревни Морозово два местечка, которые назывались Хмельником и Оняновским. Наряду с диким хмелем, черемухами, малиной, росло там много рябин. Собирали рябину там после того, как опадет весь лист, выпадет первый снег, и не сильный октябрьский морозец убьет в ягодах горечь. К рябинам приставляли специальные лестницы, чтобы не сломать хрупкие ветки. Кисти ягод срезали нож-

ницами. Такой способ несколько не вредит деревьям. Наберем, бывало, рябины в мешки, принесем домой и разложим на окна в нежилой половине пятистенки. Мы, ребята, потом всю зиму эти ягоды есть бегали, а мать иногда и пироги с ними пекла, настой делала - средство от разных болезней.

Вспомнил я на днях про былые мальчишеские походы, и очень захотелось мне побывать в рябиновом лесу. Так захотелось, что даже сон про это приснился. Будто стою в лесу, на земле снег блестит, а кругом рябины видимо - невидимо. К каждой рябине лестница приставлена, а деревенские бабы и девчонки с корзинами стоят на них, кисточки срезают и песни поют. Проснулся я и громко кричу:

- Эй, вы, хоть мне немного оставте!

- Чего оставить? - спрашивает сын. - Ведь только пять утра. Мама ничего еще не варила...

Соскочил я с постели, умылся, оделся и сманил сыновей ехать на десятый километр по Очерскому тракту. Там недалеко от бывшего поселка лесорубов рябин - великое множество. Отвели душу: ягод набрали и на птиц нагляделись. Лесные пернатые там себе столовую организовали. Даже одного снегиря - жуланчика видели, не говоря уже о синицах, дроздах, воробьях. Хорошо сейчас в рябиновом лесу! Легкий морозец приятно румянит щеки. Снег не глубокий, только чуть - чуть прикрыл землю. Ни грязи, ни сырости. Иди куда хочешь, и лыж не нужно. Надолго останется в нашей памяти эта удивительная прогулка.

ПАЛЬНИКИ

Много раз в жизни проходил я по лесу под названием Пальники. Начинается он неподалеку от южных полей бывшей деревни Терехино, левым своим крылом опирается в Морозовское подзелененское и заканчивается на Морозовском тракту в двух километрах от Очера. Называется он так, потому что несколько раз за последние три столетия возникали тут огромные пожарища. Последнее было в начале нынешнего века, сле-

ды которого были заметны даже и в годы моего Морозовского детства.

Этот лес с северо - запада на юго - восток разрезали несколько вырубов- лесосек, на которых было множество земляничных полей и ельников, их спутников можжевельников зарослей. Естественно, что богаты они были рыжиками, белыми грибами. Но не только мы ходили туда за лесными дарами, но и потому что по одной из этих просек проходила самая короткая тропа из Терехино в Очер. Выходили мы на эту тропу из Морозова через широкий лог, в котором в годы НЭПа находились наши хлебные полосы. Прямушка сокращала путь по сравнению с трактом километра на три.

Однажды в весеннюю пору 1932 года мне довелось пройти по этой тропе с бабушкой, когда еще деревья не покрылись листьями, а земля травой. Следы того пожара были видны в это время сильнее, и меня восьмилетнего поразило обилие еловых сушин и обгорелых деревьев. В одном месте около болотца их было особенно много. Рослые, высокие, голые, черно- сизые изваянья стояли, как безмолвные, насупившиеся маги- исполины из сказок " Тысячи и одной ночи ". Страшно было смотреть на них. Все мое тело с головы до ног пронизывала жуть смерти и разрушения. Такое ощущение охватывало меня только во время бывшего пожара в Морозово и на фронте, когда приходилось видеть разрушенные деревни, обнаженные, полуразвалившиеся, обгоревшие стены и печи.

Потом, когда наша семья переехала в Очер, мы с отцом ежегодно рубили в Пальниках сушняк на дрова. Ощущение встречи со смертью не покидало меня и тогда.

Последний раз я проходил по жуткой тропе в 1984 году. К этому году природа взяла свое и спрятала последствия ужасных пожаров, где был ельник, выросли могучие ели, где березки - большие белоствольные гиганты, вместо тонких осин - высокие многоветвленные стволы с крупным листом. Но по- прежнему то тут, то там стояли еще не истлевшие черные бревна, немало естественных сушин. Около вышена

званного болотца все еще имеется островок таких стоячих стволов. То ли болотная трава не дает им сгнить, то ли они были листовницами, которые в болотине не могут сгнить около полувека и больше.

Про такое явление хорошо сказал в одном из своих стихотворений Сахалинский поэт Борис Репин:

"... Ускорил шаг, нет к прошлому возврата,
Но не напрасно шепчется трава.
Сломалась ветвь, давным- давно когда- то
И высохла . . . "

"А боль еще жива .
Еще больней, коль дерево погибло
От руки людской неосторожной,
Словно душу ранило , ушибло,
Кою залечить уж невозможно."

ДА НЕУЖТО ТОТ АКИМ ! ?

Было солнечное утро 9 мая 1985 года. Нас, участников войны, пригласили в тот день в Верещагинский райком партии. Было здесь много гостей из соседних районов и городов страны. Самыми почетными были ветераны 359 Краснознаменной Ярцевской дивизии.

Вглядываясь в их радостные лица, в одном из них, плотном, и крепком подполковнике с петлицами танковых войск, уловил что- то знакомое. Но как ни пытался, не мог вспомнить кто он. Внутреннее чувство подсказывало, что я даже знаком с ним. Кто он, как его зовут ? Хотел уже встать с места и подойти к нему. Но тут объявили о начале торжественного заседания, и мне пришлось отложить намерение.

Потом нас вывели на Первомайскую площадь и построили с правой стороны трибуны, с левой разместились гости. Начался митинг. С речами выступали руководители города и района, гости- ветераны, представители молодежи.

И вдруг слышу:

- Слово предоставляется ветерану 359 - й Ярцевской дивизии подполковнику в отставке Акиму Федоровичу Морозову. И мысли сразу перенесли меня в лето 1938 года, в родную мою деревню Морозово. Так вот, кто этот человек, земляк мой, и видел я его тогда совсем другим, молодым, цветущим, двадцатилетним, в черной железнодорожной рубашке, брюках и фуражке. Он приехал погостить к родителям. Был уже женатым. Аким уже тогда пользовался в нашем селении широкой известностью. Говорили, что он был активистом, помогал в коллективизации деревни.

Вечером мы с Павлом Соловаровым, тоже земляком и ветераном войны, долго сидели у подполковника в его гостиничном номере и вспоминали про военные пути-дороги. Оказывается, Аким Федорович вскоре после нашей встречи был призван в Советскую Армию, воевал с японцами на Халхин-Голе, в Великую Отечественную защищал Москву, дрался с фашистами под Сталинградом, на Курской дуге, освобождал Белоруссию, Польшу. В 1944 году он блестяще закончил Ленинградскую высшую офицерскую бронетанковую школу и еще долго служил в Армии, командуя отличным танковым батальоном.

А. Ф. Морозов кавалер многих правительственных наград, среди которых ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, две Красных Звезды, орден Александра Невского и 12 медалей. В свои 68 лет, будучи в отставке и живя в Перми, ведет большую общественную работу. Аким Федорович - член Пермской секции советского комитета ветеранов войны, председатель комитета содействия офицерам запаса при Индустриальном военкомате, командующий районными играми "Зарница" и "Орленок", член совета ветеранов 359 Краснознаменной Ярцевской дивизии.

Пошли по стопам отца и три его сына, стали офицерами. Август-первенец, названный так в честь августовской победы под Халхин-Голом, майор, политработник Пермского

военно-авиационного технического училища. Александр - капитан авиации, служит сейчас в Средней Азии. Геннадий - старший лейтенант запаса, начальник цеха на КАМАЗе.

Шестьдесят два года не живу я в Морозово, а земляков встречаю в самых неожиданных местах. Сколько еще встречу. И за спиной у каждого из них такая вот славная, как у Акима Федоровича судьба. Разная во многом, но одинаковая в одном - они беззаветно любят свою мать- Родину и за нее готовы отдать самое дорогое: свой труд, свои знания и, если понадобится, жизнь свою.

ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ РОДИМЫЙ УГОЛОК

Сколько бы не прожил человек вдали от родных мест, как бы ни был хорош город, родина не удержимо тянет его к себе. И чем старше становится он, тем сильнее это влечение, тем острее желание чаще бывать там.

Такое чувство и привело меня нынче, сенокосной порой, в родную деревню Морозово. И хотя многое здесь не так сейчас, все кажется не таким красивым, как запечатлела детская память, все равно испытываешь сильное волнение, когда встречаешься со свидетелями моего детства.

Не такая вроде бы стала речка: обмелела, берега заросли ивняком. В ней я ловил когда- то юрких маришек и пескарей, тонул в весеннем половодье, купался в жаркую июльскую погоду. Будто бы сузился лужок возле родной усадьбы, нет по его берегам знакомых лип, калины и черемух. И даже меньше стало здесь цветов, особенно милых детскому сердцу ромашек, колокольчиков и дудочника - все затянули мать-мачеха, осот и одуванчик. Вроде не росла в мои юные годы осока на нижней части склона, но ведь это то самое место, где целыми днями бегал я мальчишкой.

По улице родной деревни беспрерывно снуют мощные самосвалы, могучие тракторы - главная примета времени. Невольно вспоминаешь убогую нашу клячонку, и на ум приходит

сравнение не в пользу прошлого. Нет, не все плохо в нынешней деревне и не все хорошо было сорок семь лет назад, когда отец из-за трудностей деревенского бытия сменил соху на профессию литейщика и увез нас всех в город.

Морозово не захирело. Наоборот, сюда переселились жители Макарят, Костылева, Субботина и других окрестных деревень. Морозовцы помнят о прошлом. Около начальной школы воздвигнут памятник, на котором я прочел фамилию отца, Путина Артемия Клементьевича, дядьев Ивана и Василия Мокрушиных, Анурия Дурегина, друга отца Степана Кайгородова, многих других односельчан, погибших на войне с немецким фашизмом.

Нигде так не отдыхает душа, как в Морозовских лесах, будь то Спор, Хмельник, Подзеленеско, Покосы или Березовый лог. Здесь по-прежнему простор и раздолье, много земляники, смородины, малины и разнообразных плодов. Я во всех этих местах побывал нынче, попользовался их лесными дарами.

Не меньшее впечатление произвело на меня и урочище Оняновское, где раньше у нас был, как и у других селян, участок для заготовки сена. Выделяло его нам лесничество, по просьбе которого семья прореживала там лес, очищала его от сушняка и разного сора, окультуривала луга. Работали с весны до осени. И из всего этого труда мой отец с другими мужиками извлекали пользу для общества и для себя. Расчистка способствовала увеличению естественных покосов, а значит увеличению кормов для общественного и личного стада.

Особенно я любил весеннюю и летнюю расчистку. В Оняновском было много берез. Под сруб попадали не только те, которые годились лишь на дрова, но были и такие, что шли на различные поделки. Из их веток заготавливали мягкие, остропахнувшие веники, а со стволов мы, ребята, топорами скоблили длинные белые ленты затвердевшего березового сока и с наслаждением совали их в рот, смачно похрустывая.

Позднее, в пору сенокоса, мы лакомились на лугах Оня-

новского щавелем, земляникой, дудкой- борщовкой, а на одном из обрывов оврага- земляными орехами, у ручья - красной смородиной, на выходе из леса к хутору Михаила Гилева- малиной и черемухой.

Последней там было так много, что кормилась ею вся деревня: черемуху сушили, толкли в ступах и из получившейся коричневой муки варили вкусный- превкусный кисель с медом или сахарным песком.

А потом в Оняновском осиннике и березнике появились крепконогие синие сыроежки, обабки и красноголовики. Кто желал побольше засушить грибов, ходил за ними только сюда. А на границе между Оняновским и Спором встречались и белые боровики.

Так было во времена моего детства, почти все так же осталось и сейчас. Оняновское, правда, уменьшилось на половину. На месте некоторых осинников и березников растет теперь хлеб. Но основная масса леса, многих лугов сохранилась. Я с удовольствием увидел там несколько больших стогов сена. Оняновское по- прежнему дает корм для животноводства. Как и раньше, там много земляники. За каких-нибудь два часа мы набрали с сыном трехлитровый бидон, а во второе посещение- две большие корзины прекраснейших грибов.

В лесах около Очера и Верещагино много ходит народа, а здесь нам встретились лишь две старушки да старик с внучкой. На выходе из леса вспорхнули из- под ног два огромных косача, страшно перепугав нас громким хлопаньем крыльев. Это заставило меня вспомнить, как по первому осеннему снежку отец ходил сюда охотиться на куропаток, как однажды тетку Анисью, увлекшуюся сбором грибов, толкнул лапой медведь. Не поняв сразу, кто это с ней балуется, она закричала на свою попутчицу: " Ты что, Люба, толкаешься?" А когда увидела мишку, зашлась криком и понеслась к деревне. К счастью, косолапый оказался не очень агрессивный и мирно отошел, не тронул перепугавшуюся тетку.

Погулял по родным местам, словно с родным человеком встретился, и на душе стало до того легко, что много дней чувствовал себя повеселевшим, сбросившим с плеч не один десяток лет.

ХОЛОДОВО

Много любопытного иногда можно узнать, побеседовав со стариками. Стою я на днях у верешагинского вокзала в ожидании автобуса на Павловск и вижу, смотрит на меня седой, сгорбленный человек с дубинкой в руке. Спрашиваю его:

- Не признать ли хотите?

- Хочу. Откуда вы родом?

- Из Морозово.

- Из какой его части?

- Через дом от поворота тракта на Дворец.

- Тогда вы из Холодово, а я из Морозово.

- Как так?

- А вот как. Я по фамилии Морозов и жил раньше на первой заречной улице, где проживали лишь одни мои однофамильцы. Несколько семей Морозовых жили в конце деревни на второй заречной улице. Остальные поселились позднее. Тогда и главная трактовая улица организовалась.

Другие приращения к деревне носили первоначально свои названия. Верхний конец, например, до Ереминского лога, назывался Ключевинкой или Ларионовкой (ввиду близости самого большого в округе ключа, дающего начало реке Морозовке и ввиду живущих там жителей Ларионовых).

Налево от Ереминского лога было небольшое болотце. Среди него находились три маленьких родничка. С этого места под углом к основной улице в направлении на северо-восток была еще одна, именуемая Родниковой. Нижний конец деревни прозывался Носковыми (опять же по фамилии жителей), или запрудой, так как все они проживали за прудом Ильи Политова.

В многочисленные ответвления в заречные улицы можно было пройти по проулкам и заулкам по мостам через реку, которые тоже носили свои имена по направлению в другие

деревни, по фамилиям односельчан, по рельефу местности, по какому-нибудь событию: Нагорный, Песьянский, Игровой и даже Гришетанинский.

Беседа со стариком продолжалась и в автобусе, пока мы ехали до Очера. Он не назвал своего имени, а только сказал, что ему уже 87 лет. Когда я рассказал об этом матери, тоже доживающий уже восьмой десяток, она высказала несколько предположений о том, кто это мог быть и подтвердила, что действительно среднюю часть Морозово называли иногда в шутку "Холодово".

Если ко всему сказанному добавить, что любой лог, овраг, сколок, лес, урочище тоже имели имя (хотя и неофициальное) только в народе, то всякий мой односельчанин всегда мог точно сказать, откуда он пришел и куда снова направляется. Если, к примеру, отец говорил матери, что он сегодня будет пахать полосу под Якорем (так называлось одно из полей), то сразу становилось ясно, где его искать.

Из деревни Морозово увезли меня в город девяти лет, но моя детская память запечатлела десятки на всю жизнь запомнившихся мест, которые я много раз посещал и потом, когда мы жили в Очере. Каждое из этих мест имело в нашей жизни определенное значение. В Спору, например, все селяне пасли скот и заготавливали дрова, в Оняновском косили сено, заготавливали березовые веники и собирали землянику, в Подзелененское делали походы за малиной, в Покосах косили сено и брали рыжики, в Березовом логу — белые грибы и красноголовики, в Хмельнике — черную и красную смородину, дикий хмель и кисти рябины. Всему было свое время. Каждый вид сельхозработ и заготовок подножного корма имел свою прелесть и присущий ему аромат.

Особенно запомнились мне осенние праздники по первому заморозку, когда все женщины, девушки и мы, дети, устремлялись в Хмельник собирать рябину. К каждому дереву приставлялись лестницы, кисти срезали осторожно, ножницами, чтобы не повредить ветви. Работа велась дружно,

весело, с песнями, с киданием снежков, а то и с кучей малой на снегу. Первый небольшой морозец убивал горечь ягод, и мы с удовольствием ели рябину. Лакомились ею и потом зимой, почти каждый день забегая в летнюю избу, где ягоды кистями лежали на окнах. Порой мать пекла из рябины пироги.

По словам старика, с которым ехал я в автобусе, ту часть Морозово, где я жил в детстве, называли Холодово, потому что тут были два больших лога - Широкий и Мокрушинский, где летом утрами тянуло прохладой от реки и зимой свободно гуляли свирепые ветры. Но с полным основанием можно было назвать Путино или Путинская, так как тут, кроме четырех семей (Вшивковых, Мокрушинских и Кайгородовых), жило много Путиных. Значит, Холодово лучше привилось.

Если спросить об этом обо всем теперешних жителей Морозово, то они вряд ли знают из этого даже половину, так как прежних морозовцев там осталось раз-два и обчелся, а остальные сселились сюда из неперспективных деревень Костылево, Мешалки, Макарята, Терехино, Суботино, Носково и некоторых других. Кроме того, давно уже нет ни одного дома на месте Ключевинки-Ларионовки, Родники и Запруды, по одному - по два дома осталось на обеих заречных улицах, во всех проулках и заулках. По-прежнему непоколебимо стоит только главная улица, у которой нет ни верхнего, ни нижнего конца. По существу, осталось только бывшее Холодово.

ПЕТР МАКАРОВИЧ

Жил в двадцатые-тридцатые годы в деревне Морозово мальчик Петя. Трудная была у него жизнь. Отца рано лишился, мать не здорова была, воспитывая троих детей, еле концы с концами сводила. Петя с восьми лет все по дому умел делать: и дрова пилить, и печь топить, и скотину кормить, и

за огородом ухаживать. А как исполнилось десять, кроме этого стал успевать с соседскими малыми детьми поводить-ся. Любил он их очень, подход к ним знал, игры всякие для них устраивал. Женщины знали, что если с ребятами Петя остался, так все будет в порядке, ничего плохого с ними не случится. За это очень ценили и уважали мальчика, лаского в шутку называли его полным именем и по отчеству.

Узнал про такие способности мальчика многосемейный односельчанин Артемий Клеменьтьевич Путин и попросил его:

- Петр Макарович! Иди ко мне на лето, поводишь, пожалуйста, с моими ребятками. Сам знаешь, работы в поле невпроворот. Мы с Вассой с рассвета до темна в поле торчим, а углашки одни дома, как бы не случилось чего. . .

Петя посоветовался с мамой и согласился. До него у Путиных несколько вожаток было: и Агапия (очень добрая старушка), и восемнадцатилетняя красавица Валя, пятнадцатилетняя Женя Вакулова, но ребятам больше всего по душе пришелся Петр Макарович. Он умел жить интересами малышей, хорошо понимал их маленькие души. Мог вразумительно растолковать непонятное, сделать свистульку, устроить в огороде качель из веревок, сводить ребят на речку и половить ивовыми вилками пескарей, организовать веселую игру, перед сном рассказать интересную сказку. Дети, особенно пятилетний Сеня и четырехлетняя Тасюшка, так привязались к Петру Макаровичу, что даже когда он уходил к себе домой, бежали за ним. Сколько чудес он находил для них в своем огороде, где росли стройные березы, осины и липы, где в жаркое время июльского дня бесконечно пел свои песни ключ-родник, который манил к себе живительной прохладой. В его огороде было все вкуснее: и сочная репка, и кашка, и черная смородина, и даже сахарный горох.

Договорился Петр Макарович на лето, а потрудился три подряд. Четырнадцать лет он у матери уже за хозяина был. Шестнадцати в ФЗУ подался, затем слесарем автоконтрольного пункта в Верещагино, потом осматривателем вагонов

на Перми второй работал. Отсюда в 1940 году был призван на Тихоокеанский флот.

Длительное время служил мотористом на эсминце "Решительный". Качество- быстро сходитьсь с людьми, общительность помогли ему и здесь. Благодаря большому трудолюбию и исполнительности, он быстро стал своим человеком среди матросов, завоевал авторитет у командного состава. Сорок три благодарности за отличную службу в течение полутора лет- говорят сами за себя. Будь у него грамоты побольше, мог бы далеко пойти. Это только и мешало.

С началом Великой Отечественной войны начались для Петра Макаровича Морозова трудные, полные испытаний будни. Его эсминцу совместно с другими часто приходилось встречаться в океане и сопровождать до наших портов американские транспортные суда. Мешали штормы, постоянные обледенения. Бывало, буря так расшвыряет корабли по океану, что далеко не каждый из них приходил к месту назначения. Бывало, и японцы топили их, воспользовавшись непогодой, на которую все можно было свалить. За годы войны самурай так надоели своими провокациями, что моряки только и ждали, когда наступит час расплаты для этих врагов. И этот час наступил в ночь с 8 на 9 августа 1945 года. "Решительный" за два дня до этого был поставлен в док для очистки дна от ракушек. Обычно эту работу делали за полтора месяца, а тут дали всего двое суток. Поняли, что не зря получили такой приказ и выполнили его в срок. Только вышли из дока и сразу же приняли на борт десант 500 человек. Под плотным огнем японцев высадили его вместе с другими боевыми кораблями в порту Сейсин в Северной Корее. Потом другой десант- под Расиным. На третий день помчались к Курильским островам. И там высаживали десанты, захватывали плацдармы.

С большой теплотой вспоминает Петр Макарович командира своего корабля капитана 3 ранга В. И. Рассоху, старшину А. И. Пилипенко, старшину 2 статьи, командира мо-

тористов М. В. Волынкина, старшего матроса Б. Б. Перева-лова, которые обладали большой выдержкой, беззаветной храбростью, всем показывали в бою личный пример. Навек запомнились ему и старшие флотские командиры: команду-ющий флотом адмирал Г. М. Юмашев, начальник штаба А. Карпусенко, зам. по политчасти Андрющенко, начальник политотдела Почипайло. Все они часто бывали на его кораб-ле, проводили беседы с моряками, вдохновляли их на ратные подвиги.

Петр Макарович Морозов за безупречную службу на флоте имеет Почетную грамоту за подписью адмирала Юмашева и члена военсовета Захарова, письменную благо-дар ность контрадмирала Святова. Награжден многими ме-далями.

Демобилизовавшись из флота в мае 1947 года, П. М. Морозов до выхода на пенсию в 1980 году безупречно про-работал бригадиром- приемщиком по автотормозам в Вере-щагинском вагонном депо. Имеет немало поощрений и за трудовые дела. Живет он в Верещагино, где через 55 лет произошла его встреча с одним из его бывших "подопечных детей", Семеном. Разговоров было через край. А сейчас и его Петра, нет в живых.

ЗАЯДЛЫЙ ГРИБНИК

Степан Арсентьевич Лабутин- заядлый грибник. Он как охотник и рыболов, знает в своем деле осбый вкус, не срав-нимое с другими занятиями удовольствие. Как свои пять пальцев изучил Лабутин окружающие очерские леса и ни-когда не прочесывает их подряд, а сразу идет туда, откуда есть все возможности вернуться домой не пустым.

Собравшись в очередной поход, Степан берет с собой полутораведерную корзину, в нее ставит литровую стек-лянную банку. Попадут грибы- их берет, не попадут- на мали-ну или землянику набросится, а чаще всего от того, другого и третьего не отказывается.

Ходит он в лес один, так как считает сбор грибов серьезным делом и не хочет тратить зря времени на ауканье и поиски заблудившихся товарищей. Грибы срезает ножом, любовно и осторожно, чтобы не повредить грибницу. Страшно не навидит браконьеров, с корнем вырывающих дары леса.

Степану Арсентьевичу за пятьдесят. Однако за ним молодой не угонится. Привыкший к большим пешим переходам, он может в день сорок верст исходить.

Есть у Лабутина на примете одна заветная лесная полянка. С одной стороны ее густой лес, с другой — непроходимый бурелом и валежник. Это пугает одних грибников, а иные просто не догадываются о том, что там природа приготовила человеку сюрприз. А Степан, как только появляются грибы, посещает эту полянку по давно сложившемуся неписаному расписанию. День — два — три поновит, даст грибам подрасти, и снова туда.

Полянка представляет из себя пологий склон, поросший островками мелкого ельника и вереска. Растут тут самые "деликатные" грибы: белые и рыжики. Много бывает земляники.

Нельзя сказать, что Лабутин скрывает от всех местонахождение этой заветной полянки. Он не раз водил туда соседей, родственников. Когда они ходили туда вместе с "хозяином", то быстро находили ее. Но стоило им пойти одним, как они обязательно уходили не туда. Объясняется это тем, что с основной дороги идет в сторону полянки несколько троп. Все они похожи друг на друга, особенно в начале, и проходят через ложок, но уводят в разные места. Достаточно пройти по одной — двум тропам и не изгодить на место, как сразу же пропадает охота искать истинную тропу. Мог бы спутаться и сам Степан, да он имеет потайную метку на одной из елей.

Однажды какой-то шутник наделал такие же метки в четырех местах, что сбило с толку и самого Лабутина. И случилось это в самый неудобный момент, когда Степан по-

вел за грибами тещу. Три раза заходили они с главной дороги по разным дорожкам, но заветную полянку так и не нашли. Суеверная старушка долго ругалась на весь лес, честила по-чем зря Степана, а потом отнесла это на проделки лешего. Только сосед, бывший тогда с ними, подумал, что Лабутин нарочно отбивал охоту к грибообильному месту.

Несколько раз успел побывать на своей заветной полянке Степан и нынче. Вдоволь набрался земляники, порадовал родных и сбором рыжиков.

ГЛИНЯНАЯ ЧАШКА

В небольшой сельской школе заканчивается последний урок. Учительница объявляет ребятам:

- Завтра, дети, принесите из дома по чашке и ложке. Колхоз дал школе продукты, будут бесплатные обеды.

На другой день повар тетя Нюра принимала у ребят посуду. Какие только они не принесли чашки: деревянные, алюминиевые, эмалированные. Красивее всех была чашка у Яшки Маякина, глиняная, покрытая лаком, а на дне ее нарисована серебряная рыбка, точно живая. У ребят глаза разгорелись от зависти. Каждому хотелось посмотреть на чашку, потрогать. Больше всех яшке завидовал Степка Ортин. Он предложил за нее старый перочинный ножик и банку изпод чая с китайскими картинками, но Маякин менять чудочашечку не согласился.

Прошло несколько дней. Ребята привыкли и перестали обращать внимание на Яшкину чашку. Один Степка Ортин все смотрел на нее замороженными глазами. Он почти каждую перемену подходил к шкафу с посудой и подолгу разглядывал на дне серебряную рыбку. Однажды не вытерпел, взял чашку в руки и вдруг нечаянно уронил ее на пол. Чудочашечка разбилась вдребезги. Яшка заревел так громко, будто разбили не чашку, а его самого. На шум прибежала учительница. Виновника она пожурила, а когда тот после

уроков уходил домой, наказала ему, чтобы он принес из дому чашку взамен сломанной.

Ортин выполнил наказ. Принес Маякину почти такую же чашку, только без серебряной рыбки на дне. Чтобы Яшка не сердился, Степка отдал ему перочинный ножик и банку из-под чая с китайскими картинками. Мир был заключен.

Прошло еще несколько дней. В перемены Степка и Яшка дружно играли и, наверное, забыли бы об этом случае совсем, если бы не Степкина сестра - Танюшка.

- А я что-то знаю, - заявила она подружкам. - А в чашке-то, которую Степка принес, Мурка молоко лакала.

- Какая Мурка?

- Да кошка наша. Когда Степка стал у мамы просить, мама ему хотела дать настоящую, из которой дедушка ел. Но Киюша сказала, что Маякиным можно из муркиной чере-пени есть. Вымыла и отдала Степке. Он эту черепеню в школу и принес.

- Почему же Маякины должны из кошачьей посуды есть?

- спросила учительница, услышавшая этот разговор.

- Да потому, - ответила Танюшка, - что Маякины старове-ры - раскольники.

- А что, они разве не люди?

- Люди. Да Киюшка говорит, что басурманы они, не на-шей веры.

Пришлось учительнице идти к Ортиным. Киюшка зая-вила прямо :

- Маякины отступники от единственно правильной православной веры и им не то, что в кошкиной посуде, но и со свиньями жрать не заказано. Это было в 1932 году.

Яшка Маякин на всю жизнь запомнил случай с глиня-ной чашкой. Через много лет он всегда приводил этот при-мер человеческой нечестности, подчеркивая в своих расска-зах, на какую вражду толкает иногда людей разделение на кланы.

О НАШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ

Дед Климентий очень любил нас, своих внуков. В 1929 году мне было всего пять лет, но я отчетливо помню, как мы в долгие зимние вечера, лежа на палатах, с большим интересом слушали его сказки, рассказы о нашем Уральском крае, о его лесах и поселениях, о различных случаях происшедших с ним и с его односельчанами.

Однажды Васька Теткин спросил его, откуда мы все взялись? Дед ответил:

- Кроме своего отца Архипа, я хорошо знал деда Епифана, который в возрасте 40 лет сгорел в дегтярной топке. Он был по отчеству Иванович. У прадеда Ивана отца звали Данилой, который первым из нашего рода обосновался в Морозово, где уже были жители, беженцы откуда-то с Запада.

Если предположить, что смена пяти поколений проходила в течение трехсот лет, то самый ранний наш морозовский предок появился здесь в период 1553 - 1600 годов. Именно в это время графы Строгановы начали колонизацию по бережью рек Камы, Чусовой, Лысьвы, Сылвы, Очера, и Нытвы. Начали строить тут острожки, крепости, заводы, на которые привозили крепостных из других своих владений, отесняя на Север аборигенов коми-пермяков и на Юг-удмуртов.

Одновременно и ранее стали возникать здесь в лесах деревни, починки, в которые селились беженцы-крепостные, не принявшие никоновские нововедения. Они стали называться старообрядцами. Строганов закрывал на это глаза. Ему было выгоднее с их помощью русифицировать огромные уральские просторы, закрепить их за Россией. Крепостных ему и других хватало.

Чуть позднее к этим беженцам присоединились бывшие воины Ермака Тимофеевича, завоевателя Сибири. Есть предположение, что деревню Морозово основали бывшие крепостные боярыни Морозовой, не принявшей новизну в религии.

Бежали сюда и стрельцы опальной царицы Софьи. Которое из предположений вернее, трудно судить. Один факт бесспорен, что все они были староверы.

Не может быть случайностью и то, что наш предок Иван служил пять лет рядовым в казацкой кавалерии. Был унтер-офицером и Климентий, воевал с турками в составе уральской казацкой дивизии. И я после фронта долго служил в пограничной кавалерии, общался с Забайкальскими казаками. Не по велению ли духов наших предков?

Казаками могут быть любые жители Макарят, Терехино, Пьянково, Урванцев, Поличей, Соломатки, Костылева, Веселково, Россомагино и других деревень.

ЛЕГЕНДА О ПОТЕРЯННОЙ ДЕРЕВНЕ

От одного жестокого помещика в одной из западных губерний сбежала целая деревня с 25 семьями. Ее следы затерялись где-то в Прикамских владениях графа Строганова. Произошло это будто бы в конце шестнадцатого века. Исчезнувших крепостных долго искали, но не нашли. Обнаружили их только в середине девятнадцатого века. Они преспокойно жили во вновь построенной деревне в уральских лесах около Очера, совсем почти рядом, окруженные несколькими холмами, непроходимым лесом, валежником, зарослями крапивы в человеческий рост и болотом. Этой деревней дед называл Пьянково, что было вблизи Макарят. В ближайших деревнях о Пьянково знали, но не выдавали. Выдал потерянных предатель. Наехали стражники, посадили своего управителя с охраной, обложили податью и стали пьянковчане государственными крестьянами.

- А где же непроходимые холмы, буреломы- валежники, крапива и болото? Я бывал в Пьянково у тети Маши, ничего этого не видел. Задал этот вопрос деду, а тот ответил:

- Холмы дождями смылись, валежины на дрова испили, крапиву повывели, болото осушили. Не веришь, так ведь это легенда, а в ней все насочинять можно. Может другая какая деревня была, а этой потерю для знаменитости приписали.

ТАИНСТВЕННЫЙ И ВОЛШЕБНЫЙ МАССИВ

Так называл дед Климентий лес "Спор". С ним там все время случалось что-нибудь неожиданное и необъяснимое. Пошел он как-то туда утром за конем "Воронком", спутанным и спущенным накануне вечером попасть там. А конь словно сквозь землю провалился: "Иду, - говорит дед, - и вдруг слышу, бренчит, дребезжит что-то. Огибаю малинник и вижу стоит огромный медведь на пне от сваленной бурей ели и расщепины-лучины натягивает, и отпускает. Они дребезжат, а он слушает, наклонив ухо. Что делать? Назад шагнуть, а вдруг наступлю на что и оно треснет, косолапый тогда разорвет меня. У стариков слышал, что если этого музыканта напугать внезапно, то он испугается и убежит. Подкрался я, да как хлестану его уздечкой, у того душа в пятки. . . Перевернулся через голову и задал драпака. А я прошел шагов двадцать и коня нашел.

В другой поиск Воронка увидел ревущего за загородкой теленка. Пожалел его. Вместо того, чтобы затворину вынуть и выпустить животного, я начал его через огород переваливать. Семь потов спустил, пока освободил. Потом услышал, что в лесу кто-то громко захлопал в ладоши и громогласно захохотал. Это, видимо, леший был. Таких таинственных случаев дед рассказывал мне не менее четырнадцати. Естественно, что после этого Спор становился, для нас, ребят, еще волшебнее и загадочнее и запомнился навсегда.

ХУТОР ОСИННИКИ

За восточной окраиной Спора был сплошной осиновый лес. Росли осины высокие - высокие и прямые. Когда там приходилось проходить или проезжать, то создавалось впечатление, будто ты попал в другую чудесную страну, в осиновое царство.

На расстоянии трех-четырех километров от Морозово

в этом лесу располагался хутор под таким же осиновым названием. Дед когда-то рассказывал о том, что была там очень большая усадьба богатых-пребогатых, бездетных мужа и жены. К началу 30-х годов хозяин умер, осталась только хозяйка-Домника со слугами. Доживала богачка девяносто девятый год. Была щедрой на дары бедным.

Особое расположение Домника испытывала к деду Климентию и к моему отцу Артемию. Постоянно зазывала их в гости. Меня не раз возили к старушке, чтобы заготовить там березовые дрова, березовый сок и веники. Каждый раз хозяйка наряду с другими угощениями обязательно угощала нас сладкими рассыпчатыми кренделюшками и черемуховым киселем с медом.

Отец перед поездкой к Домнике шутил всегда: "Ну поехал в зайчье и лисье царство!" Уж кому, кому, а зайцам было там что погрызть и зимой и летом. Домнику считали колдуньей. Все женщины наши к ней не ездили, боялись. А дед с отцом перед поездкой молитву сотворят и махнут рукой: - Молчите бабы, ничего не будет.

Мне же, пацану, всегда жутко было ездить в этот хутор Осинники. И с другой стороны интересно. Я ведь "храбрость" проявлял.

ТАРАБОРСКИЙ ЯЗЫК

Я рано научился читать. Восемь лет уже бубнил по слогам. В поисках, что бы почитать, нашел в отцовской папке тараборский алфавит и показал его Ваське Теткину. Он был старше меня на три года и сразу уразумел, что это такое. Мы заучили алфавит и стали разговаривать по-тараборски, удивляя сверстников секретным лексиконом. Теперь мы стали понимать отца, деда Климентия, дядьев Ермила и Савелия, когда они, думали, что мы их не понимаем, секретничавших между собой.

Отец с дядей Ермилом "разоблачили" меня только то-

да, когда мне стукнуло двенадцать лет. Пришлось во всем признаться и попросить отца рассказать, откуда он, язык тараборский, попал нам. Отец объяснил, что он был средством общения беженцев- старообрядцев, скрывающихся от властей и никоновских сподвижников. Суть его заключалась в том, что русские звонкие согласные звуки- буквы заменялись на глухие, а гласные не менялись.

Я часто пел тогда популярную песню " А ну-ка песню нам пропой веселый ветер, веселый ветер. . . словами : " А. пута нелпю пар нмоной шелесый шекем, шелесый шекем, шелесый шекем". И так всю песню. Взрослые дивились, как это я складно навывдумывал.

Этим наречием успешно пользовались одесские и хабаровские блатные. Служа на дальневосточной границе, я попал однажды в историю, спасло знание тараборского языка, об этом пойдет речь позднее.

ИЮНСКОЕ ЗАГОВЕНЬЕ

Престольным праздником в Морозово было июньское заговенье. Оно обычно приходилось между окончанием посевной и началом сенокоса. Прекрасное это было время, когда все кругом оживало, покрывалось зеленью, цветом жизни и деревья, и вся земля травой, как огромным бархатным одеялом. Во всю цвела черемуха, начинала цвести сирень.

В этот день в старообрядческой церкви ежегодно устраивались торжественные моления, а после них на площади перед поворотом главной дороги- улицы на Дворец- народные гуляния. Приезжали купцы, устанавливали перед домом священника свои палатки и торговали всякой всячиной. НЭИ торжествовал. Народу скапливалось видимо- невидимо. Ватаги красиво разодетых ребят и девчат вместе со взрослыми, степенными людьми водили хороводы, сопровождаемые песнями. Проводились конкурсы на победителя в игре " Шарбабы", в городки, в лапту, в третий лишний, в " лапти воро-

вать". Бывали и драки подвыпивших морозовцев, верховцев (из Макарят, Терехино, Урванцев, Поличей - вся горная часть деревень) - с низовцами (из Веселково, Торсуново, Россомагино, Носково, Субботино и даже Озерной). Подружек делили.

Я думаю, что и бог в этот расцвет природы был радостен вдвойне. Слава создателю, что создал такой чудесный прекрасный рай на земле.

ШИРОКИЙ ЛОГ

Более 50 - ти лет назад я покинул деревню, но ярко живут в памяти картины "босоногого" детства. Нередко мыслью возвращаюсь к ним и как- то светлее и радостнее становится на душе.

К 1931 году в нашей семье насчитывалось восемь человек. Взрослых - только отец и мать, а дальше - шестеро ребятшек, из которых самому старшему - мне - восемь лет, младшему - полтора года.

Хозяйство отца считалось справным, середняцким, хотя всей живности в нем было - корова Пеструшка, старый конь Воронко, несколько кур да два улья пчел. На усадьбе - конюшня, огород с небольшим садом и обычный крестьянский деревянный домик. На две комнаты в доме - единственный стол, один стул, две длинные, через всю избу, лавки. Имелась "парадная кровать", на которую никто не смел ложиться. Спали на полатах, подстилали войлоки, а под голову клали старую одежду.

Трудно приходилось отцу с матерью. Они еле- еле сводили концы с концами. Все лето работали, не разгибая спин, от зари до зари на своих полосках посева. Земельный надел на семью равнялся восьми десятинам, но полосы находились в разных местах, на плохих, неудобренных землях. Зимой отцу приходилось подрабатывать в городе или на лесоразработках.

Врезалось в память одно засушливое лето, когда хлеба

собрали мало. До следующего урожая его не хватило, и всю весну и лето до августа семья питалась чем пришлось: собирали листву липы, крапиву, хвощ, даже внутреннюю мякоть репейника. Все это рубили в корыте, сушили, толкли, смешивали, чуть-чуть сдабривали мукой и пекли из месива толстые сочни, так называемые "табани".

Единственным спасением было молоко, оно ценилось на вес золота. Но маленький Ванюшка просил хлеба. Дашь ему "табань", а он пожует-пожует, да и выплюнет. Заплачет, и ты с ним вместе заревешь.

Кто того не испытал, тому трудно понять, как мы ожили, когда земля, наконец, дала обильный урожай и хлеба, и травы, и ягод, и грибов. Как мы радовались первому выпеченному из настоящей муки ярушнику, пшеничнику, луковому пирогу!

Зимой мать водилась со всеми нами сама, а летом нанимала помощницу, "вожатку" - какую-нибудь старушку или девушку. Разные они были. Очень хорошо помню бабушку Агапию, добрую, ласковую, рассказчицу сказок. Но настоящий переворот в нашей жизни произвела Женя Викулова.

Было ей лет пятнадцать. Стройная, красивая, с двумя косичками, веселая, как ясный день. Мы сразу подружились с ней. Целыми днями водила она нас на луга, на речку. Покушает днем, и опять туда же, до самого вечера. Спали мы где сон сморит. Тогда Женя подложит под сонного снопа ржаной или льняной, а то сена, прикроет платком или фартуком, и спит ребенок, видит радостные сны. Спали то под сараем, то в предбаннике, то под стогом соломы, и никогда не простывали.

Был между нашим и соседским огородами лог. В шутку отец называл его "Широким", по подобию настоящего Широкого лога, что находится на пути из нашей деревни Морозово в Очер.

Удивительно хорошая росла трава в нашем логу - высокая, сочная. Бегаем мы по логу, и из трав только наши

детские головки видно. Чего только не было в "Широком логу": одуванчики, васильки, колокольчики, щавель, мать-и-мачеха.

Водила нас Женя в "Широкий лог" чаще всего. Сколько природных тайн раскрыла нам здесь девушка! Поймает кузнечика и говорит: "Это зеленый усач. Он не опасен, хотя для защиты пустую желтую жидкость пускает. Не против она человека- другой у него враг имеется". А поймает кузнечика коричневого с черными крапинками и сразу бросит: "Этого нельзя трогать, кусается". А сколько там летало еще стрекоз, бабочек и других насекомых. Про каждого она знала что-нибудь особое, ему присущее. Мы подолгу наблюдали за полетом майских жуков и шмелей. В небе парила некрупная птица канюк и просила: "Пи-и-ть, пи-и-ть!". И про канюка Женя знала интересные подробности. Так постепенно расширялось наше понятие об окружающем мире.

Из ярких красивых колокольчиков Женя плела венки. Наденет один кому-нибудь из нас на шею, погладит по голове и всплеснет руками: "Ай, какой ты красивый!". Потом озорно схватит кого-то за руки: побежим на речку! Там мы свивали из прутьев ивы венки и ловили ими юрких красноперых пескарей, маришек и вьюнов.

Бегали мы с Женей около речки, по "Широкому логу", и целый день хрустели зубами: жевали то щавель, то заячью кислицу, то борщевую дудочку, то землянные орехи, то черемуховую смолу. Ближе к осени грызли морковь, репу, брюкву, ели горох и бобы. Женя похваливала: "Зубки болеть не будут!". И правда, лет до тридцати я не знал зубной боли.

Все мы так привязались к Жене, что ревниво относились к тому, с кем она заговорит помимо нас. Особенно ненавидели Вальку Мокрушина, который стал ухаживать за ней и мешал нашим беззаботным гуляниям с Женей. С нетерпением ожидали мы, когда, наконец, он уйдет, когда его "черт унесет".

Мы очень полюбили Женю, но осень наступила и пришлось с ней расстаться. На прощанье она ласково привлекла меня к себе, погладила по головке и поцеловала в Щечку. Я заплакал, очень не хотелось с ней прощаться.

Разлуку с Женей мы сильно переживали. Девушка жила в другом конце нашей большой деревни. Когда меня посылали в магазин за покупками, я подолгу ходил около жениного дома, надеясь, что она заметит меня в окно и выйдет поговорить. Но Женя куда-то уехала вместе с родителями и больше не возвращалась.

Даже уехав из деревни и отслужив в армии около семи лет, я во время побывки в Морозово прошелся до ее бывшего дома. Так глубоко запал в душу образ нашей милой, доброй, ласковой "вожатки".

И до сих пор живет в памяти наш бывший "Широкий лог", наши прогулки по буйному разноцветью трав, живет огромная радость знакомства с миром и наша красивая, стройная, все знающая Женя. Евгения Викулова, где ты теперь?!!

РАДОСТЬ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА

Колхозы и совхозы, по- моему, самая лучшая форма коллективного труда. Жаль только опорочили ее всякие малограмотные, невежественные, далекие от крестьянского труда экспериментаторы. Там, где колхозы, совхозы возглавляли умные руководители, там труд действительно становился делом чести, славы, радости и геройства. Примеров хоть отбавляй. Достаточно вспомнить пример "Уральца" в Верещагинском районе, где в течении 30 лет устойчиво получали урожай от 20 до 35 центнеров с гектара, доили молска от 3000 до 5000 литров в год от каждой коровы. И все это благодаря редкому энтузиасту- директору П. С. Тютикову и подобранных им специалистов. Неплохие результаты труда были по первоначалу и в Морозовском "Пролетарии", в Мз-

карытском " Маяке" , где в 1937 году колхозники получили по 7 килограммов хлеба на трудодень.

Мне же хочется вспомнить о другом виде коллективного труда, об общинном, который практиковался среди крестьян до революции и в годы НЭПа при Советской власти. В нашем Морозово в ту пору каждый крестьянин трудился сам по себе и в то же время состоял членом сельскохозяйственной общины, в которой некоторые операции производились всей деревней, у каждого крестьянина по очереди. Она определялась по жребию. Например, молотба собранного урожая общественной молотилкой. Такая операция называлась помочью. На помочь собирались все от мала до велика. Самый опытный становился машинистом, подавал в жерло молотилки -"очерки" разворошенные помощниками снопы. Кто-то зерно отгребал, кто-то солому относил и сметывал.

Эх, и веселая это была работа! Смех, крики, шутки. Девичьи песни под грохот молотилки. Они до сей поры звенят у меня в ушах. Все любили эти помочи, шли на них как на самый главный праздник, и не потому, что ждало большое угощение, а потому, что, если хорош намолот, то хозяин сдает определенное количество зерна в общественный фонд, чтобы поддержать малоимущих или пострадавших от малоурожайности. Даже богатенькие на помочах были щедрыми. Попробуй не будь таким. На будущий год " намолотят". На бек запомнят.

ДОМАШНИЕ ПЕСНИ

По большим праздникам, когда собирались у нас в Морозово многочисленные родственники, дядья и тетки, отец и особенно Павловский Савелий Яковлевич заводил старинные песни про наши поля, леса, луга, лесные поляны. Они были такие же душевные, милые сердцу, как наши уральские прсторы. Был бы я постарше тогда, запомнил бы их все. Слов не помню, но в минуты острой нестальгии по

родной деревне, мотивы этих песен звучат в моей душе, я даже напеваю их иногда, так без слов, только мелодией.

Любили наши гости казацкие песни. Особенно " При лужке, лужке. . ." и про Ермака Тимофеевича. Они были данью к прошлому наших предков, пришедших сюда на Урал с этим полководцем. Таково было предание. Много об этом было легенд. Дед Климентий не раз рассказыва их. Одну из них я перерабатываю сейчас в повесть. Думаю, что получится, хотя много в них не точного, всяких надуманных предположений и догадок.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА !

Марфе Клименьтьевне Бурдиной, жительнице поселка Павловского, исполнилось 80 лет. Вся жизнь ее- это подвиг, но не военный, не трудовой , а материнский. Прожив такую большую, полную работы по дому и тревог жизнь, она воспитала, вывела в люди семерых из девяти родившихся детей. Старший сын Леонид, бывший шофер, ныне пенсионер и средний- Владимир, инженер машзавода, живут своими семьями и домами поблизости от материнского, стоящего по Советской улице на берегу пруда. Философ Геннадий обосновался в Перми, слесарь Иван- в Киеве. Старшая дочь Зоя- провизор аптеки, живет в Красноярском крае, средняя Сима и младшая Нина- обе железнодорожные кондукторы в Донецке.

Каждый из детей зовет мать к себе, но она не едет ни к кому, чтобы не обидеть других да и слишком много ее связывает с Павловском, с этим стареньким домом, прекрасным огородом и садом, с лодочным причалом в собственной усадьбе на берегу пруда. Сюда она приехала из Морозово стройной белолицей красавицей, вышла замуж за бравого, чернобрового, статного бухгалтера машзавода Савву Яковлевича. С 1923- го года до начала войны они прожили трудные, но счастливые годы. Счастье царило бы и дальше, не случись коварного нападения фашистов. Призывали Савву в

зенитную артиллерию. Провоевав три года, вернулся он домой безнадежно больным и умер в сорок четвертом. Самой первой дочери- Зое- было тогда 18, последней- Нине- всего 4 года.

Несладко пришлось матери с таким народом. Но выжили. Государство до совершеннолетия на каждого пособие давало да и дети трудолюбивыми росли, не боялись любой работы. Даже малыши без дела не сидели. Работать на заводе почти все начали с четырнадцати лет. Трудились и учились заочно, получили среднее специальное образование. У старших выросли, а у младших подрастают такие же трудолюбивые дети.

Шумно бывает в старом родительском доме у пруда летом. Приезжают сюда дочери, сыновья, внуки, правнуки, племянники и племянницы. В летние дни для Марфы Климентьевны- праздник, самый лучший, дороже всех других. Такой праздник состоялся у нее 17 июля, в день ее восьмидесятилетия.

-Здравствуй, мама! -говорят дети. -Добрый день! -восклицают внуки. " Бабушка, бабушка" , - кричат малыши третьего поколения. Это ли не награда для Марфы Климентьевны. Эти же слова повторяются и в письмах и в открытках со всех концов страны. Повторим и мы:

- Здравствуй еще многие, многие годы, мать, воспитавшая семерых детей! Почет тебе и слава!

Марфа Климентьевна прожила после этого юбилея еще шесть лет. Ее нет сейчас. Но след ею на земле оставлен ощутимый. Он будет замечен еще долго, долго.

ШЕЛ ПО СЕЛУ ИРОД...

Есть у нас, западноуральских русских, пословица: " Засела мысль в голове, как заноза в сердце". А у меня- и мысль, и целый образ, что уже более шестидесяти лет не забывается, все свербит.

Марей Жекенов, как и все в нашем большом селе Морозово, имел 8 или 10 десятин земли и трудоспособных сына и дочь. Однако никогда эту землю не обрабатывал, сдавал в наем. Семья жила овощами с огорода да благодаря корове и нескольким курам. Ясно, что этого не хватало. Марей занимался собирательством, за что и получил прозвище "Ирода рода человеческого". Все у Ирода было с чужого плеча, даже лапти. Давали ему вовсе не по доброте душевной, а скорее из боязни, так как Ирода считали колдуном. Мой дед Климентий не раз рассказывал, как он своими глазами видел Ирода, который превращался в огромную свинью, лезшую к нам через подворотню в хлев и в конюшню. Лошадь при этом страшно ржала, рвалась с привязи, куры всполошились, овцы забились в угол. . . Дед огрел ту хавронью несколько раз колом, она злобно хрюкнула и убежала. А на утро соседи сообщили, что Ирода кто-то избил и он захворал.

Может, то сам Марей распускал о себе слухи, чтобы легче было брать с каждого по нитке и гвоздю, ибо нитка к нитке- и костюм готов, а гвоздь к гвоздю ведет в новую избу.

Как и к другим, Ирод заходил непрошеным гостем и к нам. Было нас у отца с матерью семеро, мал мала меньше. Марей еще в сених, а мы уже все на полатах, лежим не шевелимся.

Зайдет Ирод в дом- не перекрестится на образа. Боже упаси! Марку колдуна держит. Особенно запомнилось мне, как Марей носом фыркал. Фыркнет и скажет: "Фу- фу! Опять мясо варили". Это означало, что он есть хочет. А мать в ответ: "Садись, Марей Прокопъич, налью". И подаст ему супу да мяса кусочка три- четыре.

То Ироду запасное топорище понравится, то малина-ягода, смородина, которую мы в огороде набрали. Полтуеска отсыплем. А уж если мед гоним, меньше, чем пол- литровой банкой, не отделаться. Будто помещик в крепостное право дань собирал.

А может, и не боялись этого колдуна, а просто не хотелось с ним связываться. Не дашь чего-нибудь, засидится до поздна, рассказывая всякую всячину. Знал Марей много. То громкоговоритель у сельсовета послушает, когда все другие в поле трудятся, то приезжих из Очера, других окрестных деревень расспросит. . . И будет рассказывать, сидеть, покуда не обломится что.

Когда началась коллективизация, попал Марей как наибеднейший крестьянин в комитет бедноты. Тут он совсем распоясался. Если раньше брат "оброк" по мелочи, то теперь и крупным вымогательством стал заниматься. Облюбовал как-то у Архипова Клима тулуп. Не получилось. Так настрочил на мужика-середняка целую петицию, что будто бы раньше рыбой торговал, дегтярное заведение имел. И разорили Клима, со всей семьей в Сибирь отправили. В Морозово и в соседних деревнях было раскулачено 38 хозяйств, в которых только пара были настоящими кулацкими, остальные-середняцкие. Разорили их в большинстве только за то, что не хотели вступать в колхоз. Горе этих трудяг лежит на совести горе-активистов Чардакова, Мельканова, Железина, Турегина. Сыграл здесь свою подлую роль и Ирод. Его подпись в листах-списках на раскулачивание стояла в числе первых. Мой отец тоже не записался в колхоз. И если бы не мобилизация на лесозаготовки, то мог бы так же не избежать той участи. Мы стали рабочими, лишились родины. . .

Все, о чем рассказал здесь, было на самом деле. Только немного имена и фамилии изменил, а то вдруг да родственник какой-то тех активистов сыщется и ему не любо будет. А бывшие мои односельчане и без того знают.

КАК РАСКРЕСТЬЯНИЛИ ОТЦА

Моему деду Климентию Архиповичу немало пришлось в начале века попотеть для того, чтобы благоустроить свое жилье, перестроить избушку на пятистенный, рубленный из ели дом, возвести под одной крышей конюшню, стаи для коровы, овец и кур. Отдельно амбар для зерна, сарай и дровяник. Состоявшая из 22 человек семья требовала увеличения земельного надела с 10 до 20 десятин. Но в царское время этого нельзя было добиться. У деда было только два сына(две души, на которые давалась земля) , а дочери и сестры деда не шли в счет. Единственная польза от взрослых женщин- семейщиков была в том, что они все до выхода замуж работали для семьи.

После революции, во время НЭПа закон о земле позволил брату отца выделиться, получить свой земельный надел, построить себе дом и пристрой. К 1929 году все сестры отца вышли замуж в другие деревни, и отец остался хозяином в доме деда. Отцова семья состояла из семи человек. Я был старшим ребенком, остальные младше меня. Мне к началу коллективизации было всего семь лет. Жизнь крестьянская, единоличная была непомерно трудна. Все односельчане и отец были членами одной старообрядческой общины, в которую кроме нашей большой деревни Морозово(72 двора) , входило еще около 17 малых деревень. У общины имелось немало строгих неписанных законов, которые нельзя было преступить.

Немалым грузом висели на спине хозяина налоги- обязательства перед государством. Урожай или неурожай, а натуроплату в виде зерна, масла и молока, шерсти плати в срок и сколько положено. Летом мы отца с матерью почти не видели. С рассвета до темна они трудились в поле. С нами сидела вожатка, девочка- подросток. У нас было все свое: хлеб, крупы, молоко, мясо, яйца, мед, одежда из льна (зимой ткали и шили), обувь из кожи(коты) , лапти из

лыка. Ведра, ложки из дерева, горшки и кринки из глины, туча, бидоны из бересты. Денег было очень мало, поэтому покупали только самое необходимое для ремонта телеги, сельхозинвентаря. У отца был единственный " базарский" костюм и яловые сапоги, которые он всю жизнь проносил, одевая их только в гости, в церковь да на базар. У матери тоже было не более 2- 3 магазинных платьев.

Кроватей не было. Спали мы все на полатях, на кошме, укрывались лоскутными одеялами, которыми пользовалось не одно поколение. В изголовье приходилось класть лопотины, подушек не хватало. Стулья и табуреты заменяли лавки через всю избу. Отопляла нас русская печь да железная " буржуйка" . Светом служили свечи, лампа на деревянном масле. Керосиновые лампы зажигались только по праздникам. Были моменты- и лучину жгли для освещения.

Летом крестьянин трудился изо всех сил в поле, зимой молотил, заготавливал дрова, готовил сельхозинвентарь к лету, ездил молотить зерно на мельницу, занимался отхожими промыслами, чтобы хоть немного заработать денег. Хлеб ведь всегда стоил дешево. Чтобы купить что-нибудь стоящее в городе, надо было не один воз зерна продать. А ведь его и своей- то семье не всегда хватало. Женщины и девочки от мала до велика кормили скот, пряли, ткали, вязали, шили, топили печи, пекли хлеб, варили пищу. Как сейчас вижу мать, с утра до вечера бывшую в работе. И мы, мальчишки, не сидели даром. Я, старший, всюду был с отцом: он лес рубит, я сучья в костер собираю, он косит - я гребу, сколько сил хватит, а чаще скотину пас, лошадей отводил в ночное, навоз или снопы на телеге возил. В восемь лет уже серпом жать мог по мере возможности, лен рвать, вязать, в суслоны ставить. Нашим детским делом было ходить со стариками в лес за земляникой, малиной, грибами. Их тогда мешками досушивали. Были они и едой, и лекарством при соответствующем приготовлении.

Привычка- большое дело. Трудно было крестьянину, но

он вез свой воз. Трудолюбие выручало. И когда в 1931 году зимой и весной начали у нас создавать колхоз, шли в него не очень охотно. Начальство сулило золотые горы при коллективном труде. Но не легко было мужикам расстаться с привычной жизнью. Мой отец, как и многие другие середняки, долго тянул резину. Потом поддался сладким речам и подал заявление. Как имеющего тогда в деревне самое большое трехклассное образование, поставили отца кладовщиком. Но к лету колхоз распался, семенное зерно растащили обратно по дворам. Отца стукнули колом раз- другой и ключи отобрали. Несмотря на это ему в сельсовете сказали: "Надо было костыми лечь, но зерно растаскивать не позволять". И посадили отца в холодную, где он просидел две недели.

Летом крестьяне снова хозяйствовали единолично. А в январе 1932 года их снова стали агитировать в колхоз. Для устрашения раскулачили четырех кулаков и 34 середняка. Долго уговаривали отца. Когда же он наконец отказался, наложили на него твердое задание: сдать государству сто пудов зерна. Снова отказался- дали другое твердое, потом третье. И таким образом выскребли из наших сусеков все зерно. Даже на семена не оставили. А когда и это не помогло, пришли описывать имущество: лошадь, корову, пять овец, теленка, пчел, веялку и весь инвентарь. А обосновали это беззаконие выдуманной байкой о том, что дед Климентий будто бы когда-то приказчиком был у какого-то купца да рыбой торговал, да будто бы дегтярное заведение имел. Этим на самом деле занимался отец моего деда, но разорился.

Обиднее всего отцу было, то, что раскрестьянивали его горе-активисты из комитета бедноты Ф. Шардаков, С. Тельканов, Е. Тетенев, которые никогда не трудились на земле, из-за лени своей побирались тем, что плохо лежит, да тем, кого объегорят. Шардаков прославился тем, что отца родного раскулачил в соседней деревне, Степка-своим тюремным

прошлым, Ерема- мнимым колдовством и в связи с этим поборами с крестьян. С этими тремя разорителями в описании имущества участвовали понятые Г. Танин, С. Кайгородов, В. Морозов, П. Ларионов. Эти люди, такие же простые труженики, как отец, знали его как самого обыкновенного середняка, трудягу, нелегко добывающего свой хлеб. Жалели нас, детей, спрятавшихся на палатах, пытались защитить.

Все описанное было увезено. Даже деревянный, совсем простенький, несколько раз отремонтированный диван и ящичек для лекарств забрали. Остались мы, как после пожара, ни с чем. И в избе пусто, и во дворе, и в стаях - коняшнях. Мать долго голосом ревела, и мы плакали. Отец, понутив голову, долго сидел неподвижно. Потом сказал маме: " Веди детей в Макарята, к твоим родителям. Там попытаются пока, а я пойду к другу Григорию Афанасьевичу. Может, он что- то посоветует". Выслушал его друг и сказал: " Ты, Артемий, вместе со мной год с Колчаком воевал, потом три года на Кавказе. Неужели ты враг советской власти, если ее защищал? Езжай в район, в область. Напиши прошение, приложи документы о службе в Красной Армии". Отец послушался и начал хлопотать. Через месяц- полтора приехала в деревню комиссия во главе с прокурором, который честным и дотошным оказался, почти всех односельчан опросил, в сельсовете все документы проверил и вынес решение о том, что два хозяйства из 38 репрессированы незаконно. Приказал их реабилитировать и вернуть им все конфискованное. В числе этих двух хозяйств оказалось и хозяйство моего отца.

Радость наша была безмерной. Но чем жить? Вернули нам только корову, пчел да соломорезку. Одним молоком да медом не проживешь. Триста пудов конфискованного зерна, телят и овец сельсовет зачел нам в счет будущих хлебомясопоставок государству, если будем жить единолично. Лошадь не вернули без объяснения причин. Как без нее хозяйствовать? Ох, и намучились мы до нового урожая.

Занятые у соседей крохи муки мешали с лебедой, хвощом, липовыми листьями, с внутренней мякотью репья, стряпали табани и ели их с молоком. Табани были горькие, мои маленькие братики и сестренки плакали. Еле дождались конца июля-августа. А тут засуха, большой неурожай. Зерна собирали настолько мало, что еле хватило расплатиться с займами да до декабря прокормиться. Опять замерещил голод. У отца с матерью головы болели от горя. Они похудели так, что страшно было на них смотреть. Соседи советовали уехать в город.

Но так просто уехать нельзя было, в сельсовете справку не дадут. Тогда отец завербовался на год на лесозаготовки, а потом на завод в Очере поступил выбивальщиком в литейный цех. Получил паспорт, нашел частную квартиру и нас в рабочий поселок перевез. Более пяти лет мы горе мыкали, скитаясь по квартирам, пока не удалось отцу построить из старых бревен маломальский дом без крыльца, без сенок. Только обжились, а тут война. Отец на ней погиб, не провоевал и трех недель. Полгода на фронте и шесть на границе отслужил и я. Много горя хлебнула мать с оставшимися в живых сестрами.

Сестры были увезены из деревни совсем маленькими. Они мало помнят деревню, а я ее часто вспоминаю. Мне до сей поры снятся наш огород, черемухи, малинники вокруг дома, речка Морозовка, густотравные луга, березово-осиновые сколки, лесные земляничные и грибные поляны. Как хорошо было там, в царстве дремучих лесов, трав и лугов. Я даже чувствую вкус щавеля, дудки-борщовки, дикой ретюги, сочной земляники. Было бы хорошо, если бы рынок стали внедрять тогда, в начале тридцатых.

Меня всегда тянуло на родину, как магнитом. Здесь все неузнаваемо изменилось. Из 17 малых деревень, входивших в нашу общину, не осталось ни одной. Все разрушили дикие эксперименты над крестьянином. Вот и сейчас эксперимент, только в обратную сторону. Нужно ли разрушать кол-

хозы? Сможет ли крестьянин купить технику, инвентарь? Это только новоявленным бизнесменам под силу. Не ведет ли это к расслоению на новых богатеев и батраков? А сердце снова болит, как тогда, в тридцатом.

ШИПИЧНАЯ ГОРА

Своеобразно выглядели восточные окрестности Морозово. Чтобы попасть в соседние ближайшие деревни-поселки, нужно было перевалить очень крутую, обрывистую на восток гору, за которой был большой глубокий овраг. Правая сторона горы нависала над местностью острой кочкой-скалой. Эту скалу и прилегающие к ней спуски местные жители называли малым Уралом. Вокруг располагалось царство малинников, шиповника и кипрея. В детстве я не раз залезал на вершину кочки. Оттуда летом открывался захватывающий вид на зеленеющие вдаль леса, сколки, желтеющие поля, покрытые рожью, ячменем или пшеницей, на нашу родную деревню. Эти дали очаровывали не только нас, детей, но и любого взрослого. Не зря отец возил меня туда много раз.

Почва шипичной горы состояла из какой-то особой глины, с которой дождевая вода скатывалась вниз, а не впитывалась в землю. От этого примыкающее поле постоянно было сырым. И это место в пору дождей, особенно осенью, приходилось обходить и объезжать.

В нынешние времена эту гору раскопали бульдозерами. Под слоем глины оказался толстый коричневый каменистый сланец, пригодный для настила на дороги. И тут открыли карьер. Прямо по образовавшейся искусственной дороге распростирались оняновский и гилевский леса, а с левой стороны веселовские загородки-покосы. Место низкое, под шипичной горой. Сплошные сколки-ельнички, березнички, осинники, урожайные на белые грибы, обабки, красноголовики. Были тут и хлебные полосы.

МАЛАЯ И БОЛЬШАЯ ОЗЕРНА

На ровном месте среди полей после ельников, березников проходил широкий лог-лучшие покосы тех мест. Посреди лога текла речка Малая озерна, образовавшаяся от многочисленных ключей-родников. По обе стороны речки и лога расположились деревушки Субботино и Рубцово. Даже Малая озерна шла вдоль урочища Быковая гора на расстоянии трех километров к деревне Боронники и была изрезана многими каменистыми оврагами. Затем она шла по деревне Соромотино, Ежово и Седово и тут сходилась с Большой озерной.

Большая озерна начинается с главного Морозовского ключа, проходит посреди деревень Морозово, Веселково, Рассомагино, Торсуново и впадает в ручей, выходящий из торсуновского озера. А сам этот ручей впадает в Павловский пруд. Торсуновское озеро знаменито очень большой глубиной и бобрами.

На обеих речках, озерках были две мельницы, мучные и крупорушки. Они обслуживали все окрестные деревни и починки. В речках водилось много всякой рыбешки, особенно маришек и пескарей. Водились сорога и раки. Чего не скажешь в нынешние времена, когда в них 70-80 годах спускалось немало навозной жижи, различных химикатов. Берега обоеих речек поросли ивняком, ольхой, шиповником, волчьей ягодой и другими кустарниками. Были березовые и осиновые рощи, а в двух местах даже прекрасные сосновые боры. Их позднее вырубili и речки лишились сразу той необычной неповторимой красоты.

ЛЕГЕНДА ОБ УРАЛЬСКОМ МОРЕ

В бывших деревнях-починках Ежово и Седово переходила из уст в уста легенда, о том, что место на котором расположены были эти селения, являлось когда-то берегом боль-

шого уральского моря. Объясняли это тем, что тут очень много прекрасного гравия, гальки различных размеров, глины и ракушек в них, что указывает на существование морского дна.

Не зря в советское время тут эксплуатировалось несколько карьеров, из которых сотнями тонн вывозили гравий на многие дороги Очерского района.

Такой же карьер был оборудован и в широком логу, который расположен по правую сторону тракта Морозово-Очер. В 1960- 1975 гг существовал там кирпичный завод, имели свою резиденцию немцы- ГДРовцы, строящие газопровод, компресс- завод.

*По воспоминаниям Павла
Петровича Соловарова.*

СТОЛЫПИНСКИЕ ХУТОРА

Царский министр Столыпин провел в начале нашего века реформу о выселении крестьян на хутора. А уральские хлебопашцы, предки которых состояли в основном из бывших беженцев из центральных губерний, догадались об этом на много десятилетий, а может и двух сотен лет, раньше. К началу 19 века на восточных окрестностях от села Морозово уже сложился не один десяток хуторов, состоявших каждый из 7- 8 домов и 15- 20 жителей. Хутора эти назывались здесь починками. Я лично очень хорошо помню починок Михаила Гилева, который имел ветряную мельницу и лесопилку, и починок осинники, где не раз бывал ребенком и юношей. А вот мой бывший одноклассник Павел Петрович Соловаров провел свое детство в починке Соловарово, хорошо знал починки Рубцово, Субботино, Макарово, Нижнее и Верхнее Носково, Чалово, Латки, Гилево, деревни Боронники, Чистогоры, Верхнюю и Нижнюю Песьяну. Все названные починки

после коллективизации были объединены в единый колхоз "Новый труд", который просуществовал до гнилых ветров о неперспективных деревнях.

Павел Петрович хорошо знает историю возникновения своего родного починка Соловарово. Первый дом тут построил молодой крепкий казак Тимофей Соловаров, прибывший после освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1961 году. У него потом появились сынозья Павел, Филат и Николай. Филат был очень религиозным человеком, в своем огороде построил небольшую церковь и все свободное время у него уходило на молебны. Павел и Николай крестьянствовали, вместе с Филатом работали в его кузнице. Позднее рядом построилась богатая женщина Евдокия. Она взяла к себе в дом Дмитрия Рубцова. К 1929 году в починке было пять домов. Хозяином одного из них был Петр Петрович, отец Павла Петровича. Судьба его оказалась многострадальной. Ему несколько раз пришлось расстаться с родным домом. Поработать на железной дороге, на машзаводе, быть несправедливо арестованным и отсидеть определенный срок. Умер он в 1932 году. Павел с братом Василием провели остальные годы детства и юности с матерью и бабушкой. Потом в колхозе работали.

Павел Соловаров пробыл на фронте всю войну, вернулся оттуда инвалидом, получив три ранения и контузию. Подлечившись, работал сначала почтальоном в колхозе, а потом до пенсии по старости на трикотажной фабрике слесарем и экспедитором. До сей поры мы встречаемся и беседуем с ним о пережитом и особенно о годах нашего деревенского детства.

Несколько в стороне от вышеназванных починков, за Баранниками, находился еще один починок, под названием Околесница. Он был за березником около починков Верхний и Нижний Чистогор, входивших вместе с деревней Погорелка в другой колхоз.

ПРАВОО И ЛЕВОО ПОБЕРЕЖЬЯ РЕКИ НЫТВА

Тракт идущий от Морозово через лес Спор, выходил сначала к починку Коротаево, состоявшего из двух домов, и к деревне Верхняя Песьяна из 11 домов. Отсюда было ближе, если хотел добраться до большого села Дворец, но мы дети, любили ходить через Чистогоры, потому что отсюда, с высоты открывался величественный вид на долину реки Нытва, на погорельский и дворецкий пруды, на левобережную и правобережную деревню Погорелку. Будучи единоличником в период НЭПа, отец часто брал меня с собой сюда, на мельницу. На левом берегу Нытвы за Песьяной была еще деревня Долгая, а на правом - Свалы.

Дворец при ходьбе по тракту появлялся неожиданно и сразу поражал путника каменной громадой православной церкви. К стати надо отметить, что большинство жителей около дворецких деревень исповедовало Никонианство, потому что заселение тех мест происходило в основном в 17 и в начале 19 века, а не в шестнадцатом, когда бежало множество старообрядцев и селились около Морозово. В описываемом районе была еще одна деревня Казанский ключ, но о ней Павел Петрович не смог ничего вспомнить.

Павел Петрович вспомнил, что на середине пути из Морозово стоял расписанный разными знаками и полосами большой столб, который указывал границу сферы влияния графа Строгонова и другого какого - то помещика. Незря мой дед Климентий, отец и другие родственники говорили, что они ходили за грань. Спросят их, где вы были, а они отвечают: " Да за гранью же. . ." За грань попадали многие из неперечисленных починков, в которых преобладало православно- никонианское население, но жили и старообрядцы. Например, в починках Субботино и Рубцово и Малая озерна. Поэтому, когда Климентий говорил, что в Морозовскую старообрядческую общину входило 17 деревень, он был не полностью прав. И в тоже время не врал, так как даже в дальних деревнях и починках, находившихся далеко в тылу, за гранью, жили староверы. С той только разницей, что они поселились в эти места значительно позднее крестьян с верховских деревень.

НОЭМА
ЭТО РОДУНА МОЯ

" О крестьянин, раб мотыг,
Раб лопат продолговатых.
Был ты раб, но не привык
Быть забавою богатых."

" Длинного и суха,
Сгинь мотыга и соха,
Начинайся, новый век,
Здравствуй конь и человек! "

" Нехороший, но красивый,
Эго кто глядит на нас?
То мужик неторопливый
Сквозь очки уставил глаз."

Н. А. Заболоцкий

" Торжество земледелия "

Глава 1. МЕЖ ПОЛЯМИ И ЛЕСАМИ

Меж полями и лесами,
Невысокими холмами,
Во прикамской стороне,
С детства близкой, милой мне,
В пойме маленькой реки,
Где резвились лишь мальки,
Пять веков тому назад
(Я тому, конечно рад)
Вся долина оживилась,
И деревня появилась.

Кто ее благоустроил,
Первым дом себе построил,
Неизвестно никсму,
Только богу одному.
Е первый новосел
Был неграмотный осел
И сего не записал,
Знать семью свою спаса.

Его помещик так прижал,
Что сюда он убежал.

А может скрылся от химеры,
Этой никоновской веры,
На всех наложившей свой перст.
А тут кругом на сотни верст
Никакого населенья.
Так по щучьему веленью,
По мужичьему хотенью
Быть построено селенью.
Не против был абориген,
Не устроил русским сцен.

Ему в тайге хватало места,
Он из мирного был теста.
Таковы все пермяки
И удмурты-вотяки.
Они язычниками были,
Но добро всегда творили.
Всем бежавшим не мешали,
Дружелюбно руки жали.
Потом еще пришел народ,
Увеличивший приплод.

С чего Морозовой назвали,
Деревне этой имя дали?
(Могли иначе ведь назвать)
Теперь приходится гадать.
В честь боярыни опальной,
Ее участи печальной?
Или холодно ему,
Поселенчику тому,
На Урале. показалось,
Тепло на Родине осталось.

Кто другие поселенцы?
Они, конечно, не чеченцы.
Новгородцы, может быть,
Сюда могли вполне "приплыть".
А может быть казаки с Дона,
Бывши долго вне закона,
С Ермаком сюда пришли,
Вольность новую нашли,
С татарьем навоевались,
А потом тут жить остались.

Все возможно, пусть и так,
Не волнует нас никак.
Кто бы ни были селяне,
Они были все крестьяне.
Жили собственным трудом,
Берегли свой отчий дом.
Укрепив союз и братство,
Землю- главное богатство,
Обрабатывали дружно,
Как положено и нужно.

Шли века, летели годы,
Рядом выросли заводы,
Кои Строганов возвел.
Да еще десятки сел
Постепенно появились,
По всей округе расселились.
А в Морозово дворы
Уже спустились с горы,
В пойму съехало немало,
Чуть не сотня их уж стало.

В начале нынешнего века
Судьба жалела человека,
Деревня милою была,
За хорошую слыла.
Огородами, садами
Очень славилась она.
Главной улицей своею
Возгордилась вполне
И заулками большими
На заречной стороне.

В оградах не было асфальта,
Лишь муравушка росла.
Было чисто для детей,
Для их игры, простых затей.
Даже дождик-лиходей,
Не пугал в селе людей,
Грязь там с роду не водилась,
Она в конюшнях лишь ютилась,
И то соломкой покрывалась,
В удобренье превращалась.

Такая ж травушка кудрявая
И на улицах была.
Скот гонялся по загону,
Знал все время свою зону.
И тележная дорога
Шла по внешней стороне,
"- Расхвалил,- мне скажут,- много,
Такое видел ты во сне".
Моя память не застыла,
В такой не винен я вине.

Почти в такой же обстановке
В годах двадцатых жизнь плыла
Что с верхов, что в упаковке,
Еще тогда не загнила.
Я ребенком был счастливым,
Не знал что семью дальше ждет.
Слыл мальчишкой говорливым,
Не предъявлял к судьбе свой счет.
Ох, ты, детская наивность,
Куда тебя твой путь ведет?

" В глуши лесов таинственных,
Нелюдимый как дикарь,
Песню прадедов воинственных
Начинает петь глухарь.
А на кочках под осинами,
Солнца праздная восход,
Спричитаньями старинными
Водят зайцы хоровод.
Лапки к лапкам прижимают,
Вроде маленьких ребят,
Про свои обиды заячьи
Моноotonно говорят."

Н. А. Заболоцкий

" Весна в лесу "

Глава 2. К НАМ ПРИРОДА БЛАГОВЕЛА

К нам природа благовела,
Мы платили тем же ей.
В кошки-мышки не играли,
А как друзья мы жили с ней.
Лес, поля не загрязняли,
Сор туда мы не везли,
Мы его всегда сжигали,
Как удобрение пасли.
После рубки щепки, сучья
В своей буржуйке-печке жгли.

Мы уголь каменный не знали,
Наше топливо- дрова,
Воздух чистым оставляли,
Не болела голова.
И потому, как по заказу,
Все устроилось у нас:
Поля на склонах разместились,
Покосы, ягоды- в логах:
Грибы по сколкам делились,
А малинник- в вырубках.

Каждый наш единоличник
Имел удобный свой надел.
На полосах сугубо личных
Он по- своему радел.
А дарами же лесными
С общиной вместе он владел.
Захочет он боровиков,
В лог березовый идет,
За груздем, рыжиком- в широкий,
За Костылево, в лог бредет.

Хорошо все бог устроил,
Опекая прихожан.
Всем трудягам благ утроил,
Сселил ленивых в балаган.
В нем шаром хоть покати,
Мыши даже не водились.
Было нечего мести,
Гараканы не плодились,
Им и крошку не найти,
С голодухи изводились.

Кто умел, отлично строил,
Не жалея рук и сна.
Жилье на век благоустроил,
В нем всегда была " весна".
Зимой цветы цвели на окнах.
Прохожих радовали взор
Зановесочек волокна
И на них чудной узор.
А уж летом- красотища,
Кругом бурлила через край.

У любого в огородах
Не перечислить, что росло,
И по древней русской моде,
Все, конечно, в дело шло.
Была смородина, малина,
И черемуха, калина,
Шиповник, красная рябина.
(Так водилось на роду)
Их сушили на еду,
Оберегая царство, готовили лекарство.

И в лесах была аптека,
Не ленись, да выбирай.
Все росло для человека,
Погуляй, пособирай.
Если взрослые трудились
От темна и до темна,
То их дети в лес тащились,
По утрам лишаясь сна.
И носили в дом даров,
Порой по несколько пудов.

Не пугались, что покрыла
Землю мокрая роса.
Где-то выпь с чего-то выла,
Чья-то звенькала коса.
Солнце кверху покатилося,
С охоты выгнало сову,
Хорошо бы подсушило
Увлажненную траву.
Ветерок бы в том помог,
Да отвел бы дождик бог!

Вдруг комар пищит у уха:
" - Укушу тебя, Петруха! "
" - Обознался пустозвон,
Не Петруха я, Семен.
Ветер свежестью дыхни,
Кровопийца прогони! "
И послушался могучий,
Разогнал на небе тучи,
Вместе с ними мошкару,
Да наслал на нас жару.

Пот со лба у всех струится,
Тяжко стало нам дышать.
Укусить паут стремится,
В тень бы надо убежать.
Да урок дала мамаша:
Весь наполнить туесок.
Знать судьба такая наша,
Указала даже срок.
В берестянку я - малинку,
Грибы - в корзинку наберу.

Но вот прошли твои страдания,
Заданье выполнил с полна.
Обрати теперь вниманье,
В поле вон стоит сосна.
Одинокая такая,
Ветви толстые у ней.
Белка тут почти ручная,
Возьми, порадуйся ты ей.
Залезь повыше, на деревню
С высоты взгляни скорей.

**Кругом великое приволье,
Душа восторгами полна.
Будто море то раздолье.
По хлебам идет волна.
Это ветер так гуляет,
Пшеницу клонит - " паруса".
Сердце счастьем наполняет,
И у нас есть чудеса.
Как умело, ты создатель,
Навел такую благодать!**

" Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.
В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, течет,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.
Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листы
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.
И внимая летнему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав."

Н. А. Заболоцкий
" Очарованье лета"

Глава 3. ТРУД ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

Отец и мать я вспоминаю,
В работе были каждый час.
Они без дела не сидели,
К тому ж готовили и нас.
Весною папа в поле пашет,
А мама пашню боронит.
Хвостом лошадка зря не машет,
Ходить бороздкой норовит.
Отец отсеялся и скажет:
" Возьму литовку поточить."

Поточил и водит ею,
Начал травку он косить.
Даже это я умею:
С косой за папой походить.

Не беру я палку-саблю,
Чтоб крапиву порубить.
Потому что мама грабли
В руки бойкие берет
И в копешки-дирижабли
Сено мягкое гребет.

А вечерком уж стог готовый,
Чтоб зимой домой свозить.
Сеновалы все забиты,
Успели раньше засушить.
Хватит корму для коровы
И лошадку покормить.
Ах, сезон ты, сенокосный,
Любил бы крепко я тебя,
Если б жар не плыл несносный,
Да не кусал бы гнус меня.

Рожь поспеет, мать серпом
Жнет и жнет не разгибаясь.
Вяжет снопик за снопом,
Их в суслоны составляя.
Под один поставит бражку,
Чтоб в тени не нагревалась.
Придет цедить немного в чашку,
А питье ей не осталось.
Опорожнил туесок,
Сенька-сын, ее дружок.

За рожью тучную пшеницу
И ячень весь надо сжать.
Гречу-красную девицу,
Овес, горох и тэт убрать.
И вырвать лен. Он пригодится,
Чтоб зимой холсты наткать.

Допустить нельзя урон
И закрывать на дело очи
В любой уборочный сезон.
Все в хозяйстве нужно очень.

Осень тоже всем нужна,
Снопы хлебов обмолотить.
Работа очень та важна.
Зерно засыпать и хранить,
Свой достаток улучшая,
Порой на мельницу возить,
Его в муку там превращая,
Караван печь и стряпать
Шаньги, булки, пироги,
Бог нам в этом помощи!

И зимою без работы
Никто в семействе не сидел.
Отец чинил галоши, боты,
Над пимами все потел.
Непросто валенки подшить
Жене, себе, детишкам,
Полушубок новый сшить,
Он нам всем совсем не лишка,
Безопасно в нем ходить,
На морозе пофорсить

И дрова рубить зимою
Подходящий был сезон,
Сушняк валили, а не хвою,
Уважал мужик закон.
Я, малыш, на лесовале
Тс же папе помогал.
Костер на просеке-прогале
Из сучьев мелких разжигал,

А крупнее для буржуйки
Я в сторонку отлагал.

Их отец с кряжами вместе
Домой на санях увозил.
Когда погода позволяла,
На охоту шел- бродил.
Не признавал лентяйку- негу,
Сном он жертвовал всегда.
Ходил по первому же снегу
На куропаток иногда,
А то на зайца или белку,
За деревню Погорелку.

И на мельницу он ездил,
И меня с собою брал.
Там народ порой чудесил,
Так как мельник деньги драл.
Бывала очередь большая,
Приходилось ночевать.
До утра не засыпая,
Слушать сказки и зевать.
Сколько страхов натерпелся,
Сколько нового узнал.

Черти будто бы крутили
Дни и ночи жернова,
А когда их подменили,
В гости к нам пришла вдова,
Презаклятая колдунья,
Завертелися дела.
Мужиков заколдовала,
И нарушился тут мир
Вся ватага пировала,
Сатана был бригадир.

Была еще одна охота
У папаши моего-
Постоянная работа
Мыть конягу своего,
И скребницей его чистить,
И поить, кормить его.
Ведь он всей семье кормилец,
Пашет, возит все возы,
Ребятишек всех любимец,
Ему посильны все грузы.

И других бывало много
Работ у нашего отца,
Трудна ведь жизненна дорога
И порой ей нет конца.
Но свободные бывали
У него пред сном часы,
К нему тогда мы приставали,
Он крутил свои усы
И рассказывал нам были
О проделочках лисы.

Старика как обманула,
Волка злого провела,
Дела другие провернула,
Вышла замуж за кота,
От которого потомство
Ныне шастает в лесах,
Проявляет вероломство,
И творит там чудеса.
Не от той ли хитрой суки
Перевертыши пошли?

И у мамы дел не меньше
Было летом и зимой.
Она шила и стирала,
Печь топила, хлеб пекла,
Сор из дома убирала,
За водой утрами шла.
И коровушку поила,
И доила молоко,
Кур, овец, свиней кормила,
Замесив им толокно.

Зима сердилася ветрами,
На дворе метели стон.
Мы такими вечерами
Во зимовке мяли лен.
Он в куделю превращался,
Кою в нитки надо прясть,
Они в клубочки обращались
Их котята любят красть.
Мама их в станок вводила
Создавала ткацку сеть.

Словно белочка крутилась,
Отдышавшись глубоко,
За кросна тогда садилась,
И ткала тут полотно.
Холст у мамы получался
Белый, белый, будто снег,
Челнок до полночи гонялся
Между ниток как ковчег
По волнам морским ходил,
И рисунок наводил.

И тряпье мы собирали,
На полоски резали,
Из него клубки вязали
Со цветными срезами.
И решота перестроив,
И на тех же мать кроснах,
Свою энергию удвоив,
Ткала узоры-коврики.
А потом половики,
Удивляйтесь, мужики!

Многожилкой и всесильной
Наша мамочка была
Труд такой большой, обильный
На плечах своих несла.
Говорят, что от работы
Конидохнут и волы,
Если чувствуют заботу,
Не услышат и хулы.
Не зря журчат в речонке воды,
Раз таков закон природы.

Если слаженно трудиться
И болеть за всех душой,
Можно многого добиться
Очень дружною семьей.
И когда силен и крепок
Моральный дух в избе у всех,
Кто при встрече шляп и кепок
Не снимает. Тяжкий грех.
Тот и муху не обидит,
Таракана не увидит
И гадюку не убьет.

Слава, слава земледельцу,
Он всех кормит и поит,
Ура, ура земли владельцу,
За тебя душа болит.
И за всех, кто в НЭПе жили,
И сейчас в селе живет.
Кто всегда стране служили,
Кто державе хлеб дает.
Труд великий земледельца
От напастей всех спасет.

" Плоды труда, везенье не вводи во грех.
Ты не должен забываться
По лестнице ведущей вверх
Тебе же предстоит спускаться."

Р. Гамзатов

" Четверостишия "

Глава 4. ПРАЗДНИКИ И ПЕСНИ

Умел крестьянин потрудиться,
Умел, бывало, отдохнуть.
На природе порезвиться,
Сам себя от дел встряхнуть.
Вот весною после сева,
Когда всего шел буйный рост,
Сама природа справа, слева
Устанавливала пост:
Оставьте, мол, вы все заботы,
Отдохните от работы!

Пока трава не подросла,
Для сенокоса не поспела
Погулять должна братва,
И гуляла, как умела.
Прекрасный Троица был праздник.
Как раз черемуха цвела,
Июнь царил тогда- проказник,
И ночь короткая была,
Отстояв обедню в церкви,
Шел народ к себе домой.

За столы садясь, крестился,
Своей мозолистой рукой
Рюмкой водки причастился,
А бражка, та лилась рекой.

Горы кушаний стояли,
Свои они, не дороги,
Были рыбные, мясные,
На малине пироги.
Шаньги, крендели резные,
И тройные кисели.

Стол от явств у всех ломился,
Гостями полон каждый дом.
У нас родня вся собралась,
Крики, смех, сплошной содом.
" Эй, любимый зять Савелий,
Казачью, нашу заводи! "-
Крикнул дедушка Климентий-
И ты, Ермил, не подведи! "
" Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали. . . "

Со стараньем каждый пел,
У женщин слезы капать стали.
Да и как тут не всплакнуть,
Про предка нашего былина:
" Мечи сверкнули в их руках
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей дружина."
О, Ермак, ты наш герой, ..
За твой пропели упокой.

Тут отец усы расправил
" При лужке. . . " всех петь заставил.
Про другого казака,
Что коня поймал и ехал,
К своей голубушке приехал.

Она его там поджидала,
Обняла, поцеловала,
А наутро все село,
Все о том узнало,
Кое с кем и здесь бывало.

Ты, читатель, мне поверь,
Улыбались все теперь.
Благодаря за угощение,
Вышли все потом на двор,
И на улицу к народу,
Теша праздничный задор,
Прилепились к хороводу,
Поддержали песней хор.
Про черемушку запели,
Что колышет за окном,

Лепестки. Да голос слышен,
Да поют там соловьи,
Печальна девушка. Не дышит,
Гладит волосы свои.
Ее любимый радостный
На свиданье не идет.
Не бьется сердце сладостно
О любви песнь не поет.
Гармонист гармошку сложил,
И игру на час отложил.

Идут селяне ко шатрам,
Где купцы стоят, торгуют,
Товар не западный, не хлам,
Быстро, вежливо шуруют.
По карману людям все,
Не то, что в ельцинскую пору,

**Берут подряд, копейки платят,
Купцам спасибо говорят
Трудовые деньги тратят,
Судьбу свою благодарят.**

**А потом через неделю,
Праздник снова, но другой,
Он в Морозово престольный,
Сердцу близкий, дорогой,
Перед трудным сенокосом,
Перед хлебною страдой.
И потом до Рождества
Не гуляет вся братва,
Слишком много, много дел
Славен тот, кто преуспел!**

**А потом от Рождества
До великого поста
Праздник зимний и сплошной,
Превеликая черта.
А на масленной неделе,
Каждый шут всегда при деле.
Было много не на вес,
Заколдованных чудес.
Развеселое катанье,
Женихов, невест веньчанье.**

**Я б о праздниках чудных
Рассказал бы о других,
Да вы поняли прекрасно,
И читателям все ясно,
О чем хотел вам передать,
О былом пересказать.
И о том, какое время,
Скоротали мы тогда,
На плечах несли то бремя,
Не забуду никогда.**

" Разделены два глаза
меж собою,
Чтоб не причинять
друг другу боль".

Расул Гамзатов
"Четверостишия"

Глава 5. ПЧЕЛЫ, ОСЫ, МЕД И ПЕРЕЦ

Пчелы, осы, мед и перец-
Взаимосвязаны порой.
Как калина, ельник, вереск
Под одной живут горой.

Дышат воздухом таким же,
Одну и ту же воду пьют,
Жизни стадии проводят,
Повзрослеют и живут.

Малинник крупный и крапива
По соседству развелись.
Природа этокое диво!
Одним выюнком переплелись.

Только первый, он полезный,
А вторая- лишь сорняк.
- Случай дикий и помпезный, -
Так в народе говорят.

Если умным быть, то можно
Из крапивы толк извлечь,
И по логике возможной
Ее лечить людей привлечь.

А в год засухи эту жгучку
Собирали для еды,
Хоть и жалила всем ручку,
Выручала из беды.

Ее сушили и толкли,
В муку без сорта превращали,
Табани в печи пекли,
Голодных к жизни возвращали.

Еще варили суп,
Из одной ее, без круп,
Хоть такая, но похлебка,
Хоть людей брала ознобка.

В деревню смерть с косой не шла,
Умели ей сопротивляться.
Работу в городе нашла,
Там не знали, чем питаться.

В ульи пчелы мед приносят
Для себя и для людей.
Воруют осы и уносят,
Оса для пчел - большой злодей.

Для каждой вещи есть в природе
Подходящий антипод.
Пример найдется и в народе,
Один здоров, другой- урод.

Вкусный мед и сладкий очень,
Перец горький рот дерет.
Человек один попросит,
А другой- за так берет.

Вот папаша мой старался
Пчел отлично содержать.
Он работы не боялся
И не мог ее ужать.

А Макарко со Степанком -
Пьяницы и лодыри,
Со своим отцом Иванком
Пчел своих всех продали.

А медку поесть хотелось,
У кого занять ума?
Ночью темной им приспелось
Взять у нас мед задарма.

С собой носилки прихватили,
А на них пчелиный дом.
К речке быстро укатили
И, наверное, бегом.

Запыхались, торопились
Через речку перейти.
Улей чуть не утопили,
Не могли там мост найти.

Раза два поотдыхали,
Осторожно не несли,
Ношу сильно колыхали,
Трепыхали и трясли.

И летки тогда открылись,
Пчелы вылезли гурьбой.
И на татей напустились,
Повели с ворами бой.

Так нажалили, кусали,
Улей бросить тут пришлось,
И воришки убежали,
От пчел защиты не нашлось.

А наутро все село
Этих хлопцев не узнало:
Набок рты у них свело,
Морды вширь раздало.

Опухли так, как никогда
В жизни не бывало.
Население о них
Только и болтало.

Проходимцам сатана
На лоб печать поставил,
Без свидетелей она,
Признаться, их заставит.

Не пошли мы в сельсовет
Заявлять об этом.
Наказанья хуже нет,
Что получено за это.

Знают все теперь воров,
Коль другим нагадят.
Все хозяева дворов
Дозор сильней наладят.

И отец наш принял меры:
В амбаре щели прорубил
И туда пчелины избы
До зимней спячки поселил.

Не только перец горький
Огорченья приносил,
Был и мед довольно стойкий,
Придавал немало сил.

Это в августе бывало,
Начинался медогон.
Качали меда мы немало,
Всегда дарил нам радость он.

Медогонку папа крутит,
В наполнитель мед течет.
Нас от запаха не мутит,
Он по воздуху плывет.

Всю деревню наполняет,
Эй, микробы, берегись.
Атмосферу очищает
И дает растениям жизнь.

Очень радостен папаша:
Преотличный медосбор!
Вот она, удача наша,
Захватил ребят задор.

Сообщаю без лукавства
Он еда, еще лекарство,
Да какое, лучше нет,
Лучше фирменных конфет.

Магазин теперь не нужен,
Сахар белый ни к чему.
Каждый с медом очень дружен,
Не болеет потому.

Пчелы, пчелы, работяги!
Вам спасибо говорим.
Вы чудесные трудяги,
Храни вас ангел Гавриил!

Слышал про прадеда легенду,
Архип инфарктами болел,
Ушел на хутор, на фазенду,
Там четвертым заболел.

На фазенде чем лечиться,
Был пчелиный только мед.
Начал им одним кормиться
Дни и ночи напролет.

Так прошла одна неделя,
Поднялся на ноги старик.
Набрался силы, в то не веря,
Как под двадцать лет мужик.

Шла соседка - молодуха
Мимо хутора пешком
И Архипа соблазнила
Этим поздним вечерком.

Ему тогда уж девяносто
С гаком было бодрых лет,
Но прекрасно получилось,
Никаких претензий нет.

Говорят дворецкий фельдшер
Прополис пить - рецепт писал,
Вот с чего Архип, мой прадед,
На фазенде сильным стал.

Такой рецепт и мне бы тоже
Врач какой-то прописал.
Помоги мне в этом боже,
Прытким снова я бы стал.

Дом у нас, как все в деревне,
Не лучше многих средняксов,
Не покрашен, как в харчевне,
Пол такой у бедняков.

Стульев нет, дивана тоже,
И кровати не стоят,
Спим в повалку, на полатах,
Ковры повсюду не висят.

Нет камина, лишь буржуйка
Зимою греет нам бока.
Она одна у нас холуйка,
Не покинула пока.

Круг стола одни скамейки,
На чем-то надо же сидеть.
Большой, не маленькой семейке,
Какой же мебелью владеть?

Итак отец наш еле сводит
Концы с концами каждый год.
Костюм себе он не заводит,
И маме тоже не до мод.

На работе носим лапти,
Липы много во лесах,
Не имели даже тапки,
Не слыхали о трусах.

Ходим в грубой портянине,
Из нее рубахи шьем,
По две на каждого штанине,
Бедновато мы живем.

Если есть у нас богатство,
Так скотина и зерно.
Так зачем вы со злорадством
Все свернули кверху дном?

Все теперь вы отобрали,
И скажите нам, за что?
План поставок не добрали?
И зорить заставил кто?

С Колчаком отец боролся,
В Красной армии служил,
С Советской властью не развелся,
Платил налоги, честью жил.

Неужели, супостаты,
Бессловесный папа- вол?
И для галки и для даты
Вы чините произвол?

Для колхоза цифру дали,
На узде в него втянуть?
Записать не опоздали,
До земли зачем же гнуть!

И зачем насочиняли
Чего не было совсем,
Будто мельницу держали
И зерно мололи всем.

Да имели дымокурню,
Деготь гнали продовать.
Какому верите вы дурню?
Чего нет, так не бывать.

В семье рабочих только двое:
Наша мама, да отец,
Да нас семеро по лавкам,
Наврал в совете ваш писец.

Глаза разбойников все видят,
Но на то, махнув рукой,
Кроют матом, ненавидят:
" Ты, Артемий, кот сякой! "

На волков они похожи:
" Ягненок, ты не виноват!
Но для пицци нам пригожий,
Так съедим тебя мы, брат! "

Но не съели как- то все же,
Лишь прогнали без штанов.
Накажи неверных, боже,
Сатанинских злых сынков!

Без гроша семья в кармане,
Хватила лиха через край,
Жили долго, как в тумане,
Во сне мы видели лишь рай.

Не злился зря на власть Ссветов,
С обрезом в лес я не ушел.
Был же к ней всегда с приветом,
В жизни путь другой нашел.

На заводе я трудился .
Долго, долго - восемь лет,
В то же время и учился,
Чуть не вечный был студент.

Государство помогало,
На то давало отпуска,
Путь к науке пролагало,
Меня оставила тоска.

По- смешному получилось,
В детстве дало мне пинга,
А потом помочь стремилось,
Попугало лишь слегка.

Я стал известным человеком
И отмечен за труды,
Поравнялся с нашим веком
И дожил до бороды.

Власти даже благодарен,
В люди вывела меня,
С ней всегда я солидарен,
Не чужая мне, своя.

Я бы свечку мог поставить
За умерший большевизм,
Не могу я ныне славить
Наступивший меньшевизм.

На все мне пенсии хватало,
На одну теперь еду,
Если я куплю одежду,
Буду есть лишь лебеду.

Купить мечтаю холодильник,
Мне теперь не по зубам,
Даже место на могильник
По карману лишь ворам.

Новоявленным буржуйам,
Спекулянтам, торгашам,
Да чиновникам - холуям
Нашим места нет грошам.

Как же, как же проглядели,
Допустив неверный шаг?
Как же, как же допустили
Над Кремлем трехцветный флаг?

Да не в нем, конечно, дело,
Правду люди говорят,
Где оно заплесневело,
Перевертыши сидят.

" Огонь, долги, болезни, враг,
Невзгоды, протекающие крыши
Преуменьшает лишь дурак
Значенье перечисленного выше."

Расул Гамзатов

" Четверостишия "

Глава 7. ЗАСУХА . ОГНЕННАЯ РЕКА

Одной бедой не обойдешься,
За ней вторая тут как тут,
А то и третьей обожжешься,
Емесе все они сотрут.
Одна нас в нищих превратила,
Голодать заставила,
Другая веры в жизнь лишила,
А третья в путь отправила.
За разорением засуха,
Как костлявая старуха.

Прямо в лоб ударила.
Мы весною в тридцать третьем
Совсем уже не сеяли.
Нечем было, фараоны
По миру развеяли.
Лишь на рожь была надежда,
Она засохла на корню.
Продырявилась одежда
Без растений у земли
Они повяли и легли.

Сердобольные селяне
Помогли зиму прожить,
А к весне запасы вышли,
Не знали чем детей кормить.

Хвощи, крапиву собирали,
Под корень резали репей,
Листья липы обдирали,
Добавляли отрубей,
Рубили все в одном корыте
И лепили табани.

Были горькими они,
Хоть пекли подольше хлеба.
Казались длинными те дни,
Молили солнце скрыться с неба,
Не могли мы ночь дождать,
Хоть тогда возможно спать,
А днем все время есть хотелось.
Самый маленький Ванюшка
Табань в свой рот не принимал,
И все выплевывал обратно.

Не будь коровы, суррогата
Без молока не лез бы в горло.
Ему лишь только каждый рад,
С табаней дыханье сперло.
Вырос новый урожай.
Ну, теперь мы заживем,
Сроки все опережай,
Хлеб заправский зажуем!
У людей конечно будет,
А у нас откуда быть?

Единой рожью не прожить,
А за порог и третье горе
Лезет к нам переступить.
Пожар начался на угоре
И дальше прется наступать.

Сгорел у Вшивковых сарай,
У Евстигнея дом горит,
Гылает теткина усадьба,
Огонь уж Кашиных зорит,
Безнаказанно шалит.

А пожарных нет в помине,
Каждый взрослый на полях,
Уснул дежурный на машине,
А детей обуял страх,
Они одни с вожатками,
Не могут сделать ничего,
Бегут, сверкая пятками,
От пожарища сего.
Этой огненной реки
Не видали мужики.

О том не ведая, все жали,
Кайгородов уж горел.
Когда с поля прибежали,
Каждый будто одурел,
Лишь плечами пожимая,
Безучастно все смотрел.
Дул восточный суховей,
Пламя ярко раздувая,
Не жалея изб людей,
Их сжирал стонь-злодей.

Когда пожарная машина
Подрулила наконец,
Эта огненная лавина
Как чудовище-хитрец
Десять изб уже сожгла,
До Гриши Мишича дошла.

Один дом до нас остался,
И за мост пожар принялся.
К счастью ветер повернул,
Немного северней подул. . .

Загорелся наш амбар,
Его залили, отстояли.
И затих, потух пожар.
Мы всю ночь тогда не спали,
На шквал все огненный глядели,
На куче сваленных пожитков
Все на улице сидели.
Мира, младшая сестренка,
Четырех от роду лет,
От страха долго слезы лила,

Богородицу просила:
" От огня ты нас спаси! "
А Тасютка говсрила:
" Прекрати, не голоси!
Поправь икону на коленях,
Хлеб пожуй, поешь немного,
Не варили, о пельменях
Позабудь, ведь не до них.
Был денек сегодня лих,
Да и мяса нет для них.

Взрослых нет, все заливают
Сгоревших бревен головни,
Погорельцев утешают
И разводят среди родни.
Плач стоит над всей деревней,
Волки так в лесу не воют,
Нет другой судьбы плачевней,
Долго горе не отмоют.
Вот она ребячья шалость,
До чего всех довела!

Отец поймал двух проходимцев.
У нас в подвалах шарили.
Привел к страдальцам лихоимцев,
Без суда ошпарили
По мягкому месту ремешком,
Да по мордам кулаком.
В людское горе сделать гадость
Может только лишь бандит,
У таких в груди нет сердца.
Сатана глухой сидит.

Я в страну бывшего детства
О путешествии мечтал.
В снах своих в то малолетство
В машине времени летал.

Однажды как-то вдруг очнулся:
На Гляденово сижу,
Взглядом вдаль с горы воткнулся,
На Морозово гляжу.

Вид такой, что захватило
Дыханье в легких у меня.
Все кругом прекрасно, мило,
Цветет природа среди дня.

Светит солнце, но не жарко
И не холодно, как раз.
День сей выглядит подарком,
Гулять чудесно в этот час.

И я отправился в деревню,
К Ларионовым зашел,
Попал я будто бы в "харчевню",
За столом их всех нашел.

Меня хозяин не узнал,
Говорит: "Садися, дед,
Дальний путник, ты устал
И покушай наш обед".

Я присел, не отказался
И наелся сытных щей,
Рассказал, откуда взялся:
" Не принес колдун- кощей,

А космолет наш современный,
Он может в прошлое летать.
Вас удивляет несомненно,
Но не хочу соседям врать".

У Ларионовых парнишка,
Ему всего лишь восемь лет.
И зовут запросто Гришка,
Кричу ровеснику: " Привет! "

А он не верит : " Одногодок,
А с виду ты совсем старик".
- " Почти с двухтысячного году,
Срок не маленький, велик.

- Как не быть тут бороде" -
Ему спокойно отвечаю.
- А прирученный зайчик где,
Его пошто не замечаю?

- Про него не зря ты вспомнил,
Собаки задрали вчера.
Его зарыл в каменоломни,
Где низовская гора.

- Вот теперь тебе я верю,
Не чужой ты, наш, Семен,
Только время не измерю,
Какой ты жизнью наделен?

- Ой, Григорий, я не знаю,
Не в Морозово живу,
В других я весях обитаю,
Своим далекий дом зову.

По деревне я шагаю
Вниз от верхнего конца,
Путь за речку пролагаю,
Встречаю Петькина отца.

Однофамилец Афанасий
Одноглаз он, как циклоп,
И свояк по деду Васе,
Белоголовый, точно сноп.

- Личность мне твоя знакома,
Но не знаю, кто таков,
Заходи, узнаю дома,
Не из чужих ты мужиков.

Я во всем ему признался,
Был земляк преудивлен,
Прийти в наш дом пообещался,
Узнать побольше хочет он.

Тут и Тютикова Мишку
Вдруг у речки повстречал,
Не сказал ни слова лишку,
Огневолос, другим не стал.

А потом я через мост
На главну улицу подался.
В окно Ерема сунул нос,
Как от змеи вперед убрался.

Этот много жалил нас,
С ядом все кусать старался.
Колдун, лентяй и ловелас,
В маску друга одевался.

Навстречу Степка мне идет
По фамилии Морозов.
Меня за ухо не возьмет,
Не хлестнет прутом и лозой.

Я не Сенька в восемь лет,
А представительный мужчина,
Оснований Степке нет
Хулиганить без причины.

Иду. Опять однофамильцы
Мои хорошие живут.
Они большой семьи кормильцы,
Но меня не зазывают.

Потому как незнакомый
Мимо них старик идет.
А вот и Сениха- трудяга
У двора метлой метет.

Она малого Сенюху
По головке гладила,
В голодный год дала краюху,
Пестерь яиц наладила.

Вдову не буду удивлять,
Пусть в незнании живет.
А дальше Арся, сын " царицы",
Навстречу пьяный мне бредет.

" Ты артемьевского рода,
Я по духу узнаю,
С бороною вся порода,
Тебе я руку не даю".

Мать- колдунья просветила
Недавно, видимо, его,
С сатаной, видать, крутила
И узнала кой- чего.

Арси я не испугался,
Но с молитвою прошел,
В ряд Семеновны хозяйства
К Павлу Вшивкову зашел.

На него смотрел со вздохом,
Не признался я ни в чем,
Знал, придется сразу чохом
Рассказать ему о всем.

А дальше наших тут усадьба.
Я с волнением захожу.
Идет Аксинына тут свадьба,
В удивлении гляжу:

Сенька малый, шестилетний,
Собирает котому.
Дедо, дедо, ты, приветный,
К нам зашел зачем, к кому?

" Позови, - сказал, - папашу,
Надо с ним поговорить.
Позови и маму нашу,
Чтоб вопрос один решить.

Мои родители явились,
Я открылся сразу им.
Конечно, очень удивились:
" Спаси нас, ангел- херувим!

Ты, Семен, теперь в двух лицах,
Не можем это мы понять,
Голова с того кружится,
Не можем сердце мы унять.

Ты другим не открывайся,
Чтоб их души не смутить,
Сослуживцем называйся,
Могли же в армии служить".

И так гостям меня представил
Догадавшийся отец,
Сесть за стол ко всем заставил
Мой папаша молодец.

И действительно Ванюшке
Как скажу, что он сгорит,
Как поведаю Павлушке,
Умереть ведь предстоит.

Голод Вена обессилит,
Нину корь с ума сведет,
Второго Ваню малярия
До смерти тоже доведет.

А соседushка Иосиф
В плен к германцу попадет,
Огонь почти что полдеревни
Через года три сожжет.

Много было угощений
Молосных, постных и других
И не меньше песнопений
И серьезных и шуточных.

Я сидел как все, на лавке,
Пел, смеялся и шутил,
Сеньку малого к большому
На колени посадил.

Сам себя я обнимаю
И целую горячо.
Гости то не понимают,
Не плюют через плечо.

Вы, морозовцы, простите,
Я вам тайну не открыл,
О вашем будущем, учтите,
Очень многое укрыв.

Ах, зачем дядьям и тетям
Свою судьбу заранее знать
И в чуланах и в поветях
Слезы лить, о том страдать.

А наутро, рано, снова
Я отправился в поход.
Душа опять была готова
Повидать людей, народ.

У Гришки Мишина во кузне
Язык просил я подковать.
Захар Иваныча серьезно
Надо мной пошутковать.

Царь-березе поклонился,
В дупло заслоночку открыл.
И наш ельцинский "полтинник"
Воровато опустил.

Что же, что же я наделал,
Если вскроют, мне капут,
ЭНКАВЭДЭШНЫЕ лакеи
Мою монету там найдут.

Ведь на ней орел и решка,
Серп и молот сгинули.
На троне уж другая пешка,
А красных, видно, скинули.

Надо, надо мне смываться,
И залез я в космолет,
С земляками повидаться
Намечу в следующий полет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как давно все это было,
А память помнит тот кошмар.
Сильнее горе нас палило,
А не забылся тот пожар.
Война сильнейшие утраты
Всему народу нанесла.
Не пришли домой солдаты,
И вместе с ними мой отец,
На душе одни заплаты,
Каленый на сердце рубец.

Жить- не поле перейти,
И потом судьба крутила,
Не мог покоя я найти,
Сюрпризов много подносила.
И теперь под старость лет
В дни болезного ненастья
Все еще покоя нет,
Не знаю, что такое счастье.
Как бы круто не ловчился,
Мало я чего добился.

Во сне мне ангел мой явился,
Как знакомцу поклонился,
На сиденье показал
И с достоинством сказал:
" Не будь наивен и беспечен,
Иначе будет обеспечен
Как неизбежный точный факт
Второй коварнейший инфаркт".
А бес шептал: " Ты сну не верь,
Прежде все подряд проверь.

Кому теперь, старик, ты нужен,
Поизношен и недужен.
Вывод прост для дураков,
У тебя уж нет врагов".

На беса я глаза воззрил
И степенно возразил:
" Врешь, презренный пес лукавый,
Лживый ты и в том неправый,
Жива кикимора- колдунья,
Ведьма старая и лгунья,
Она по- прежнему мне мстит,
Новый заговор вострит".
Прав мой ангел Серафим,
Только богом я храним.

Да отцовым завещаньем
Не вещественным, словесным.
Его молениями я жив,
В меру беден и счастлив.
И с пути совсем не сбился,
Потому что сохранился
Мой морозовский закал,
Отчего и не пропал.
Много в жизни я трудился,
Сметать преграды научился.

Наплывут на небо тучи,
Вспоминать тотчас начну,
Про детство наше золотое,
Сердцу близкое родное.
В мыслях сразу уплыву
На речку нашу, к горке, рву,
В тот родимый лог широкий,
Где мальчишкой синеоким
Колокольчики я рвал,
Да малину собирал.

Вспоминать о том полезно,
Ностальгия лечит нас.
Ведь незря пишу помпезно
В мой уже закатный час
Сию поэму для потомков,
Пусть прочтут и вспоминают,
Добрый словом поминают,
Что на свете жил Семен,
Не особенно умен,
Но под старость догадался
Предков выполнить зарок,
Хоть и поздно постарался,
Сдал на "уд" большой урок.
Трех сынов я оставляю
И пока двоих внучат,
В саду деревьев насадил,
Про детство книгу народил.
Одно не сделал гадство,
Не нажил богатство.

И наследникам моим
Придется жить умом своим.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ
НА ТЕМЫ
ПРИРОДЫ И О ЛЮДЯХ
ОЧЕРСКОГО РАЙОНА

КАК Я СТАЛ УЧИТЕЛЕМ

В 1940 году я окончил семилетку. В свидетельстве было всего одно "посредственно" - по черчению, два - "отлично" и семь - "хорошо". Все это и давало мне повод для радужных надежд на счастливое будущее.

Увидел я однажды в газете объявление о наборе в речное училище. Ну, думаю, вот куда надо. Родители настаивали, чтобы я пошел учиться в ФЗУ на токаря или слесаря, но меня прельстила матросская тельняшка и бескозырка, возможность превратиться со временем в бывалого "морского волка".

Взял я документы и на попутном грузовике отправился вначале в Верещагино и оттуда поездом до г. Перми. Отыскал училище и бодро вошел в кабинет председателя приемной комиссии.

- Здравствуйте! - четко поздоровался я.

- Здравствуйте, - спокойно ответил хозяин кабинета, - ваши документы?

- Так. . . Так. . . Заявление есть, это хорошо, автобиография и свидетельство тоже есть. А где справка о социальном происхождении?

- Я не знал, что ее тоже надо. А где ее взять? - спросил.

- В сельсовете по месту рождения.

И пришлось мне возвращаться за справкой в деревню Морозово.

Председателя в Совете не было, а на месте секретаря сидела красивая стойная 30-летняя Анна Григорьевна Мишина, давний лютый мой враг. В детстве она не раз драла меня за уши. Один раз я нечаянно разбил у нее горшок со сметаной, потом, перебегая через речку, нечаянно толкнул ее, потоскавшую белье, и сна упала в воду. Аннушка еще больше осатанела, когда я, сидя на черемухе, стрельнул из рогатки в какой-то красный лоскут в траве, который оказался косынкой на голове лежащей девушки. На этот

раз Аннушка уже не таскала меня за уши, а нарвала крапивы и насовала мне в штанишки.

После таких " преступлений" я не решился к ней обращаться за справкой: помнит мои проделки. Три раза приходил я в сельсовет, а председателя все не было.

На другой день я снова пришел в сельсовет и опять председателя нет. Тут меня заметила Анна Григорьевна.

- Входи, Сеня, входи! - ласково пригласила она. - Зачем пожаловал?

- Справку мне надо.

- Куда и зачем?

- Да вот в речное училище решил поступить.

- Молодец! Значит камские просторы, утренние туманы и рассветы завлекли. Ну что ж, дадим справку.

И взяв два чистых листа бумаги, она написала что-то, на обоих расписалась, а на одну из них поставила печать, запечатала в конверт с надписью: " Председателю приемной комиссии". Заметив мой недоуменный взгляд, пояснила:

- Да не хмурся, так положено. Поезжай и будь моряком.

- Спасибо! - крикнул я и как на крыльях вылетел из сельсовета, и снова- в Пермь.

Председатель приемной комиссии встретил снова меня весело, но, прочитав содержимое конверта, нахмурился, взял новый конверт, запечатал в него Аннушкины бумаги и сказал:

- Опоздал, паренек! У нас уже перебор. Иди в другое училище.

И я пошел обивать пороги. Побывал в авиационном, железнодорожном, даже в фармацевтическом и везде, как дело доходило до злополучного конверта, мне говорили, что у них уже приема нет. Наконец мне надоело болтаться по городу, ночами ютиться на вокзале, взвинченный от злости вернулся в Очер. Рассказал все родителям.

- Ну- ка, распечатай конверт! - потребовала мать.

Я распечатал. На первой бумажке, что с печатью, все было нормально, а вот на второй было написано, что я хулиган и что если меня примут в училище, то со мной наплачутся. А ведь скромнее меня парня в Очере не было.

Прочитав такую бумажку, мать рассвирепела:

- Случится быть в Морозово, я этой сатане зсе выскажу, я ей в морду наплюю, мокрохвостой.

Потом мать успокоилась:

- Ладно, сынок, поступай в педучилище. Тут тебя многие учителя знают и примут.

Я последовал совету матери. И меня без сучка и задоринки приняли. Обида на Анну Григорьевну у меня быстро исчезла, я даже благодарен ей, что судьба направила меня по педагогической части. Так я и стал учителем.

ПЕРВЫЙ ПРОКОС

" БЫЛО И ЕСТЬ , ТОЛЬКО БЫЛЬЕМ ПОРС СЛО ... "
из народной сказки.

Довелось мне не так давно проехать на рейсовом автобусе от Токарей до Куликов. В пути нас остановила группа мужчин и женщин.

- Подвези! - Крикнули они шоферу, - Шефы- косцы мы, с утренней разнарядки идем.

- С какой такой разнарядки? - Спросил водитель.

- Да днем - жара, так мы ранним утром да вечером косим, среди дня у речки отдыхаем.

Ввалившись в наш пыльный салон, они возбужденно радостно делились с пассажирами своими сенокосными впечатлениями. Рассказали, как зайчат чуть в тразе не зарезали, как ловили да не поймали их, как лося вспугнули, как щавельными петухами да дудками- борщевками лакомились.

- А комары не съели вас там? - засмеялся я.

- На заре, - пожалуй, а как солнце выглянуло- перестали, но другие кровопийцы налетели - пауты.

Слушая эти реплики, вспомнил я, как в такую же тридцатиградусную июньскую жару 1941 года, будучи студентом педучилища, сделал я неподалеку от этих мест, в Овчатах, первый прокос. . .

Привезли нас туда всем классом около 10 июня на десятке лошадей, запряженных в телеги. Окружающая местность удивила нас своей непохожестью на очерский пейзаж. Здесь не было большого леса, а вместо него лишь сколки. На угорах стояли действующие ветряные мельницы и не было, как у нас водяных. Крылатые сооружения всему придавали экзотический колорит. Даже деревня была непохожей на нашу: вместо жердяных огородов - плетни или тыны из сучьев, двускатные, не шатровые крыши, мелкорамчатые окна с раздвижными створками и разноцветными ставнями без зимних рам.

Сенокос начался рано в то лето. Все делалось тогда в ручную, лишь кое- где косили конной косилкой и гребли конными граблями. Дали нам всем по литовке, и пошли мы, 16- летние, на луг. Сначала бригадир показал нам, как надо косить. Потом распределили нас, каждого, попарно с бывалыми косцами. Новичок впереди, опытный работник сзади. За мной пристроился седобородый старичок, который, знай - покрикивал:

- Пятку косы к земле плотней прижимай! Много не захватывай. . . И жми, иначе ноги подрежу!

Прошел первый прокос. Пять потов сошло. А старик все понукает:

- На новый заходи!

И так до обеда. Потом лишь смекнул я, что отдых себе можно лопачиваньем косы устраивать. Первые дни до того уставал, что спал, как убитый. Потом втянулся.

Начало войны нас в Овчатах застало. До этого седобородый все мне учительствовать в Овчатах пророчествовал. А узнав о немецком нашествии, стал говорить, что мужиков на фронт отправят, а нас вместо них составят.

Случилось же иначе. Нас сначала в Очер вызвали, а потом в Зеленята на уборку отправили. Потом мне этот сенокос и особенно первый прокос долго во сне снились. Море травы, море зелени - какое это все-таки вдохновение для души русской, какой подъем бодрого настроения!

И вот через сорок шесть лет снова жаркое лето, снова сенокос.

. . . Жалею об одном: нет вокруг Орчат прежней экзотики. Хоть бы для красоты пейзажа крылатые мельницы сохранили. Есть, говорят, где-то одна и действует. Узнаю, пешком уйду туда.

СТЕПАНОВНА, ИЛИ ТРЕВОЖНОЕ ЗЕЛЕНЯТСКОЕ ЛЕТО

Был конец июня 1941 года. Нас, шестнадцати-семнадцатилетних парнишек и девчонок, первокурсников Очерского педучилища, всем классом послали на помощь колхозу "Труженик", который расположен был в деревне Зеленята Дворецкого сельсовета. Тут мы косили, гребли и копнили сено, готовили семена на летне-осенний сев озимых. Несмотря на усталость, вечерами собирались на зеленой лужайке, до полуночи плясали "шесть колен" под балалайку, играли в "телефоны", "третий лишний" или, усевшись в два ряда на двух лавочках, пели народные и популярные советские песни. Из всех мне особенно запомнились две: про ветерочек, который парус клонит, и "Если завтра война".

А война была в разгаре с самой подлой страной, с фашисткой Германией. И вот первый погибший из Зеленят Шаров Изан. Узнали мы об этом в поле, когда окучивали картофель и пололи турнепс. Весть эту принесла нам наша "кормилица" Пазла Степановна Азанова, в доме которой была столовая. Степановна сама пекла для нас в русской печи хлеб, варила супы и каши. Было ей тогда всего 36 лет. А относились мы к ней, как к матери, потому что в веч-

ных своих заботах о нас вставала она чуть свет, ложилась спать позже всех, ходила все время в платке и фартуке, выглядела женщиной под пятьдесят. Однажды я пришел в столовую раньше обычного и увидел Павлу Степановну в домашнем платье, расчесывавшей гребнем волосы, и поразился тому, как она молодо выглядела. Она показалась мне даже красивой. Помню, Степановна смутилась, тут же вскочила с лавки и ушла на кухню, а оттуда вернулась во всегдашнем одеянии.

А тогда на поле, прибежав к нам, плача, она крикнула: - Горе великое пришло к нам. Первая потеря.

Все точно оцепнели. Потом, словно очнувшись ото сна, побежали к правлению колхоза, где уже собралась большая толпа. Самый старший из нас, искусный гитарист и балалаечник Володя Замысловских, которому уже исполнилось восемнадцать лет, пошел отпрашиваться у председателя домой в Очер, так как думал, что дома уже ждет его повестка. Но председатель не отпустил, сказал, чтобы Володя ждал из райцентра сигнала.

Покатались дни и недели. Мы по-прежнему работали в поле и ходили вечерами на лужайку. Но уже не было прежнего веселья, хоть мы плясали и пели все так же. Был грустен наш заводила Володя, была грустна его подружка Милля, которая часто запевала теперь грустные песни про расставания и разлуки. А тут еще фронтовые сводки, что мы слушали по радио, наводили тоску от того, что враг пер в глубь страны все дальше и дальше. В деревню приходила повестка за повесткой. Все мы чувствовали, что на фронт придется идти вскоре и нам.

В начале августа получил я записку из дому о том, что мобилизовали отца. "Отпросись у бригадира, - писала мама, - может, отпустят проститься с родителем". Показал записку председателю, тот отпустил на два дня. Перед уходом зашел к Степановне позавтракать. Узнав, что я отправляюсь к отцу, сердобольная женщина взмахнула руками и

сказала мне:

- Дам я тебе в дорогу пять ярушников, покорми солдатшек и скажи им, чтобы не пускали дальше окоянного Гитлера.

Пятьдесят четыре года прошло с той поры. Многого повидал я в жизни, а до сей поры не забыл то тревожное зеленятское лето, ту добрую, простую русскую женщину Павлу Степановну. Оказавшись недавно в Зеленьях, спросил у жителей о ней и узнал, что всю жизнь свою она добросовестно проработала дояркой, телятницей, разнорабочей и скончалась прошлым летом на восьмидесятом году. А дочь ее Васса Павловна пошла по стопам матери, работает дояркой, живет в Зеленьях, готовится выйти на пенсию.

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ РОДИНУ

В мае 1995 года исполнилось 50 лет после окончания Великой Отечественной войны советского народа против фашисткой Германии. Эта война, длившаяся почти 4 года, принесла нашим людям не только много славных побед, но и множество неисчислимых страданий - испытаний, горя, бед и несчастий. У каждого советского человека были и есть родственники, друзья, товарищи, которыми он гордится, с которых берет пример. Есть и такие, о которых горько скорбит.

Эти испытания не обошли стороной и нашу семью, наших родных и близких. В октябре 1941 года погиб под Ельней мой отец Путия Артемий Клементьевич, не провоевав и трех недель. Тяжелые ранения получили мои двоюродные братья Марк и Виталий - пехотный офицер и летчик, - пройдя до логова врага. Было у меня девять дядей: шестеро по отцу и трое по матери. Только двое из них не были на фронте, один из-за преклонного возраста, другой - по болезни. Славный боевой и трудовой путь прошел мой дядя Путик Иосиф Пименович, который до войны служил офицером подводником, и всю Отечественную - комиссаром одного из

крупных подразделений морской пехоты, получил много боевых наград. Несмотря на то, что он был неоднократно ранен, потерял на фронте ногу, многие годы работал потом нормировщиком, освобожденным секретарем парторганизации, секретарем Краснокамского горсовета, вел другую общественную работу.

В моей памяти навсегда сохранится образ и другого дяди - Мокрушина Мартемьяна Григорьевича, всю свою жизнь прослужившего старшиной, а позднее младшим офицером на Балтфлоте, перенесшего немецкую блокаду в Кронштадте, не запятнавшего ничем чести. Живя последние годы на пенсии в Ленинграде, он много трудился на различных рабочих должностях, вел большую общественную работу. Он и умер как моряк- коммунист на посту- погиб трагически, спасая другого человека.

Помнят в нашей семье славную жизнь моего дяди Бурдина Савелия Яковлевича, бывшего бухгалтера Павловского машиностроительного завода, позднее главбуха артели " Жестянщик", во время войны сержанта зенитной артиллерии. Он был добрым, очень тактичным, интеллигентным человеком, прекрасным собеседником, веселым, интересным рассказчиком, любителем- песенником, отличным семьянином, очень любящим своих семерых детей. С фронта вернулся безнадежно больным и умер в феврале лобедного 1945 года.

Лихим кузнецом слыл в колхозе " Маяк" Морозовского Совета дядя Путин Ермил Пименович. Ездили к нему ковать лошадей и чинить сельхозинвентарь. Трудлюбивый был, выше всего на свете ценил свою рабочую честь и совесть. Умел и весело отдохнуть. Всегда защищал слабого в драках, которые до войны часто случались с сынками кулаков и подкулачников. Никогда не уступал никому. Враги боялись его. А попав на фронт летом сорок первого, погиб в первые же дни, не успев совершить подвига. Через всю гражданскую войну и борьбу с бандитами на Кавказе прошел невредимым дядя Дурегин Анурий Иванович, а в Оте-

чественную 1941- 1945 гг. не доехав до фронта, попал под бомбежку и погиб. Трагически сложилась судьба дяди Мокрушина Василия Григорьевича, бывшего кузнеца Очерского машзавода. Он был тяжело ранен под городом Лида в Белоруссии в первый день войны, попал в плен, перенес муки фашистского ада, в 1944 году бежал к партизанам, в составе Войска Польского дошел до Берлина, погиб там, не дожив семь дней до победы.

Из черырнадцати парней, моих одноклассников, вы-пущников семилетки, невредимыми пришли с войны только двое. Из девяти сверстников, моих соседей по заречной стороне и приборья Очера, ушедших на фронт в первые месяцы войны добровольцами, не вернулось домой семеро. Вот их имена: Герман Бурдин, Федор Половников, Евгений Ватолин, Валентин Вшивков, Валерий Соромотин, Юрий Солодников, Леонид Ипанов. Все они приняли геройское участие в перемалывании людской силы и техники врага, когда во что бы то ни стало надо было остановить его стремительный всесокрушающий напор. Разве они не были героями, когда поджигали танки бутылками с горючей смесью, когда непрерывным атакам вражеских самолетов могли прстивопоставить только безграничное терпение. Таких героев были тысячи и миллионы. Все они ковали победу над зрагом.

Не менее геройским был труд работников тыла. Сам я с августа 1942 по 1949 год был в армии, но по письмам и рассказам родных знаю, какие они перенесли лишения, как работали для фронта, недоедая, недосыпая. Без отца, без меня нелегко досталось моей матери, имеющей на руках шестерых детей от 7 до 16 лет. Все она выдержала с моими сестрами: и голод, и холод, и тяжелую неженскую работу. Да еще и стахановкой была. Это тоже подвиг- скромный, незаметный. А сколько их было матерей, сестер, братьев, дедушек и бабушек! Разве страна выдержала бы, если б не было такой самоотверженности людей тыла! Так спасибо им за их труд, за их любовь к Родине, поддерживавшим и вдохновивших нас, мужчин, на ратные подвиги!

ТАМ , В СИНЕЙ ДЫМКЕ , ОРЛЫ

В мечтах незнаемое всегда фантастично, всегда прекрасно. Оно зовет к себе и привлекает, его хочется познать. Таким незнаемым, неведомым для меня всегда была деревня Орлы, расположенная на северо- западной границе Очерского района.

Живя в детстве в деревне Морозово, я часто ходил летом в 1930- 36 годы в соседнюю деревню Соломатку погостить у тетки Хионии Дурегиной. Муж ее Андрей вечно не был дома, все время где- нибудь работал. Старший сын Петька, на два года старше меня, был очень серьезный и молчаливый. И тоже, несмотря на малый еще возраст, постоянно был при деле: то строгал что- нибудь под сараем, то ловил кротов, то собирал травы и ягоды, брал меня с собой в лесные походы.

Много интересного я узнал от него о повадках зверей, насекомых, о свойствах(народных) лекарственных растений. Очень любил я расставлять с ним капканчики на подземных зверушек, подолгу любоваться красотами лесных пейзажей. На все он обращал мое внимание. О любом предмете умел говорить загадочно, таинственно, чем еще больше разжигал мое любопытство.

Сидим с ним, бывало, вечером, перед закатом солнца, на их высоком крылечке, молча и долго смотрим вдоль пологу на восток. Петя вдруг, словно проснувшись от сладкого сна, тихо, задумчиво говорит мне:

- Вон, видишь, там за синей дымкой тополя. Это деревня Орлы. Красивая, длинная, вся в стройных высоких липах и черемухах. Зазеленеют, зацветут в мае - рай небесный. Есть там речка и пруд

С краю деревни ветхая избушка. Живет в ней с бабушкой славная шестилетняя сиротка Надя. Мать умерла у ней, отец исчез неизвестно куда. Вот вырасту - женюсь на ней.

Проговорив это, Петя снова надолго замолкал. Очаро-

ванный рассказом только в такие минуты более разговорчивого мальчика, я сидел неподвижно и смотрел на ту синюю дымку, на те тополя, на еле видневшиеся очертания крыш домов с расстояния в полтора километра, и у меня появлялось нетерпимое желание побывать в этой деревне, все увидеть самому.

- Давай, - прошу я Петю, - сходим завтра туда?

- Сходим, - соглашается он. Но на следующее утро находились другие дела, и поход откладывался. Так повторялось несколько раз в 1934, 1935 и в последующие годы. Деревня была будто заколдованной, манила к себе, а попасть я туда не мог.

В 1939- 40 годах Петя учился где- то в ФЗУ. В сороковом- сорок первом его отправили на фронт, и он погиб. Война и служба на дальневосточной границе отвлекли меня от родины почти на десяток лет. Только летом тысяча девятьсот пятидесятого привела меня судьба на Соломатку к тете Хионии.

Дядя Андрей, как и Петя, погиб на фронте. Тетя Хина жила с дочерью Полей и младшим сыном Семеном, который собирался тогда в армию, и мы приехали его проводить. И вот уже не с Петей, а с его братом сидел я вечером на высоком крыльце, смотрел на синюю дымку на востоке, на все те же тополя и спрашивал тещу о деревне Орлы.

- Как она, все такая же длинная и красивая, или нет?

- Все такая же, - ответил Семен.

- А избушка с краю деревни целая?

- Целая.

- А Надя живет в ней?

- Живет. Завтра позвали ее на застолье в честь моих проводов. Очень переживает она из- за Петра. До сей поры не верит, что неживой он.

Я смотрел на ту синюю дымку и мне грезилось, что завтра попрошусь проводить Надю домой к ней и, наконец, побываю в той загадочной деревне Орлы. Получилось же

совсем иначе. Надя, действительно, оказалась очень стройной, красивой девушкой. После знакомства она очень приветливо разговаривала со мной обо всем, но стоило напрсситься проводить ее, решительно отказывалась. Не помогли уговоры родных о том, что я мог бы быть ей хорошей парой, жениться на ней. Она не забыла Петю, она ему даже мертвому была верна.

Потом я занялся заочной учебой в институте, женился.

Школьные и семейные дела надолго отвлекли меня от тех мест. Да и тетя Хина жила уже со своим семейством в Верещагино. А когда хватился- исчезли Соломатка, Орлы и ближайшие к ним Мешалки, Костылево, Макарята, Терехино. Теперь только во сне или в нахлынувших порой воспоминзнях может пригрезиться та далекая синяя дымка, те тополя, те очертания крыш невиданной деревни Орлы. Схожу нынче в те края на лыжах и хоть этим утолю то, когда-то непреодолимое желание...

ЧАРОДЕЙ

В пятнадцати километрах от нашего города была когда-то деревня Макарята, и жил в ней мальчик Степка. С малых лет любил он домашних животных, ухаживал за буренкой Краснухой, за телятами. Сено им подбрасывал, каждый день давал по вкусному ломтю хлеба с солью. Дружил он также с котом Васькой, с козой Зойкой и ее козлятами, с драчливым петухом Петькой.

Степка всегда удивлялся, глядя на свою сестру Варьку, которая во двор всегда выходила только с хворостинной. Однако и это ей не помогало: задиристые Зойка и Петька все время нападали на нее, и она истошно кричала:

- Ой, спасите, помогите! Зойка забодала! Петька заклезал меня!

Вот и приходилось Степке всегда выручать ее. Дело дошло до того, что отцу из-за этого даже пришлось пере-

нести в другое место туалет, а к погребу сделать отдельный огороженный проход. При Степке эти же самые забияки вели себя удивительно спокойно, ласкались к нему и терлись о его ноги.

Прошли годы. Колхоз в деревне Макарята укрупнился, а затем был преобразован в совхоз. Соседи по деревне постепенно стали перевозить свои дома в центральную совхозную усадьбу. Отец Степана сначала перебрался в Очер, а потом - в Верещагино. Здесь он продал свою Краснуху, заколол Белолобого, козу Зойку и всех кур. Вот и остался двенадцатилетний Степка без своих друзей. Поскучал он без них и стал заводить знакомства среди диких птиц и зверей. Подобрал как-то в поле подбитого галченка, выходил его и выпустил на волю. Затем купил черепашку, целую зиму ухаживал за ней, а потом подарил ее своему однокласснику.

Однажды в лесу набрел он на место бывшего покоса, отводимого раньше отцу за очистку лесных посадок. Здесь маленький Степка когда-то резвился, пока родители работали, он собирал тут землянику, срезал в логу прутья и делал из них отличные свистульки.

Счастливым это было время! Здесь происходили самые неожиданные встречи: то с белкой, то с зайчонком или полевым сусликом. Это было время радостных находок незнакомого красивого цветка или кустика петушков сочного щавеля, а то и настоящих зарослей красной смородины. Надеялся он встретиться здесь с чем-нибудь необычным и в этот раз. И предчувствие его оправдалось.

Поднимаясь из лога в гору, Степка увидел большую сухостойную ель, с середины разделившуюся на два ствола. На месте разветвления было дупло. Что-то толкнуло его подойти поближе. Оказалось, что из гнезда, которое было в дупле, выпали четыре совенка. Подумал тут Степан:

- Возьму-ка одного из них и унесу домой. У совы ведь еще трое останется.

Так и сделал. Посадил он совенка в кепку и унес в

свой дом. Назвал его Фомкой, построил ему деревянную клетку и стал его воспитывать. Он кормил птенца пшеничной и пшенной кашей, кусочками мяса, поил молоком.

Узнав, что совы могут научиться говорить, как попугаи, что по ночам осенью они кричат: " Дай шу- бу" ! - он стал учить Фомку говорить. Набросает на стол кусочки мяса, крошки хлеба, поставит перед совенком зеркало и, спрятавшись за него, говорит по складам:

- Фомка, Фомка! Ешь мясо!

Или:

- Дай ка- ши! Дай ка- ши!

Совенок же клонет раз, другой и молчит. Клонет еще раз и снова молчит. Не хочет говорить и только. Долго парнишка дрессировал своего Фомку, но все безуспешно.

Шло время, совенок рос и стал превращаться в большую сову. Он так привык к Степке, что на его зов стремглав бежал к нему. Однако это происходило только вечером или ночью. А днем ему и клетки не надо было. Он часами сидел где-нибудь на приступке печи или на краю полатей и дремал. Видимо, сказывалось то, что сова- все же ночная птица. Тогда Степка стал учить его говорить по ночам, при свечке. И дело постепенно пошло на лад. Сначала Фомка только фыркал в ответ на слова, раздававшиеся из-за зеркала, потом стал обращать внимание на своего зеркального " собрата" и отвечать:

- Дай фу- бу, дай фу- бу!

Однако дальше этого обучение не продвинулось. Сколько Степка не учил птицу, та без конца повторяла лишь только эту единственную фразу.

Однажды майским вечером Степан вышел с Фомкой во двор и отпустил его. Тот побежал по земле, полетел в огород и исчез. Парнишка всю ночь не сомкнул глаз, боялся, что Фомка улетел в лес. Однажды утром тот вернулся, залетел на сеновал, уселся там поудобнее на жерди и задремал. Так и повелось потом: ночью Фомка был на охоте, а

днем- отдыхал. Когда стало потеплее, спать на сеновал переселился и Степка. Так и встречались они там по вечерам. А в конце лета Фомка, как обычно, ночью улетел, но уже не вернулся. Степан искал его повсюду, был даже у той двухрогой ели, но там осталось только пустое гнездо.

Шли годы. Степан Афанасьевич стал взрослым человеком. Но он по- прежнему дружил со своими лесными собратями. А в народе его прозвали чародеем, так как лесные жители совсем не боялись его. Я сам был этому свидетелем.

Как- то раз были мы вместе с ним в лесу. Он вдруг спрашивает меня:

- Хочешь, я сейчас " поцокаю" языком, и вон та белка будет бегать у меня по руке? Только ты стой тут в стороне и не двигайся с места.

- Хочу, - ответил я.

И чудо, действительно, свершилось: белка побегала у него по руке, посидела на плече, что- то взяла в рот из его уха. А потом тоже " поцокала" и вновь прыгнула на дерево.

В другой раз он свистом позвал к себе ворону, которая тоже посидела у него на плече и что- то пошептала в ухо.

Чародей да и только! А все объяснялось очень просто: и эта птица, и этот зверек были его домашними воспитанниками.

В Очере я знал раньше и другого такого же " чародея" по фамилии Грахов. Он, как и Степан Афанасьевич Артемьев, беззаветно любил и понимал природу, зверей и птиц, а те были с ним по- настоящему взаимны.

НА МЕСТЕ СТАРОГО ЛЕСА

Когда-то, лет 40-45 назад, влево от дороги из деревни Макарята в Урванцы был густой дремучий лес. Он тянулся почти до самого Верегагино, но не был сплошным. Кое-где среди него маленькими островками располагались поляны, поросшие короткой мшистой травой и кустами вереска. Когда я летом в детстве гостил в Макарятах у дедушки, тамошние ребята водили меня на эти поляны за земляникой и рыжиками. По трехлитровому туюску таскал я оттуда крупных и сочных ягод. А рыжики росли целыми мостами и собирать их было одно удовольствие: какой-нибудь час, и корзина ведерная готова.

После войны лес вырубил и не стало там ни ягод ни грибов. Все поляночки высохли. Лет десять туда никто не ходил. Потом на захламленных древесными остатками местах вырос малинник, и снова те места ожили. В июльскую и августовскую пору опять повалил туда народ. А потом исчезли, как бесперспективные, деревни Терехино, Макарята, Пынково, осталось по два-по три дома в Урванцах, Поличах, Костылево, и лес этот снова осиротел. Кому туда ходить, когда почти одинаковое расстояние, что до Морозово, что до Новосел, да и не близко?

Вспомнил я про эти места нынче в начале августа и решил побывать там. Взял корзинку такую, чтобы и малину можно было брать и грибы, сел в автобус, доехал до Пьянковского отворота, а дальше до бывшего дремучего леса на "одиннадцатом номере" поскакал. Ну, думаю, все вырубса заросли, чаверное, как и везде почти, березничком да осинничком. Как стал подбираться к месту прежних полян, и действительно встретили меня шумом своей листвы белоствольные красавицы да стройные заячьи и козлиные деревья. Только подумал про косога, а он тут как тут. Заметив меня, постояв на месте, наострив уши, и пустился бежать, не дав налюбоваться собой.

Смотрю дальше: что за диво? Ельнички пошли. И их спутники- верески тут же. Наклонился и вижу: рыжиков мосты сплошные, словно засеянные. Перезрели только. Из двадцати двух в одном месте только четыре в корзину положил. Шагнул дальше, опять мост, второй, третий, четвертый. . . Час прошел- и посудина полная. Увлёкся сбором обильных лесных даров и не заметил, как далеко- далеко ушел. Взглянул на часы: двенадцать. На солнце посмотрел- значит, юг там. На тракт идти, как раз на светило держаться надо. И побрел напрямик: через валежины, кочки, через малинник, траву какую- то в рост человека высотой с фиолетовыми цветами сверху донизу. Запнулся за коряжину, упал, чуть грибы не просыпал. Гляжу: нора какая- то, сантиметров тридцать в диаметре. Подумал, сусличья. Но они ведь в поле живут и из- за минеральных удобрений все нынче повымерли. Потом догадался: лисья. . . Хотел поковырять суком, а потом сам же себя и выругал: " Что я браконьер что- ли? Пусть патрикеевна там спасается. . . " .

Между просеками- вырубками узкой полосой старый лес остался. В нем сушин много. Только зашел и вдруг: " Тук- тук- тук! ". Дятел- дровосек, видимо, себе гнездышко долбит.

- Ах, дорогой, как я тебя давно не видел!

А из- за елей чей- то голос отвечает:

- Да я тебя первый раз в жизни встретил. Где рыжики набрал? Я весь лес ошарил, ничего не нашел.

Гляжу, мужичок какой- то. Говорит, а сам перочинным ножом по стволу стук- стук.

- А я, - говорю, - думал, дятел стучит.

- Да где они нынче? И слыхом не слыхать. Зато лосей много развелось, сегодня двоих видел. Тетерку в одном месте вспугнул.

А я в ответ зайцем похвастался. Этого зверя тут тоже редко увидишь.

Побывал в бывшем дремучем лесу, словно со своим детством встретился. И про усталость забыл, " летел " до

самого Верецагинского тракта, как на крыльях. И радовался: возьмут силу ельнички, снова дремучий лес стеною встанет. И поляночки останутся, и рыжички будут, и земляничка, и малинка. Только вот черники не будет в низовьях этого леса, так как болото исчезло. Да бог с ним. . . Главное, ель нашу Уральскую не везде задушат березнички да осиннички.

СНЫ ДЕТСТВА

Чем старше становлюсь, тем чаще снятся мне сны из детства. Вот и недавно, в первую ночь солнцеворота сплю я и вижу: стою будто на вершине Макарьтской горы с санками-кованками в руках и жду очереди, когда освободится место, чтобы залезть на голован катушки и оттуда ринуться вниз по терешинской дороге. Мне будто бы 10 лет. И как бывало раньше, подбегает ко мне огневолосяя шестнадцатилетняя Дуня Прохорова и кричит:

- Прокати, кавалер!

Зардев от гордости, что так назвала меня самая красивая в Макарятах девушка, бодро отвечаю:

- Садись, быстрее вороных провезу! . .

И вот мы мчимся через всю деревню по сильно укатанной горе, потом метров 500 по санной дороге. Ветер свистит в ушах песню счастья.

Раскатились так, что приходится притормаживать обеими руками, в которых специальные бороздульки. Останавливаемся почти перед самой следующей деревней Терехино. А там- другая гора. Скатываемся и с нее. Дуня легко спрыгивает с кованок, наклоняется ко мне и целует в левую щеку.

- Молодец! Ты не Ванька Ипатов, не заедешь в сторону и не свалишь в сугроб. . .

Оба беремся за двойной поводок санок(я- слева, она- справа), идем обратно и тащим кованки за собой, перешу-

чиваемся, переговариваемся, о чем попадя. Ничего, что много надо идти пешком. Любишь кататься, люби и саночки возить.

Возвращаемся на Макарятскую гору, снова лезем на голован и катимся, кричим от восторга, ветер снова свистит и румянит наши лица...

Просыпаюсь и про себя констатирую: "Едва ли было что веселее и задорнее тех разудалых катаний! О, детство, детство! Много было в том возрасте забав и радостей, но катанья с Макарятской горы через пять с лишком десятков лет помнятся больше всего.

И захотелось мне, непреодолимо захотелось побывать в тех местах, хотя там нет теперь ни Макарят, ни Терехино. Но гора, окружающий лес остались.

Взял лыжи, сел в автобус и поехал. Сошел на пьянковском отвороте, ноги- в крепления лыж, палки- в руки и пошагал прямо по целине.

Через километр- на охотничью лыжню вышел. Она вывела к тому месту, где когда-то в Пьянково дом тети Маши стоял. Ох, и любил я в детстве к ней заходить. Такими собственноручными калачиками с чаем- настоем из трав угостит, что чуть язык не проглотишь. Постоял, повспоминал...

Глянул в сторону: что-то краснеет через закуржевевшие кусты. Подошел поближе: рябина. Как убереглись ягоды, как никто не склевал, диву дался. А вон снегири. Посидят на снегу или на ветках деревьев, как комочки красной ваты, потом прыг-скоч, чирикнули и были таковы. Жилья нет, а по традиции выются около того места, где когда-то стояли дома. Ах, вы верные, неподверженные измене, птички!...

Прошел по охотничьей лыжне дальше метров триста и замер от удивления. Ветер насыпал на валежины, на сучья снегу, который при оттепели оттаял и получились сказочные фигуры. На что же похожи они? Вот гигантский комар с укороченными крыльями. Застыл в позе, готовый взлететь.

А там заячьи уши торчат из- за куста, одно чуть меньше второго. Вон лисий хвост торчит из- за бугра. Уж не на зайца ли охотится Патрикеевна?

А вот огромная гусеница- короед, складки тела гармошкой. Надо же, что может сотворить природа!

Кругом царила такая тишина, что невольно вспомнились лермонтовские слова: " Выхожу один я на дорогу, предомной кремнистый путь блестит, ночь тиха, пустыня внемлет богу. . . " . И сразу же подумал: " Какая пустыня, когда тут всюду жизнь, даже в этих застывших фигурах, не говоря уж о том, что я видел живых снегирей". И сразу же, как об этом подумал, услышал с детства знакомые лесные зимние звуки: " Тук- тук! ". Увидел и виновника их, серого дятла, уцепившегося когтями в среднего размера ель- суши- ну и деловито долбившего древесину так, что вниз, на снег падали целые древесные щепочки и куски коры.

Постоял, поглядел на этого нарушителя тишины. Видал я раньше дятлов таких же серых, черных, зеленых в крапинку. Все они санитары леса очень полезные. Черный дятел нынче редок, увидеть его- счастье.

На выходе на большие макарятские поля, лыжня привела меня к жердяному настилу, на котором валялись клочки сена, объединенные березовые веники. Ясно, что хороший друг сохатых " организовал" эту подкормку. Вон следы. . . Изучив их, понял, что совсем недавно до моего прихода кормились тут лосиха и лосенок. Может, почуяли человека и ушли на всякий случай. Среди людей не только друзья, но и браконьеры есть.

Пошел дальше. Поднялся на гору, на место бывшей деревни Макарят. Постоял, отдав дань воспоминаниям. Потом скатился по предполагаемой улице деревни, по месту бывшей санной дороги. Прошел по лесным полянам, где мы раньше летом собирали землянику. Снова попал на лыжню.

Начало темнеть. Когда вышел на поле, что находится вблизи деревни Новосел, на небе показались звезды. Это

снова навело мои мысли на лермонтовские строки: " В небесах торжественно и чудно, спит земля в сияньи голубом. . . ". Как подошли они к переживаемому моменту! Но дальше у Лермонтова грусть, невообразимая тоска. А у меня новая радость от встречи с родной уральской природой. Как прекрасна она не только летом, но и зимой для человека, который не слеп глазами и душой!

БЫЛА ДЕРЕВНЯ МАКАРЯТА . . .

В одиннадцати километрах севернее Очера не более полутора десятков лет назад была деревня Макарята. Во все времена года было в ней оживленно и весело, потому что расположена она была на удобном месте, в палисадах и огородах было много черемухи, рябины, калины, смородины и малинников. Жили в деревне трудолюбивые, талантливые люди, которые умели и хорошо погрудиться, и весело отдохнуть.

Стояла деревня на высокой горе. И весной, когда расцветали черемухи, любо было посмотреть на это белоцветное раздолье. А какие праздники бывали тут после посева, какие водились хороводы, какие песни разудалые пели! Какой радостный бывал праздник последнего снопа. Не менее весело встречалась в Макарятах зима. Катались с макарятской горы на лыжах, катились с километр- до самого Терехина. Катались все: взрослые и дети.

Доброй славой пользовался многие годы макарятский колхоз " Маяк". В районе ходил он лидером, получал неплохие урожаи, выращивал немало скота и ни от кого помощи не просил. Даже от шефства МТС долгое время отказывался. И не только потому, что на макарятских глинистых угорах техника застревала, но и потому, что сами со всеми работами справлялись.

А какие люди жили в Макарятах! Мой дед Пимен Федорович Путин прожил здесь 84 года и до последнего

дня трудился. Лучше его никто не мог сделать телегу, вилы, грабли, топорище, свить веревки, боронить и пахать на лошади. Никогда не забуду трудягу- бригадира Игнатия Ивановича Колчанова. Сколько он сил положил для создания колхоза, для его благополучия. Добрым словом хотелось бы помянуть Ипата Колчанова, Селиверста Афанасьевича Путина, кузнеца Боронникова, бессменного конюха Андрея Фотеевича Путина, бывшего председателя колхоза Залаева Ивана Кирилловича.

Была хорошая деревня, и вот ее не стало. Захирели луга, запустелись пастбища, заросли мелкоколесьем когда- то прекрасные покосы. Сыграли свою роль непродуманные укрупнения. Не стало в деревне правления, магазина, детского сада, фермы- все переселились в Морозово. Побегали с насиженных мест и люди. Сейчас бы снова возродиться, да как тех людей вернуть? Где те постройки найти? Сколько леса, кирпича и шифера надо, чтобы новые дома построить.

Узнал я, что на месте прежних Макарят остались всего три постройки, один дом, сарай, да полуразрушенный колодезь. А на бывших огородах и на холмах вокруг широкого лога и ключа уродилось нынче великое множество боровых рыжиков. Ведрами грибники носили. Не поверил:

- Откуда они там взялись?

- Наверное, грибницу из леса торфом завезли, - ответила мама.

Вот так макарятский феномен! На месте некоторых исчезнувших неперспективных деревень лес и кусты разрослись, звери развелись разные, а на месте Макарят рыжики расти стали.

МАКАРЯТСКАЯ ГОРА

Деревня Макарята, от которой нынче осталось несколько заброшенных домов, расположена на склоне длинной, пологой горы. В тридцатые годы это была очень веселая деревня в 40 дворов. Весной Макарята покрывались морем черемухового цвета- сплошной белой шапкой, видной даже с Верещагинского тракта, проходившего в шести километрах от деревни. Осенью она радовала глаз обилием красноцветья рябиновых кистей.

Но еще веселее бывало в деревне зимой, когда в масленицу здесь проходили народные гулянья. На Макарятскую гору стекалось множество народа, сюда приходили из Морозово, Пьянково, Терехино, Урванцев и даже из Соломаток. Верхняя часть горы, которая начиналась посередине деревни, поливалась водой. Катались с катушки на специальных санках- кованках. Кованки так сильно раскатывались, что несли двух седоков через всю деревню вниз на расстояние до полутора километров. . .

Впереди на санки обычно садилась девушка, а сзади- "кавалер". Последнему надо было иметь немалый опыт, умение и сноровку, чтобы не свернуть с катушки в сторону, не опрокинуть спутницу. У парней имелись специальные "бороздульки". Ими они искусно правили кованками.

Свалить на ходу с санок девушку считалось величайшим позором. Неудачника освистывали и осмеивали прямо на "месте преступления". Зато ловкие парни получали традиционную награду- принародный поцелуй спутницы. Обычно девушка садилась на кованки не к каждому, чаще к своему избранному, награда за труды попадала всегда по назначению.

У кого не было кованок, катались на самодельных лотках- долбленках. Скользящая часть их покрывалась конским навозом, поливалась водой и замораживалась. Езда на лотках требовала еще больше сноровки, так как на льду

долбленки крутились вокруг собственной оси.

Картины народного гулянья оставили у меня, в ту пору мальчишки, неизгладимые впечатления. Как можно забыть эти веселые массовые катания, этот заряд бодрости, неподдельного восторга! Даже взрослые, старики и пожилые женщины, не отказывали себе в удовольствии раз- другой скатиться с горы. Иногда мужики выкатывали сани, садили в них с десятков хохочущих женщин и неслись с горы до конца деревни. Роль "бороздулек" здесь выполняли оглобли.

Нет Макарят, но есть Морозово, где тоже хорошие горы. Да и в Очере когда-то катались с угоров на заречной стороне и почти до половины пруда.

РАСТИ И РАЗВИВАЙСЯ, ЗАВОД!

На Очерском механическом заводе я проработал резчиком железа и токарем-карусельщиком всего три года и пять месяцев. Но этот короткий отрезок времени запомнился мне на всю жизнь. За этот период получил хорошую рабочую закалку с помощью моих наставников-мастера Ивана Ивановича Смирнова, начальника механического цеха Александра Александровича Голдобина, председателя артели "Работник" (так называлось тогда предприятие) Дмитрия Анатольевича Башко. Тогда же приобщился и к общественной работе (был избран председателем промстрахсовета (завкома), закончил заочно литературный факультет пединститута. Уволившись с предприятия в 1958 году, я не бывал больше в его цехах. Срок с момента увольнения прошел немалый- 24 года.

И вот недавно, находясь в Очере, зашел на завод, думал ненадолго, а пробыл на предприятии целый день. Встретил тех, кого знал, еще когда трудился на заводе: Е. В. Вяткина, до сей поры работающего инженером одного

из отделов, В. П. Шардакова, бывшего начальника сборочного цеха, ныне пенсионера. Так в каждом цехе и на участке встречал старых знакомых.

Сразу оговорюсь, облик завода стал просто мало узнаваем. Старые помещения благодаря реконструкции раздались вдоль и вширь и вверх. Бросилось в глаза отсутствие деревянных полов, вместо них — металлические плиты, а роль вагонеток сейчас выполняют большой грузоподъемности мостовые краны. Радуют глаз новые здания цехов: литейного, инструментального, энерготеплового участка. Достаточно сказать, что производственная площадь предприятия с 1532 кв. метров выросла до 9000, численность работающих увеличилась вдвое.

Поразила механизация многих трудоемких процессов, особенно при формовке форм для чугунного литья, обилие всяких приспособлений для механической обработки деталей, большая насыщенность оборудованием. Долго стоял я у гильотинных ножниц, способных резать на любой размер листы толщиной от 3 до 12 мм с высокой производительностью. Допотопные пресс-ножницы, на которых я раньше работал, показались просто примитивом по сравнению с этим универсалом. Почти в каждом производственном помещении — бытовые комнаты, раздевалки. Имеется вместительная, неплохо оборудованная столовая.

Очень многое произвело на меня неизгладимое впечатление: почти двойное увеличение роста выпуска продукции в суммарном отношении, коренное изменение топливного баланса. Раньше мы почти не строили. Воздвигли единственный 16-квартирный дом по ул. Ленина и все. А сейчас высятся по ул. Коммунистической два пятиэтажных дома, строится кооперативный, у завода имеются прекрасный клуб, детская площадка.

Узнав, что большим энтузиастом, ветераном предприятия К. А. Скорыниным с помощью общественности создан замечательный музей завода, я устремился туда. Более двух часов с волнением рассматривал бесценные реликвии, экспонаты, фотографии, не без большого труда собранные Константином Александровичем. Каждая фотография напоминала мне былое.

С этой побывки в 1982 году прошло, еще 14 лет. Если сейчас побывать в пору рыночной перестройки, то радости будет меньше, чем огорчений, как и во всей России.

РЫЖАЯ ПЛУТОВКА

Был со мной в прошлом году случай. Вышел я уже при глубоком снежке(в начале декабря) пострелять куропаток, рябчиков. Они в это время в своих снежных ямках-домиках сидят. Вспугнешь их своей лайкой и бьешь влет: " Пух- пах, пух- пах! ". Но сколько в тот раз привычных мест ни исходил- нет птицы да и все. Словно вымерла вчистую. При нынешнем положении, когда браконьеров развелось больше, чем охотников, все возможно.

Иду без лыж по целине, в гору от бывшей деревни Каракулы к Овчатам. В руках у меня двухстволка ИЖ2- 7Е. Через левое и правое боковые кольца штормовки поводок пропущен. Натянув его, мой борзый Разбой впереди бежит. Рассвело недавно, а тепло. Ветерок слабый дует. Морозец небольшой, градусов 8- 10. Вдруг из- за бугра лиса вылезла. Я от неожиданности замер, стою неподвижно. Я на нее и она на меня глядит. Подождал несколько секунд, потом как садану в рыжую из обоих стволов. Та подпрыгнула и упала на бок. Гляжу: не движется. Забыв перезарядить ружье, побежал к добыче. Схватил за хвост, приподнял, потряхнул- никаких признаков жизни. Бросил к ногам, снял рюкзак и наклонился его развязывать. Плутовка очухалась и бежать. Разбой так рванул, что я нырнул носом в снег. Отцепил пса, тот за лисой, а рыжая в нору. . . И была такова. Возьми попробуй, вытащи. Видимо, только оглушена была. А если и попало несколько дробинок, так не столько, чтобы богу душу отдавать. Отлежится и жить будет да благодарить меня за мое ротозейство. Так мне, растяпе, и надо!

(Это записано со слов охотника Быстрова В. И.)

МЕРТВЫЙ БЕРЕЗНИК

Идя из Куликов в Токари, подивился я окрест бывших Невосел мертвому березнику, одним стволам без пышного лиственного убранства. Спросил попутчика:

- Что это, пожар был что ли?

- Да вот не подумали, лес не спилили, пруд запрудили, березоньки тут и погибли все.

- Где же пруд? Воды-то нет.

- Да выпустили ее года два назад из-за этих же берез. Ни искупаться, ни на лодках ездить. Правда, рыбы и уток диких было изрядно. Рыбакам и охотникам раздолье такое, что лучше не придумать. До слез жалеют они этот пруд.

- А почему не восстанавливают, ведь дамба целая. В одном только месте размыв. Трубы заложить да засыпать. Бульдозеры в совхозе есть, наверное?

- Есть, конечно. А мертвый-то березник надо срубить, трубы где-то покупать...

- Так несколько субботников провели бы. Стар и млад пошли бы на такое благородное дело!

- Может быть, и пошли бы. Да поднять народ некому. Руководство ждет, когда высшие инстанции деньги на это отпустят, а молодежи у нас-раз, два и обчелся.

- Значит, так и будет проблема не решена?

- Будет, наверное, когда-нибудь...

И стоит мертвый березник, мозолит всем глаза. Посмотрит на него пешеход и мрачнеет сразу. Вот как люди живут не в лад с природой. Вот и мстит она им за отсутствие хозяйского подхода к делу.

(Записано летом 1982)

ЖУРАВЛЬ И ЛИСА

Есть под таким заглавием русская народная сказка. в которой говорится о том, как журавль и лиса подружиться хотели, друг другу в гости ходили. Но ничего у них из этого желанья не вышло, потому что угощали они гостей из неподходящей к каждому для них посуды. На век поссорились. Друг друга терпеть не могут.

Подтверждение этому увидели недавно жители с. Зюкай. Было это около урочища, где раньше располагалась деревня Мишата. Поселился там одинокий журавль. В отличие от нескольких пар журавлей, которых многие видали около деревни Беклемышево, у урочища Кукушка на берегу Обвы, ниже Зюкая, этот всегда один. У него то ли подруга погибла, то ли вообще он у своего стада отверженный.

Однажды за этим одиноким журавушкой безуспешно охотилась лиса. Долго подкрадывалась к нему. А он стоит и пощипывает молодую озимь, будто не видит ее. Но стоило только ей изготавиться для прыжка, как он моментально взлетал. Но не скрывался далеко, приземлялся метрах в ста пятидесяти и опять занимался своим делом.

Лиса же прижималась к земле и снова ползла к нему. Поеторялось это до четырех раз. И не поймешь: то ли игра была это, то ли отчуждение птицы к зверю, то ли га даеная ссора из старой сказки проявлялась наяву. Ведь могли же они ту вражду из поколения в поколение передать! Лето 1984 г.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Дикие кабаны приняли в свою семью теленка.

Это произошло в деревне Каменка Верещагинского района. У жительницы А. Менькиной пропал теленок.

Только через несколько месяцев обнаружили беглеца на одной из опушек. Подросший теленок был окружен стадом диких кабанов. Приняв столь редкого для лесной чащи гостя в свою семью, они защищали его от нападения волков. А их немало в той местности.

ЗИМНИЙ ДЕБЮТ

Мой дед, Иван Никитович Жданов, крепкий, восьмидесятилетний старик, бывший машинист паровоза, не знавший раньше никаких болезней, вдруг прихворнул. Вот он и говорит мне на днях:

- Купи- ка, внук, свеженькой речной рыбки! Уж очень ухи захотелось похлебать. Ведь лет десять, пожалуй, не ел ее!

Деда я искренне люблю. Он многому научил меня, уберег от многих необдуманных поступков, дал множество полезных советов. Его просьба для меня- закон. Но вот где купишь сейчас речную рыбку- свежатинку?

Самому поехать куда-нибудь порыбачить- не очень-то с руки. Ведь я "балуюсь" рыбалкой только с берега и летом, а зимой- никогда еще не рыбачил. И потом, куда направиться? На Камское море- далеко. На Очерском пруду, говорят, лужковские горе- химизаторы всю рыбу вытравили гербицидами- пестицидами, которые складировали на берегу, под открытым небом. Вот дожди и сделали там свое пагубное дело.

Думал. я думал и отправился в субботу на Павловский пруд.

Было раннее утро. Мороз небольшой, всего градусов десять. Снег сверху не падал, и не метелило. Погодка- словно по заказу. Настроение от этого настолько поднялось, что я даже подходящую походную песенку вспомнил и всю дорогу, пока шел до вокзала, ее слегка насвистывал. Тем более, что в пять утра и прохожих- то на улице еще не было. Сел в автобус и покатил.

Только вот подвел он меня: при подъезде к Очерскому механическому заводу вдруг сломался и в Павловск не пошел. Ждать следующего рейсового надо было часа полтора. Терпенья на это не хватило бы. Взял, да и пошел я на Черновский залив что километрах в двух, за островом находится. Туда, подумал, отравы- то уж наверняка не попала.

Дошел до половины залива и прямо на его середине пробил пешней три лунки. В каждую подкормки-распаренной овсянки подсыпал. Потом удочки туда забросил, насадив на крючки мотылей.

И вы знаете, клев тут такой сразу начался, что только знай подсекай, да рыбу с крючка снимай и новую насадку успевай насаживать. Правда, добыча небольшая: все лещики, подлещики, да сорожка мелкая. Но я все равно радуюсь, что и это- хорошо. Ведь не одна уха деду выйдет! Каких-нибудь за два часа я этой рыбешки почти с ведро натаскал.

Хотел было уже сматывать свои снасти, а тут вдруг одна из лесок чуть ли не вся в лунку ушла. Еле успел удочку удержать. Чувствую: на крючке что-то тяжелое. Давай потихоньку подтягивать. Смотрю: большущая голова с раскрытой пастью из воды показалась. Я даже струхнул сначала немножко. А потом схватил багорок, да как зацепил свою добычу крюком за губу и рванул к себе изо всех сил! Рыбина та и грохнулась на лед, а за ней множество осколков ледяной шуги посыпалось. Гляжу, а это- щука, длиной сантиметров восемьдесят. Прикидывал потом на карманном безмене: ровно три килограмма. тянет. Вот это улов! Никогда я еще такое "бревно" не вытаскивал. Вот будет деду потеха!

И, действительно, когда я вернулся домой и показал свою добычу деду, то он так обрадовался, что и про болезни свои моментально забыл. Из мелочи мы потом четыре дня подряд уху варили, а из щуки- отличные пироги вышли. Всех родственников удало в утостить.

Через неделю я снова туда рыбачить ездил, но, увы, неудачно. Просидел около своих лунок полдня, а поймал только трех ершонков. Так как в первый раз повезло, видимо, не всегда бывает. Жизнь- то порой не только из везений, но и из огорчений состоит. Так-то, брат!

(Про эту рыбалку рассказал И. П. Жданов)

" ЗАКОЛДОВАННЫЙ " КЕДР

Кедр на Урале- ныне редкое дерево, а в Очерском районе- тем более. Спросил об этом в лесничестве рабочих, они улыбнулись загадочно и промолчали в ответ. Значит, есть где- то посадки. от браконьеров секрет. Обратился к лесникам, дали адресок: Спешковский сельсовет, деревня Кисляки. Произрастают у дома семидесятилетней пенсионерки Анны Егоровны Агеевой всего два кедра- красавца. Холит она их, как родных сыновей. Они в ответ на ее доброту и ласку радуют глаз любого пешехода, хороший урожай орехов дакт. Правда, не каждый год. Анна Егоровна иногда перебирается жить в Очер, но вот уже на третье лето возвращается в родной дом, чтобы в деревне снова приобщиться к природе, свои детища- кедры от хищных лап хулиганов и губителей красоты уральской уберечь.

Известен еще один одинокий красавец, что возвышается в 60- м квартале на территории графских сосновых посадок, неподалеку от бывшего хутора Иллино. Кто посадил этот кедр, никому неизвестно. Считается он в народе " заколдованным", потому, что около него почти с каждым прохожим что- нибудь случается. Иной путник за какой- нибудь корень так запнется, что три сажени в сторону летит. Другой перестает вдруг на местности ориентироваться и к одному и тому же месту три раза выходит. Третьего вороны со всех сторон обкаркают, четвертого филин своим уханьем перепугает. Пятому в глаза свет непонятный внезапно блеснет.

В " заколдованность" этого кедра верит отчасти даже очень бесстрашный, опытный лесник Л. В. Штенцов из деревни Зотино, с которым тоже случилось тут несколько странных приключений. Как- то осенью 1958 года при приближении к этому дереву пригнулся он от какого- то сука, как ему на спину свалилась откуда- то сверху рысь. Завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Долго боролись

человек и дикая кошка. Исцарапанный и искусанный в кровь, победил Леонид Венедиктович.

Придя в себя от схватки, увидел он двух маленьких рысят, боязливо припавших к мертвой матери. Защищая их, бросилась она на человека. Положил малышей в мешок и увез их в охотсоюз, оттуда их ходом в Пермский зоопарк отправили.

В другой раз, в марте 1963 года, ехал Леонид Венедиктович верхом на своем лесническом коне "Глобусе" для порубки лес отвести. При подъезде к одинокому кедру (его нельзя было объехать) слышался близкий вой волков. Конь дернулся и понесся вскачь, как бешенный. Не успел всадник опомниться, как проскакал три километра. Посмотрел: едет в противоположную сторону.

Случались около кедра встречи с "Михаилом Ивановичем", с "Патрикеевной", со знакомыми людьми, имя которых вдруг забывалось, склероз нападал. Сам Штенцов как-то Деревяшкина Дворняшкиным назвал, Петухова Виктора Федоровича-Петуховичем возвеличил. Вот и нынче "чудо" свершилось: поставил на пень полную корзину малины, отошел три шага в сторону, а корзина как сквозь землю провалилась. Уж не "леший" ли подшутил...

- Отбросим мистику в сторону, - заметил серьезно Л. В. Штенцов. - Кедр в районе надо разводить. Он был бы украшением и гордостью наших лесов. Ветки его можно к нашим соснам прививать, плодоносить будет не через 30, а через 5 лет.

К его словам бы прислушаться главным лесничим лесхоза и лесничества.

(Совет такой был дан летом 1984 г.)

В МАЛИНОВОМ РАЮ

Наши леса богаты малинниками. Кто не знает знаменитое торговище, никитятское и комаровское урочища, ершовские вырубki? Оттуда всегда носили малину ведрами, туюсами, корзинами и бидонами. Особенно в тридцатые, сороковые военные, послевоенные полуголодные годы. Мешками насушивали, кадками, бочками, бутылками наваривали варенье.

Была малина тогда и едой, и самым первым подручным лекарством. Горячим малиновым настоем прогоняли грипп, ангину и самую обыкновенную простуду. В соответствующей пропорции малина с медом, редькой, перцем и хреном помогала излечивать желудочные болезни и ломоту в ногах.

На всю жизнь запомнились мне малинники за деревней Горошницы, которая располагалась раньше неподалеку от нынешних коттеджей за кооперативным техникумом. В тридцатых годах в Горошницах жил мой дядя, и я часто гостил у него, бегал с его домочадцами и соседскими ребятками за сладкой ягодой.

Малинники эти, изредка прерываясь полями, простирались на десятки километров. Увлечшись переходами из малинника в малинник, можно было оказаться где-нибудь около Еузынят, Дворца, Урванцев, Макаряг или Морозого.

К дяде часто приходила дальняя родственница. Отца своего она не помнила, поэтому, когда спрашивали ее имя и отчество, отвечала: "Да Татьяна я Татьяновна". Ее так и звали: Татьян Татьяновна. Эта женщина (лет ей было 40-46) нигде не работала. Жила огородом, коровой да лесными дарами. Была она хоть немного с "приветом", но собирать грибы и ягоды лучше ее никто не умел. Говорили, что на одной только малине выручала по тысяче за лето. Продавала и, кроме того, много сушила.

Нас, пацанов, Татьян Татьяновна любила и часто брала

с собой в лес. Пока шли дорогой, обычно шутила и рассказывала нам про свои "малиновые" приключения. "Бог мне во всем помогает. Все мы в малиновом раю живем, а я в нем главный смотритель. У меня и леший малину покупал, и медведь туес с малиной отбирал. Полакомится и вернет посуду обратно. И лося, царя наших лесов, я не раз ягодой и ломтем с сслю угощала. Заблужусь, любая сорока к жилью выведет, потому что я на ее языке стрекотать умею". А мы слушали, раскрыв рты от удивления и восхищения.

С Татьян Татьяновной было весело и интересно и загадочно-чудесно. Увидим зайца, лису или белку-зверьки покажутся и исчезнут, а наша спутница скажет, что они-ее знакомые, не раз от разных бед спасали и уберегали. И нам уже кажется, что вот и мы приобщились к обыкновенному, чудесному.

Наговорившись досыта, Татьян Татьяновна воскликнет: - А теперь за дело, ребятки! Солнце-то вон уже где. Гневается на нас, что до жары ягод не набрали.

И беремся мы за дело. Стремимся набрать быстрее и побольше, почище и без хлама. Знаем, что за это ждут нас на обратном пути новые интересные истории.

Вспомнил я обо всем этом в нынешнее время, особенно урожайное на малину лето. Много ее уродилось и в садах, и в лесу.

БЫЛА ДЕРЕВНЯ . . .

Была когда-то в бывшем Петриковском сельсовете красивая и многолюдная деревня Ивановка с травобильными лугами, светлоручистой речкой, перепоясанной плотиной, за которой сладко подремывал небольшой прудик. Летом тонула деревня в зелени рябин, черемух, калин и тополей. Был тут центр колхоза "Дружба", переименованного позднее в имени Кирова. Когда в 1952 году послали меня сюда в качестве рабочего от Очерской артели "Гвоздарь",

была Ивановка уже на правах бригады и входила в состав большого Аршиновского колхоза имени Куйбышева. Закрепили за мной лошадь, и трудились мы с ней с мая по октябрь- возили зерно к сеялкам, волокуши с сенсом, снопы к молотилке, случалось, "ходили" с хлебным обозом на Бородулинский элеватор.

Тогда еще молодежи в деревне было много, да городских ребят и девчат на сельхозработы немало приехало. Какие гулянья вечерами мы устраивали, какие танцульки под балалайку! Песни наши стихали далеко за полночь. На век запомнил бойкого, задористого восемнадцатилетнего тракториста Бориса Карнаухова- красавца, любимца всех местных девчат. Стройную, кареокую его подружку Ольгу. Неутомимую плясунью и частушечницу бухгалтера Тосю, острую на язык кладовщицу Ульяну Войтанец, молчаливого, но очень работающего Тимофея...

Недавно побывал я у бывшего председателя, а позднее бригадира деревни Ивановки Токарева Федора Васильевича, проживающего сейчас в Токарях. Около двадцати лет отдал он родному колхозу в Ивановке и в Аршиново, отсюда ушел на войну. Награжден орденом Красного Знамени и медалью " За оборону Сталинграда". Был ранен и демобилизован по этой причине в 1943 году. Вернувшись домой, опять председательствовал до 1950 года, затем трудился заместителем председателя сельпо по заготовкам. Вырастил двух сыновей и дочь. Воспоминаньям нашим не было конца. Посетовали мы о том, что не стало прекрасной деревни Ивановки. Хотя бы чье-нибудь подсобное хозяйство на том месте организовали! Сделал же Пермский Гознак свой сельский цех в Петраках.

(Записано в 1986 г.)

ПРИЖИЛИСЬ ЖУРАВЛИ

Побывал я нынешним летом в Токарях. Встретил бывалого охотника Фадея Александровича Гладкова и спрашиваю его:

- Говорят, у вас где-то журавли прикормились?

- Да, появились на болоте, около бывшей деревни Переплетово, моей родине. Четвертый или пятый год живут. Три пары. Огнезятся, выведут потомство и к зиме улетят. По весне снова на обжитое место возвращаются. И гнезда, и кладку ихнюю, и самих птиц много раз видал. Однако близко не подпускают, осторожничают. Люблю на родные леса, луга и поля поглядеть. Иной раз такое увидишь - только ахнешь. На притоке Чепцы речке Кене в прошлое лето бобры обжились. Осторожные черти. Раз десять подкрадывался, пока разглядеть их удалось. И ондатра есть. Деревень-то кругом не стало. Раньше в двух сельсоветах, нашем Токаринском да Петраковском 26 деревень было, а сейчас пять осталось. Вот и нашли звери, птицы тишь да благодать, никто им не мешает...

Из разговоров с другими жителями выяснилось, что журавли прижились этим летом еще в ряде мест. Бригадир-животновод Бабикова Евдокия Николаевна, например, не раз слыхала их курлыканье на Новосельском пруду, зоотехник Белов Александр Викторович около бывшей деревни Еремино даже пытался их сфотографировать, когда они молодежь-рожь пощипывали. Секретарь совхоза Люда была свидетелем, когда несколько длинноногих птиц на поле между Поносово и Гилего расхаживали.

Словом, богатеет токаринская флора к радости жителей. Остается лишь пожелать, чтобы не скудела она, а множилась красота родного края.

(1996 г.)

ВЕК . . . И ОДИН ГОД

Старейшей жительнице села Сива Лукерье Тимофеевне Иммис исполнился 101 год.

Шестьдесят лет отдала Лукерья Тимофеевна родному колхозу " Родина". Да и после выхода на пенсию она не сидела сложа руки: помогала хозяйству в заготовке кормов, выполняла другие работы. Трудолюбивая женщина неоднократно поощрялась администрацией колхоза, она пользуется в селе заслуженным почетом и уважением.

- Всю жизнь, сколько помню, я тружусь, не бегу от работы и теперь. Видимо, поэтому так долго и живу, - говорит Л. Т. Иммис.

Надо отметить, что Лукерья Тимофеевна, несмотря на свой возраст, успевает многое сделать и в домашнем хозяйстве: ухаживает за овцами, козами, курами, минувшим летом работала на огороде, вскапывала грядки, садила овощи.

У Лукерьи Тимофеевны- четверо детей, которые тоже достигли пенсионного возраста. Подросло третье и четвертое поколение родоначальницы большой семьи- у нее 10 внуков и более 20 правнуков.

(1986 г.)

ОХОТНИК ПОНЕВОЛЕ

Я всегда был поклонником тихой охоты. Даже отпуск брал в такое время, когда поспевают лесные ягоды и грибы. А когда вышел на пенсию, то и вовсе целыми днями пропадаю в лесу: собираю ягоды, грибы, лекарственные травы. Сколько интересного встречаю там: то за лосиной семейкой понаблюдаю, то лису увижу, то зайчика или белку. Но самая интересная встреча произошла в августе 1984 года.

Поехал я в отдаленный совхоз района на давно знакомых лесных полянах рыжики поискать. Ходил- ходил и набрел на грибное место, да так увлекся, что не заметил,

как сбился с дороги. Поплутал и решил идти напрямик: спустился с горы на незнакомую тропу и пошел по ней.

А вывела она меня на хутор. Стоит тут изба с пристройками, одна-одинешенька. Постучал в воротчики-никого ответа. Толкнул их-не закрыто. Захожу в сенки-нет никого, шагнул в избу-тоже ни души. Только хотел обратно на улицу выйти, глядь у порога пес сидит, огромный такой. Откуда только он взялся? Я к двери, а он зубы оскалил и рычит. Ну, думаю,- попался. Пока хозяин не придет, сиди теперь. Еще за вора примут. Пошел к лавке и сел. Гадаю, как пса обмануть и в сени выскочить.

А в доме на стене ружье висело-двухстволка. Подошел-пес не лает. Взял ружье в руки-тоже молчит. В патронниках по патрону торчит. Повесил ружье обратно-пес зарычал сердито. Взял снова в руки, а пес дверь лапами открыл и залаял-зовет меня куда-то. Вышли. Я за ним за ограду, а он дальше бежит и все оглядывается. Уж не с хозяином ли беда какая?

Километра три шел я за ним, а привел он меня к яме. Глядит в нее и лает. Смотрю, в ней волк бегаёт из угла в угол, а выбраться не может. Я не будь глуп, бабах в него из обоих стволов-и уложил наповал. А что дальше делать не знаю. Я ведь никогда охотником не был и стал им по неволе.

Пришли обратно на хутор, а меня тревога не оставляет: где же хозяин? Вдруг вижу-на столе записка(как я ее раньше не заметил?):

"Сергей Иванович! Последи за Джеком. Я в участковой больнице. Осколок военной поры из ноги доставать будут.

Митрофаныч".

Думал-думал, а потом сунул записку Джеку под нос и приказал:

- Веди к Сергею Ивановичу!

Пес умный оказался, привел меня куда надо.

Сергей Иванович Дудин являлся другом хозяина хутора, семидесятилетним стариком, еще крепким и бойким в движениях. Он рассказал, что его друг Иван Митрофанович Шевелев с ним одногодок. Участник войны. Работал всю жизнь лесником. Когда умерла пять лет назад жена, остался один. Сыновья звали жить к ним в Пермь, но он не поехал. Вот так и живет один. Сыновья, правда, навещают, но все не то. Вот Сергей Иванович и ходит к нему через два-три дня.

Я рассказал Дудину об убийстве волка. Тот посмеялся над моей первой в жизни охотой и заверил, что сделает с добычей что надо. Я распрощался с ним и попутным автобусом уехал домой.

СЛОВО О ЛОШАДКЕ

Побывал я прошлым летом в Третьяках. При входе в деревню попали мне навстречу три подростка-всадника. Сидят на упитанных лошадях, прямо как бывалые кавалеристы, в руках самодельные деревянные сабли. Только седел и стремян нет. Поравнявшись со мной, припустили галопчиком, на ходу начали теми деревяшками дорожные бобыли, конские хвосты и репей рубить. Посмотрел я на этих бойких рубак и в моем сознании промелькнули воспоминания о деревенском детстве, вождении коней в ночное, о длительной службе в пограничной кавалерии. Интересно стало узнать, много ли осталось лошадей в Третьяках, как они используются.

Пошел на механизаторскую стоянку и обратился за разъяснениями к бригадиру Филиппову Алексею Филипповичу. Он рассказал:

- В нашем совхозе "Спешковский", как и всюду в районе, мало обращают внимания на лошадиную силу. Лошади теперь остались только в нашей, да Хлопушинской бригадах, где есть еще энтузиасты этого дела. Из Спешково

последних четырех лошадок к нам переправили. А у нас своих шесть есть. Имеем необходимую сбрую, телеги, сани, даже кошевку завели. Не хватает только дуг, купить не знаем где, да и своего мастера делать их нет.

Лошади у нас на таком же довольствии, как и буренушки, сеном кормим, дополнительно даже овса им даем. Да и без работы они у нас не стоят. Летом лошадьми сено на волокушах таскали, мелкие грузы возили, верхом скот пасли. Почту на лошадях возим, огороды пашем. В Третьяках 29 хозяйств, в Воронихе- 17, в Налимах и Евсятах- по 2. Всем надо огороды пахать. Ни один наш мужик, и молодой, и старый, еще не разучился плуг или соху за чапиги держать. Есть и мастер конский инвентарь ремонтировать. Это пенсионер Вахрамеев Иван Родионович.

Ухаживает за лошадьми по совместительству фермовский скотник Иван Степанович Баженов. Относится к порученному делу добросовестно. Огорчен он только одним, что рушится старый примитивный двор, приспособленный под это из бывшего телятника. Сокрушается: куда лошадок переводить, да тем, что воду, чтобы поить своих подопечных, приходится со свинарника возить или с ключика на себе носить. Было бы подходящее помещение, можно было бы 20 и 25 коней держать.

На технике при нашем бездорожье да в дождливую погоду не везде проедешь, а конь всюду пройдет. Сколько травы на лесных полянках не выкашивается из-за того, что туда перебраться на тракторе нельзя. Интересна езда на лошади верхом и полезна для общего физического развития. Так пусть же будет больше всадников в каждой бригаде, в каждой деревне!

Минуло 10 лет. Наступающий капитализм делает этот вопрос еще более актуальным. На слишком дорогую ныне технику у большинства селян денег нет. Не сыграет ли тут свою новую роль лошадка, выручающая крестьянина века.

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ ДЕРЕВЯННАЯ . . .

- У нас в деревне Хлопуши ветераны не отсиживаются без дела, - говорит механизатор А. Г. Тиунов.

И действительно, многие работы в бригаде выполняются ветеранами. Вот один из них- кузнец Леонид Елисеевич Тиунов. Не всегда здоров бывает, но наковальню не оставляет. "Трудовые университеты" начал проходить с 12 лет в суровое послевоенное время. Был хорошим помощником матери. Ведь ей без мужа пришлось поднимать пятерых сыновей и дочерей. В шестнадцать лет Леня самсуком освоил устройство и вождение трактора. стал механизатором. Три с половиной десятка лет обрабатывал землю, а в 1983 году перешел в кузницу. И на этой работе отличался старательностью. Нынешней зимой отремонтировал в бригаде все конные и тракторные сани и телеги, 37 борон и много другого инвентаря.

Жена Леонида Елисеевича Мария Дмитриевна тоже ветеран труда, когда- то работала дояркой, сейчас развозит почту на лошади в Хлопушах и по ближайшим деревням. Делает тоже немаловажное дело.

Доброй славой у хлопущинцев пользуется кавалер ордена Трудового Красного Знамени, бывшая доярка Татьяна Дмитриевна Баталова. Несмотря на преклонный возраст, не отказывается помочь родному совхозу.

Очень нужную селу должность исполняет муж Татьяны Дмитриевны- Николай Потапович Тиунов. Он в Хлопушах- "главный конюший", как шутя называют его односельчане. Ухаживает он за 20 лошадьми. В этом количестве 9- рабочие, две в стадии обучения и остальные необученные.

- Вот бы, - мечтает Николай Потапович, - конный двор нам получше благоустроить, чтобы поголовье лошадей увеличить. Хотя и живем в век техники, но лошадь необходима. Зря некоторые руководители от лошадиных сил отказываются.

В Хлопушах еще около 20 трудоспособных пенсионеров. Половина из них хорошие помощники по хозяйству. Особенно такая помощь нужна в период заготовки кормов. Так что и в нынешней знойной жатве они примут активное участие.

(Записано в 1987 г.)

ОВЧАНКОВСКИЕ КАРАСИ

Наш уральский край славится обилием водоемов. Немало их и в Очерском районе. Перепруженные ручьи можно встретить почти в каждой деревне.

Прошлым летом по делам службы довелось мне побывать в Овчанках. Там я увидел такую картину. На берегу небольшого заросшего травой и камышами пруда стояли с удочками несколько подростков. Я посмотрел у одного в ведро, у другого - в туюсок. Лежало там штук по 10-12 толстобрюхих, длиной 20-25 сантиметров карасей.

Ловились они на мотылей. Рыболовы доставали этих личинок тут же из воды, черпая специальным черпаком ил. Расшуруют этот ил на дорожке, извлекут ярко-красного мотыля и насадят на крючок. Пройдет минута-две, и поплавок начинает нырять. Потянет мальчик уду, и сверкнет на солнце чешуя очередной рыбки.

Долго любовался я на удачливых рыбаков, а сам думал, что плохо мы используем дары природы. Взять бы этот прудик кому-либо под свое шефство, очистить от мусора, и можно было бы развести рыбу для сельской столовой.

Таких заброшенных водоемов много в районе. Хозяина же у них нет. А напрасно!

(1987 г.)

ПОДКОВНЫЕ ГВОЗДИ

Начало войны 1941 года многих застало врасплох. Не думая о том, что это лихолетье затянется надолго, никто не беспокоился, чтобы подготовиться к трудностям. Но война сразу же выдвинула множество проблем. Одна из них заключалась в том, как прокормить семью, если, в добавок, она многодетная. Полки в магазинах сразу же опустели. На хлеб и другие товары первой необходимости была введена карточная система.

Наша семья состояла из восьми человек. Отец ушел

на фронт. Трудоспособной была одна мать- Васса Пименовна. Пришлось мне, шестнадцатилетнему, бросить учебу в техникуме и идти на завод. Остальные пятеро сестренек от года до четырнадцати были на иждивении. Картофеля было мало, мы с ним быстро расправились. Потом продавали кое- какие вещи на базаре. Но скоро и этой возможности не стало.

И вот дала мама мне сумку, положила в нее килограмма два подковных гвоздей, оставшихся от покойного деда, и сказала: " Иди, Сеня, по деревням, может, променяешь на что- нибудь съестное, на завод- то через несколько дней тебе. . ."

Три дня ходил я по округе. Сердобольные деревенские бабы кормили меня, а с собой ничего не давали. Но свет не без добрых людей. Нашелся один бригадир в деревне Бурдино, взял у меня гвозди, а взамен дал килограмма три муки и два ярушника хлеба. На прощание спросил, знаком ли мне председатель артели "Красный Урал" Яков Иванович Каменских, который кровельные и сапожные гвозди делает, и не от туда ли мой "товар". Я ответил, что Каменских знаю, но он подковных не рубит.

- Так передай ему, - говорит бригадир, - чтобы рубил эти гвозди, большая нужда в них. Государство войной занято, самим надо все производить.

Бережно нес я хлеб и муку домой. А пришел в свой " небоскреб", что был на улице Павлова за больницей, радости у матери и сестренек не было конца.

Случилось так, что мама стала работать в той самой артели, где делали гвозди. Просьба бригадира было передана. А председатель Каменских и сам подумывал о налаживании производства подковных гвоздей.

Мама вместе с рабочими своей артели " Гвоздарь" (так она называлась позднее) не раз ездила помогать бурдинским колхозникам в заготовке кормов и уборке урожая. Дружба с бригадиром, начатая с подковных гвоздей, про-

должалась всю войну. Вместе с мамой ездили в колхоз и сестры. Это во многом помогло решить проблему с пищей. А весной 1942 года мы столько посадили картофеля и овощей, насобирали ягод и грибов, что голод нам уже не был страшен. Да и руководители артели стали больше уделять внимания семьям фронтовиков.

. . . Позднее мне довелось служить в пограничной кавалерии. Там немало приходилось иметь дело с подковными гвоздями, так как плох тот хозяин, который не посмотрит, как подкована его лошадь. А гвозди- то могли быть очерские.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Рекорд донецкого шахтера А. Стаханова в августе 1935 года ошеломил всю страну, и весть о нем быстро проникла во все уголки нашей необъятной Родины. Дошла она и до нашего Очеры. Бывшая стахановка Васса Пименовна Путина, мать восьмерых детей, вспоминает:

- Работала я тогда вместе с мужем Артемием Клеменьевичем в Очерской артели " Красный Урал". Наше предприятие было небольшое, работало здесь 70 человек, но производили они нужную стране продукцию- гвозди- от сапожных пятнадцатимиллиметровых и сорокамиллиметровых подковных до 150- ти - строительных. Я работала упаковщицей, гвозди паковала в ящики, делала по полторы нормы, ударницей слыла. Муж пилил заготовку для ящиков на дисковой пиле, а когда напилит достаточно, помогал мне или в кузнице молотобойцем работал

Собрали нас как- то уже в начале зимы на собрание, председатель артели Яков Дмитриевич Каменских и говорит:

- Надо нам откликнуться на славный почин Алексея Стаханова. У нас больше 30 ударников, разве они не могут стать стахановцами?

- Могут, - отвечаем.

- Так в чем же дело? Ну- ка, Васса, можешь ты по две нормы гвоздей паковать?

- Да что вы, Яков Дмитриевич! Хоть бы на 170 процентов вытянуть.

- Ну, что ж, и это хорошо. Так и запишем.

Потом в разговор вмешался заведующий производством Иван Данилович Попов. Он обратился к упаковщику Конюхову:

- Уж ты- то, Федор Кирович, вполне сможешь две нормы дать.

Конюхов согласился. С него и пошло: кто взял обязательство по две нормы делать, кто на 160, на 170 процентов выполнять ее. В общем, вся артель встала на стахановскую вахту. А на отчетно- выборном собрании в январе 1936 года итоги подвели. 32-м рабочим официально присвоили звание стахановца. Так и работали самоотверженно до самой войны. А как началась всенародная битва с фашистами и взяли наших мужей на фронт, мы, женщины, всю мужскую работу на себя взяли. И мне пришлось встать за самый большой станок гвоздорубом. Бывало до того наворочаешься, что сил нет в руках толкнуть провод под нож. Но обязательство свое выполняла на 180, порой и на 200 процентов.

Ударно трудились всю войну упаковщицы Зинаида Попова, Александра Костылева, резчик железа Николай Костылев, токарь Александр Ватолин, гвоздорубы- Лидия Владимировна, Антонида Лоханина, Клавдия Чеботнова, Ольга Томилова, Мария Мокрушина, Тамара Вшивкова, кузнец Трофим Бушуев. Предвоенные и военные традиции стахановского движения были продолжены в конце сороковых и в пятидесятые годы. Впереди все время шли смены сплошных стахановцев- настройщиков станков Феопента Мокрушина и Василия Зеленина, которые подготовили себе достойную смену мастеров.

Хочется еще раз упомянуть об организаторе гвоздар-

ного производства, первом председателе артели " Красный Урал" (переименованной позднее в " Гвоздарь") - Якове Дмитриевиче Каменских- прекрасном, душевном человеке, стойком коммунисте, руководившим нашим коллективом со дня основания артели до начала пятидесятых годов. В период его руководства артель часто наступала на пятки даже Очерскому заводу, становясь победителем в районном социалистическом соревновании. Он же вырастил таких руководителей, как Степан Иванович Уткин, Александр Федорович Чеботнов. Хочется добрым словом вспомнить Зиновия Ильича Каликина, который перед тем, как передать в Нытву наше гвоздарное производство, десять лет руководил артелью и продолжил славные традиции очерских гвоздарей.

ПУТЬ АРТИЛЛЕРИСТА

Славный боевой и трудовой путь прошел уроженец и бывший житель села Токари Семен Иванович Токарев. Восемнадцатилетним он окончил школу фабрично- заводского ученичества, после чего трудился в Златоустовском заводе-комбинате. Оттуда и был призван в армию, в школу младших командиров артиллерийской инструментальной разведки. После ее окончания попал в 691 отдельный разведдивизион Карельского фронта, действующий на стыке границ Финляндии, Норвегии и СССР. В боевых операциях участвовал с февраля 1943 по май 1944 годов. Награжден медалями " За боевые заслуги", " За победу над Германией", " За оборону Заполярья" и всеми юбилейными.

День Победы С. И. Токарев встретил в звании старшины одной из батарей 143 артполка, который затем был придан 633 корпусному Свирскому Терпенскому ордена Суворова третьей степени полку, которым командовал полковник Петров; ныне маршал Советского Союза. Батарея, в которой служил старшина С. И. Токарев как одна из лучших была удостоена чести участвовать в параде

Победы на Красной площади в Москве. Семен Иванович в числе других счастливых знаменосцев нес знамя своей части. Знаменосцы вслед за маршалом Советского Союза Мерецковым, командующим Беломорским военным округом генерал-полковником Фроловым и командующим артиллерийским корпусом генерал-полковником Пониткиным открывали шествие частей Карельского фронта, наиболее отличившихся в борьбе с фашистами.

Семен Иванович помнит, как его сердце и душу переполняла незабываемая радость от такой высокой чести. Участие в параде показалось ему выше любой другой награды. Он всем своим существом был благодарен за оказанное ему доверие. До конца дней своих не забыть ему как ликовала Москва, как стоящие на тротуарах москвичи осыпали победителей цветами. А какие радостные чудесные улыбки были на лицах людей, сколько тепла они излучали, сколько благодарности виделось в них победителям!

После демобилизации Семен Иванович работал в родном токаринском колхозе. Однако близость к железной дороге определила его дальнейшую судьбу. Он поселился в г. Верецагино и 22 года ездил на поездах главным кондуктором, девять лет — проводником. Сейчас находится на заслуженном отдыхе, но не сидит без дела.

Трудолюбивыми, как и родители, выросли дети у Семёна Ивановича. Сын работает техником-геологом в Магаданской области, а дочь выучилась на инженера-электрика. Так что есть кому передать трудовую эстафету.

ЛЕТОМ В ЛЕСУ

Черника-ягода лекарственная, помогает снижать давление, способствует улучшению зрения и пищеварения. За этой ягодой я лет двадцать не бывал, все как-то некогда было. А нынче вот решился, поехал на Шныровское болото, что находится в четырех верстах от деревни Аршиново.

Приехал туда на днях, а там людей больше, чем ягод.

Ходил, ходил- все вытоптано. Лишь форсировав на километр протянувшиеся кочки, лужицы, валежник да бесконечные заросли папоротника, нашел наконец, небольшую не тронутую никем поляну, где и набрал черники трехлитровый бидон.

Один из встретившихся на болоте сборщиков черники похвастал мне, что видел неподалеку на одном небольшом озерке двух цапель. Я поинтересовался местом встречи с птицами и помчался туда. Но никого, кроме нескольких лягушек, не увидел. Не за ними ли охотились птицы?

На выходе из болота обнаружил несколько мостиков обабков, примостившихся на обросших мхом корнях высоких елей. Набрал их полсетки. А дома оказалось, что они ложные. Когда стали чистить, покраснели на срезах. Этим себя и выдали. Вот что значит давно не бывать в лесу. Чуть беду на себя не навлек.

ЗА СПИНОЙ - ВЕК

Село Кулики всегда славилось долгожителями. В пятидесятых годах один дед дожил здесь до 120 лет, а людей, перешагнувших за девяносто, было не менее десяти. В один из своих приездов сюда, решил проверить, есть ли такие и нынче. Обратился в Куликовский сельский Совет. Там посмотрели по хозяйственным книгам и ответили:

- Есть старички по 92, 96 и 98 лет. Есть и век прожившие. Вот, например, Тютикова Екатерина Исаковна. Ей уж 103-й год пошел.

Оказалось, что долгожительница живет от Совета неподалеку. Быстро нашел ее старенький приземистый домик. Но на двери висел замок. Вышел на улицу, спросил у проходящей женщины, куда ушла Екатерина Исаковна.

- Да они с Юрием на берегу пруда сидят, - ответила она.

- А кто Юрий будет?

- Сын ее племянницы. С ним и живет она.

Поблагодарив женщину, пошел к водоему. Ожидал встретить пожилую, но еще бодрую женщину(такой обрисовали мне ее в Совете) и молодого, цветущего парня, а увидел согнувшуюся в три погибели старушку и человека средних лет с покалеченными ногами. Познакомился. Юрий Семенович ловил рыбу. Удобнее всего было начать разговор с этого, и я спросил:

- Каков улов?

- Да так, помаленьку. . . Вчера вечером пять рыбешек, да сегодня утром двенадцать. На уху хватит.

- Этой живностью летом только и пробавляемся, осенью- овощами, - вступила в разговор Екатерина Исаковна. - Пенсию- то только 28 рублей получаю, да и он чуть больше. В магазине много не купишь. А что, мил- человек, не добавят нам пенсию?

- Говорят, что добавят. . .

- Хоть бы сподобил господь. Огородом жили да теперь уж сил нет его обрабатывать. Правда, и нынче грядки три вскопала под лук, картошку да капусту.

- Сами вскопали?

- А то кто же? Юрий не может, он инвалид с детства, куда ему? Да что мы тут, пойдем к избе.

Пошли, сели на бревна. И тут Екатерину Исаковну словно подменил кто. Выпрямилась, приосанилась, и разговор пошел веселее. Родилась она поблизости от Куликов, в д. Малахи. Там крестьянствовала с отцом, матерью, затем с мужем Иваном Трофимовичем, с которым прожила 26 бездетных лет. После смерти мужа долго жила одна, в колхозе на разных работах трудилась. Когда ликвидировалась родная деревня, переехала с сестрой Маремьяной в Кулики. Последняя 97 лет от роду скончалась.

Умерли в преклонном возрасте и другие сестры- Аксинья и Матрена. Ушла из жизни и племянница, мать Юрия. Сейчас никого родных нет. До семидесяти пяти, совхозу помогала, до сотого года жила не тужила, дома все

сама делала. Сейчас вот сто шестой живет, хотя по паспорту 103-й. Ничем не болела даже. Только вот спина согнулась. Видно, от того, что когда-то на лесозаготовках кряж тяжелый на нее уронили. А нынче вот не хватило сил весь огород обработать.

Уходил от долгожительницы с двойным чувством: с гордостью за то, что таких крепких людей уральская земля рождает, и с огорчением, что не умеем мы еще заботиться о них. Неужели нельзя райсобесу хоть немного добавить пенсию долгожительнице, а совхоз помогать своему ветерану труда огород обработать? Ведь помогают же соседи дрова ей заготовлять. Почему в огороде помочь нельзя? А сейчас через 8 лет и вовсе помогать некому.

Рассказала мне Екатерина Исаковна легенду о леснике и крепостной девушке Даше, живших неподалеку от истока реки Очер и ставших в последствии знаменитыми на всю округу из-за своей неизмеримой любви друг к другу. Никакие испытания не смогли ее разрушить, любящие сердца разлучить. До сей поры с восхищением ношу эту легенду в памяти и мечтаю перенести ее когда-нибудь на бумагу.

АХ, ТЫ РАЗБОЙНИЦА

Пошел я как-то нынешней весной на разведанное токовище. Засел с полночи в березничке и стал ждать рассвета. Только забрезжило - слышу: квохчет кто-то. Думал самец, а это тетерка на гнезде сидит. "Ну, - решил, - не слышать мне теперь песенных трелей". Но все же таюсь, боюсь шелохнуться. Жду, что дальше будет.

Тетерка посидела, посидела и шасть с гнезда. Видимо, покормиться пошла. За минуту другую не отстынут яйца. Смотрю: их девять штук. Лежат, как куриные, только поменьше. Вдруг, откуда ни возмись, ворона. Прыг в гнездо и хватить одно яйцо. Отнесла его куда-то и снова обратно, схватила второе. Только скрылась и тетерка вернулась.

Села на гнездо, как ничего не случилось.

- Дура ты, - думаю, - серая, - вот глупую тебя как разбойница провела. Поднял глаза кверху, смотрю, а на ели та ворона снова сидит, дожидается. Злюсь на воровку чуть не вслух: " Так она все яйца растащит! " . До того мне тетерку жалко стало, что взял да и посадил в ворону весь заряд дробин. Она упала, сраженная. А тетерка сидит на гнезде, как привязанная.

- Ну, - опять думаю, - словно знает, что я ее не трону. Видно, инстинкт потомства выше всякого страха. - Ну и сиди. Тебе так и положено.

Среди птиц, как среди людей, бывают добрые и честные, жестокие и жадные, без всякой совести. Такие, как ворона, чужого горя не знают. (Рассказало охотник И. П. Попов)

ЭТО НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Хлеб- это слово святое, - говорил мой дед Пимен Федорович, всю свою жизнь проживший в деревне и знавший цену крестьянскому труду. Он никогда не оставлял после еды куски хлеба и даже крошки хлебные не выбрасывал, а собирал их со стола и отправлял в рот. Такое же отношение к хлебу дедушка воспитал у трех сыновей и дочери, моей матери. Я не помню случая, чтобы любой кусочек хлеба, оставшийся от застолья, не ушел в дело. Она или сушила их на сухари, которые мы съедали с чаем, или употребляла их в стряпню.

Хорошо помню 1930 год. Случилась тогда небывалая засуха. Колхозов в ту пору еще не было. Родители были середняками- единоличниками. Нас, детей, было пятеро. Мне, самому старшему, исполнилось шесть лет. Хлеба в том году собрали так мало, что его едва хватило на осенний посев и на еду до февраля. Съели отруби, даже половину, которую подмешивали в муку, а потом пришлось идти на поклон к богатому мужику Политову. У того старых запасов было

полно, да и от засухи он меньше пострадал, так как имел больше возможностей обрабатывать свою землю. За мешок ржаной муки Политов потребовал отдать после уборки нового урожая два мешка, да еще отработать две недели на его поле.

Особенно невыносимым стало наше положение в мае, когда закончились запасы: сушеные грибы, малина, черемуха. Едва дождались зелени. В пищу шли хвощи, пиканы, стебли репейника, липовые листья и даже почки деревьев. Когда эта зелень переросла, все равно собирали, сушили и толкли. Из полученной смеси, замешанной на воде, пекли так называемые "табани". Они были похожи на ячменные ярушники, но когда начинали их есть, рот перекашивало от горечи.

Однажды отец поехал в Верещагино и взял меня с собой. Около вокзала он привязал лошадь к палисаднику и, оставив меня на телеге, куда-то ушел. Я долго ждал его возвращения, проголодался и развязал сверток с "табаними". В это время с остановившегося поезда прибежал какой-то мужчина в железнодорожной фуражке и закричал мне:

- Малец, продай два ярушника. Десять лет не ел деревенского хлеба.

- Не продаем, самим надо, - насупился я.

- Да я тебе буханку казенного дам.

И, не дожидаясь моего согласия, выхватил у меня два "табани", а взамен бросил мне на колени большущий хлебный кирпич. И убежал.

- Да не ярушники это, а "табани", - кричал я ему вслед, но он уже скрылся из виду.

А тут и отец пришел. Отрезали мы по ломтю от буханки. Хлеб был сырой, непеченый, но настоящий. Привезли мы его домой. Радости то было, как в самый большой праздник!

А когда собрали новый урожай(к счастью, в следую-

щем году все уродилось) и мама испекла первый каравай ржаного хлеба, мы просто прыгали от счастья.

Еще не раз мне пришлось испытать цену хлеба. И я часто говорю своим детям об этом, сравнивая наше время с теми тяжелыми годами. Почти сорок семь лет нет войны, и какое это счастье, что у нас на столе всегда есть вкусный свежий хлеб.

ЕДИНСТВЕННОЕ КИРПИЧНОЕ

Стоит на восточной окраине Третьяков единственное в деревне силикатно-кирпичное здание. Построено оно несколько лет назад и предназначалось для двух квартир специалистам. Но негде было детсад устроить. Думалодумало руководство совхоза "Спешковский" да и поместило тут детей.

Возглавляет детсад заведующая, молодая тридцатипятилетняя Тютикова Галина Михайловна. Она и за повара, кладовщика и уборщицу. Помогает ей во всем воспитательница с двухлетним стажем Филиппова Татьяна Алексеевна. Она еще за нянечку. Кругом все аккуратно покрашено и побелено. Имеются отдельные спальня, горшечная, игровая, кухонная. Все помыто, вытерто. Нигде ни соринки, ни пылинки нет. Воспитывается здесь 12 детей от 1 до 7 лет. Отопление печное. Воду приходится носить из колодца от соседей, водопровод примитивный, действует только летом. Имеется необходимый комплект игрушек и литературы. На дворе есть качели, турник, зимняя горка. В нескольких метрах - елочный сколочек, где летом и осенью дети могут ягоды, грибы, цветочки пособирать.

Садик маленький, но живет, как большой, по законам дошкольного учреждения. Здесь проходят занятия по специальной программе. Разучиваются песни, танцы, проводятся читки детских рассказиков и сказок. На стенах висят стенды "Дети наше будущее", "Родительский уголок". Имеется холодильник. Есть одна претензия: мало в рационе детей бывает мяса и рыбы. Неужели совхоз обеднел, не может дать этих продуктов детям в достаточном количестве?

Побольше бы таких единственных кирпичных помещений для нашей радости, нашего будущего-детей! (1984 г.)

" ПОЖАЛУЙТЕ НА КАШУ ! "

Какие только сюрпризы не преподносит нам порой местная телефонная связь! Звонишь, например, в какой-нибудь совхоз- отвечает хирургическое отделение. Ждешь звонка из обкома профсоюза- тебя соединяют с метеорологической станцией. А вот недавно со мной случилось еще более невероятное.

Зазвонил телефон, беру трубку и слышу:

- Пожалуйста на кашу! Наша Мария Петровна дочку родила!

- Какая Мария Петровна?

Голос сердится и отвечает:

- Да ты что, очумел? Мазунина, конечно, - и выключился.

Долго я гадал: кто бы это мог быть? Решил позвонить к своему знакомому, Мартюшеву, в деревню Комары. Спросил его, не он ли пошутил со мной. Оказалось он не звонил. Наверное, говорит, звонили к комаровскому Тиуну, а попали к тебе. Обычная телефонная "шутка".

- А Мария Петровна Мазунина кто?

- Доярка Елоховской фермы. Живет она в Елохах.

- И дочку она родила?

- Она. Это у нее восьмой ребенок.

И тут я вспомнил: об этой женщине осенью мне рассказывал бывший зав. фермой А. Ф. Степутенко. Есть у меня и прежняя запись разговора с самой М. П. Мазуниной.

Семнадцати лет закончила Мария Петровна Путинскую десятилетку. Решила учиться на кондитера и по этой специальности три года работала в Верещагинской столовой № 1. Вышла замуж за плотника Павла Федоровича Мазунина, который увез ее в Комары.

Здесь она сначала была разнорабочей, а потом в доярки пошла. К обязанностям всегда относилась добросовестно, в передовиках ходила не один год. Только вот нынче про-

дуктивность коров на ферме снизилась по независящим от нее причинам. Животные вошли в прошедшую зимовку ослабленными от плохой пастбы и скудного кормления. Попробуй-ка поднять надои даже при обилии кормов! Время для этого потребуется немалое.

Мария Петровна- примерная многодетная мать. Старшие ее дети всегда опрятны, ухожены. Они во всем помогают своим родителям в домашнем хозяйстве, где работа всегда найдется и в огороде, и в саду, а также по уходу за коровой, многочисленными гусями, курами и, конечно, в качестве нянек младшим ребятишкам.

Очень тепло отзываются учителя о шестикласснице Тане. И учится она хорошо, и общественница примерная. Коля, что в четвертом классе, спортом занимается, вместе со взрослыми в хоре поет. Таков же второклассник Сергей. Очень дружны дошколята Артемка и Лешка. Есть чему научиться у старших двухлетнему Максимке. И вот - девочка- "новогодний подарок". Веселья было в семье, хоть другим отбавляй! На "кашу" все соседки приходили.

У отца семейства, Павла Федоровича, золотые руки. На любое сельское дело он мастер. Если надо, может встать спозаранок, чуть свет на дело отправиться. Только вот отбилась он от родного совхоза "Ударник", с шабашниками связался. Хоть не каждый день, но и с рюмкой, к сожалению, в дружбе стал мастеровой человек. При нынешнем стремлении людей к трезвости учесть бы ему новые веяния, да за ум взяться. А для такой- то семьи ох как трезвая голова ее отцу нужна!

Доброго здоровья вам, многодетные родители, и счастья вашим детям.

ПО ЗАКОНАМ ДОБРОТЫ

Живет в селе Никольске скромная женщина, имеющая простую деревенскую профессию телятницы. Зовут ее- Лидия Ивановна Фадеева.

Выросла в обычной колхозной семье, где кроме нее было еще пятеро братьев и сестер. Рано лишилась отца, погибшего на фронте. Вместе с матерью познала, как говорится, почем фунт лиха.

Но выстояла. Быручила неустойная тяга к труду. С семи лет помогала матери и по колхозной работе, и дома по хозяйству. Унаследовала родительское трудолюбие, аккуратность, добросовестность, чистоплотность. Эти качества и на ферму принесла, когда дояркой стала, а позднее телятницей. Это и помогло ей на протяжении всего тридцатилетнего стажа быть в числе передовиков.

Ухаживая почти постоянно за группой телят из 120 голов, она довела нынешним летом привесы до килограмма на теленка в сутки.

На вопрос: "Как удалось достичь такого показателя?" Лидия Ивановна ответила:

- Хорошие люди меня окружают. Вот и весь секрет. И бригадир заботливый, и кормовоз старательный, и напарница отличная. С ней, Клавдией Макаровой, уже пятнадцать лет вместе работаем. За нее в огонь и воду готова пойти.

Конечно, сама Лидия Ивановна скромничает. Многие животноводы говорят, что высоких привесов она добивается в основном за счет природного трудолюбия и ответственности. Если надо и корма на себе принесет из кормоцеха, и с бригадиром, кормовозом принципиально поговорит в случае их нерасторопности. Случись неисправность в оборудовании покоя наладчикам не даст. И за товарищей по работе горой встанет.

Чистота, порядок у нее и в доме. Все к месту приг-

нано. Не повезло только с мужем, Анатолием Ивановичем Беловым. Он машинистом на зернотоку работал. Более четверти века дружно прожили, шесть дочерей завели. Да погиб он трагически при пожаре. Неизвестно от чего ночью загорелась их колхозная квартира в д. Климята. Первой треск огня услышала хозяйка. " Горим! " - закричала. А муж, проснувшись, прежде всего о жене и детях думал. " Прыгайте все в окно! " - прокричал он. А сам, чтоб успеть корову с теленком спасти, бросился через сенки. Тут подгоревшая кровля рухнула и похоронила его.

Вот так и осталась Лидия Ивановна одна с детьми вдовой. Государство и колхоз деньгами помогли, новую квартиру дали в Никольске. Родные да соседи подсобили от такого горя в чувство прийти. Нелегко, конечно, пришлось Лидии Ивановне.

Но снова за дело взялась. Еще лучше на ферме трудиться стала, еще внимательней к дочерям относиться начала. Хотя, естественно, и раньше души в них не чаяла, строгой для их же пользы была.

И славными выросли все шестеро ее дочерей, такими же трудолюбивыми, жизнестойкими, как мать. Старшая Тамара закончила восьмилетку, дояркой на Большеказанскую МТФ пришла. Позднее вышла замуж за механизатора, сейчас троих детей растит. Екатерина - тоже жена тракториста, работала в магазине, имеет двух детей, сейчас - в декретном отпуске. Вера - доярка Яринской фермы, воспитывает сынишку. Муж Юрий - передовой механизатор колхоза имени Дзержинского. И Любовь работает на ферме, она призер районных соревнований по машинному доению, коммунист, избиралась депутатом сельского Совета. Живет вместе с младшей сестрой семиклассницей Наташей с матерью. А семнадцатилетняя Надежда учится на печатника в Перми.

Хорошо отзываются о семье Фадеевых и местные учителя В. И. Фадеева и М. В. Печенкина.

- Лидия Ивановна научила и своих девочек добрым качествам, - говорят они. - К школе у нее повышенный интерес. У нас она частый гость. А ее девчата не только хорошо учились и учатся, но и общественную струнку имеют. . . Они были и в совете дружины, и в редколлегии, и старостами классов. Веру даже путевкой в Артек поощряли. Люба в школе избиралась комсоргом. Да и сейчас она секретарь комсомольской организации отделения колхоза. И самая младшая Наташа сейчас в школе ученический комитет возглавляет.

Сама Лидия Ивановна награждена медалью " За доблестный труд. В ознаменование 100- летия со дня рождения В. И. Ленина", знаками " Победитель социалистического соревнования", многими Почетными грамотами. А за воспитание шести дочерей она удостоена ордена " Материнская слава" второй степени. По законам доброты складывалась жизнь Лидии Ивановны. А сейчас по этим же законам складывается жизнь ее дочерей.

Счастья Вам, Лидия Ивановна, и Вашим дочерям!

ОХ, УЖ ЭТИ СТАРИКИ!

Стоял я на автобусной остановке и услышал от молодой цветущей особы следующее:

- Ненавижу стариков- это тяжелейший балласт для государства.

- За что вы их ненавидите? - спросил я.

- А за то, что суют свой нос куда попало.

Когда ненавистница пожилых людей уехала, женщина ее же лет сказала:

- Она не только стариков, всех не любит, даже своих родных отца и мать за то, что не дают ей мошенничать и развратничать.

- Значит, кто нас не любит, - рассмеялся я, - развратники и мошенники?!

- Они, - тоже улыбнулась собеседница и рассказала о такой сцене.

- Старик с дубинкой и трясущимися руками покупал мед в одной из столовых. Подал кассиру пятисотку, сотенную и восемь двадцатипятирублевых - всего 800 рублей. С него же следовало 762, а кассир потребовала у него еще 62 рубля. Старик подумал, что обсчитался и безропотно дал требуемое. Но это заметил другой старик и возмущенно крикнул:

- С кого дерете, с пенсионера, который еле концы с концами сводит? Сейчас же верните деньги! - И кассир вернула, но посмотрела на старика взглядом, как будто расстрелять его хотела. Вот повод, за что ненавидеть вашего брата.

- И такие пройдохи называют это обыкновенным бизнесом. Чудесно получается: надуть человека и его же ненавидеть?

Один молодой человек недолюбливает работающих пенсионеров.

- Сидели бы, - говорит, - дома, да книжки почитывали.

А то не поймет, что вынудила их к этому необходимость, низкий прожиточный минимум - пенсия, ценовой беспредел. Не будет выходом из положения и увеличение пенсий, так как их увеличивают в 2,5 раза, а цены растут ежеквартально в 10-20 раз. Сейчас поднялись до 400-500 раз

- У моего старика, жалуется его доченька, - худой карман. Не удосужившись заплатить, без конца все теряет. Одних носовых платков для него не напастись. Недоволен моим приготовлением пищи. " У тебя, - говорит, - порции всех блюд уменьшились во столько, во сколько увеличились цены в столовых. Котлеты, фрикадельки, жареную рыбу (редкие " гости" на столе) , впору есть только гулливерским лилипутам. До того они малы по примеру верещагинских предприятий общепита. Он- то прав; но мог бы умерить свой аппетит, в годы социализма вволю ел.

Да, ненавидят нас, стариков, за многое. И за то, что мы порой не видим то, что, по мнению молодых, нельзя не видеть. Не слышим то, что все слышат. Вызывает раздражение то, что медленно шагаем, загораживая путь; положим вещь и не помним куда, оставляем дубинки, сумки кошельки на прилавках магазинов. Едим по выбору, у нас желудки не переваривают, искусственные зубы не жуют. Мучаемся бессоницей, бродим ночами по комнатам. включаем свет, энергию не экономим. Старомодны, не любим телевизионные песни с бесконечными тряской и раздеванием, надоедливую рекламу, по которой нам никогда не купить ничего. Даже то, что мы влюблены в маленьких-коробит людей молодого и среднего возраста.

Сноха моего дяди Миши прямо заявляет, что он не от мира сего. Пилит на скрипке всего две мелодии: " Светит в поле месяц ясный" и " Кузнечик- человек". А то не поймет, что раненная на фронте рука из- за изувеченных пальцев не может быть подвижной, чтобы играть другие мелодии. Он таким образом удовлетворяет свои музыкальные потребности.

Кроме этого, дядя Миша никогда не вникает в то, что его просят сделать. Скажут: " Почисти цветники под окнами", - все подряд выдерет: и шиповник, и тую, и другие многолетние цветы вместе с разными будыльями. Не уберет ботву на картофельном участке. Перезабыл фамилии всех бывших знакомых, спросят: " Про кого ты, Миша, говоришь?"

- Да про того, ноздреватого, кудреватого, щеголеватого.

- Каксго щеголеватого?

- Да, про того, у которого еще собака есть, такая шерстнатая, черноватая, а лапки в белых чулочках.

- Огородников что-ли?

- Да нет, Сковородников вроде.

Вот и поговори с таким, с дырявой памятью. А ведь

дикий склероз тоже нам ставят в вину.

Ох уж эти старики! Смех и горе! Но все молодые, приглядитесь к нам, будьте милосерднее и внимательней. Ведь большинство из нас неплохо справляются с детьми, всю работу в садах и огородах на себе "везут", в домашних делах могут дать добрый совет. Ведь у нас большой жизненный опыт. Не судите строго за наши слабости. И вы когда-то будете пожилыми, а там и старость придет.

ДЕРЖАВА ТРУДОМ КРЕПНЕТ

Мое детство проходило в годы НЭПа, в семье крестьянина-середняка, и я хорошо помню, какими тогда были селяне. Каждый, кроме земледелия и животноводства, занимался своим производством. Владел маленькой кузницей, столяркой, крупорушкой, портняжил, сапожничал, бочарил, мастерил сани и телеги. Ничего не производил только лентяй.

Самая тогдашняя жизнь заставляла крестьянина быть мастером на все руки. Зерно и скот стоили дешево. Хочешь иметь деньги, хоть что-нибудь производи и продавай. Иначе из бедноты не вылезешь.

У моего деда по матери, Пимена Федорса, семья одно время состояла из 22 человек. Все трудились от пота, от мала до велика. Дед специализировался на перетелке деревянных вил, черенков, вил веревки, чинил конскую сбрую. Все жители Макарят к нему за этим ширпотребом приходили. И на рынок возил. Его брат Дементий шкуры животных дублил и выделывал. Дед по отцу, Климентий Архипович Морозовский, деготь, смолу гнал. Имел для этого специальную печь. Отец мой, Атемий Климентьевич, держал пчел. Зимами валенки подшивал, галоши клеил. На примитивных приспособлениях давил льняное, конопляное и подсолнечное масло.

Большими мастерицами были все наши сельские женщины. Летом полосы боронили, хлеб жали, траву косили,

зимой лен трепали, полотно ткали на деревянных станках-кроснах, шили домашнюю и рабочую одежду. . . Мясо, молоко, мед, хлеб, крупы, варенья и соленья- это было свое.

Домашнее производство продолжалось и после коллективизации. Только после войны, когда промышленность окрепла, оно стало отходить. Хотя кое- где действовало до горбачевской перестройки.

Об этом вспоминаешь теперь, когда страна оказалась на перепутье. Обнищала. Значит, домашнее производство должно возродиться. Стать преградой инфляции и дороговизне, пополнить ресурсы продовольствия. Почему после войны быстро наполнились полки магазинов? Да потому, что наряду с активизацией работы промышленности, как грибы, росли мелкие кооперативные артели- маслосырдельные, колбасные, скобяные, швейные, сапожные, пимокатные.

Почему не организовать их ныне? Тут ли не простор для труда и честного бизнеса? Увы, нынешние коммерсанты знают, как скупить подешевле, продать подороже. В Очере и Верещагино 80 разных " контор", но ни одна ничего не производит. Скоро вовсе скупать будет нечего.

Поймем, что бумажные, простые деньги- не богатство. Заполнить надо закрома и кладовки, заполнить прилавки. Без этого не создадим полноценный российский рынок. От нужды не убежим и державе не поможем.

КАК ЭТО ВСЕ ПОНИМАТЬ?

Наша глубокоуважаемая демократическая власть дала народу очень много свобод. Например, взять свободную торговлю: кто чем может, но только торговать. Даже заведомой " отравой" - привезенных из самых " цивилизованных" государств. Упоили народ спиртом, водкой и винами разными, как вроде у нас своих нет.

На днях я купил подешевле три килограмма меда, на вид вроде бы хороший. А через три дня он превратился

в песочно- крахмальную массу. О каких уж тут лекарственных свойствах говорить, когда его и есть то просто нельзя.

Уж какой там тоталитаризм ни был, за 70 лет меня никто так никогда не надувал. Знали, видно, что спрос тогда строгий был: комиссии разные, контроль проверял торговлю. А сейчас полная свобода: действуй, обманывай честной народ. Не могу понять: почему так много появилось "прихватизаторов". За бесценок расхватали и поделили между собой почти все государственное добро и учредили миллионные оклады руководителям предприятий и другим чиновникам. А с акциями что? Откуда такое право иметь им до 40% акций, а тысячным коллективам - 60? А на образование, медицину и культуру отношение плевое, бросили, как хочешь так выживай.

Привыкнув грабить, трудно стать ангелом. Новоявленные буржуи скорее переведут свой капитал в иностранные банки и сами "смоются" за границу. Сейчас зедь не те богатые пошли, что были в 19 веке. Тогда они производство развивали, о России думали, а теперь - только о себе, как бы побольше отхватить лакомый кусочек.

Правду в глаза сказать не смей, а если такое случится, то сразу пиши заявление об увольнении. И тебя никто не защитит, даже профсоюз. При сегодняшней - то безработице - это рецепт для медленного убийства.

Совершенно лишней считаю свободу всех религий. Каждая тянет в свое лоно и только разобщает людей.

Воровство и бандитизм в нашей стране стали модными. Мало того, что грабят квартиры, предприятия, так нынче от набегов любителей легкой наживы нет никакого покоя в садах и огородах. И причем делают это открыто, не таясь. Капусту, лук, морковь, яблоки - все уносят. Вечером, как только стемнеет, лучше на улицу не выходить: изобьют или обснимают. Еще в далеких 70-ых я свободно гулял в Крыму, и на Кавказе, и в Москве, и в Киеве, и в других

городах. Никто не нападал на меня. Все народы жили дружно. А теперь на многих окраинах гражданская война идет, льется человеческая кровь.

Нас, ветеранов, очень беспокоит безнаказанность мафиозных структур, создается впечатление, что правительству до них, как и до народа нет никакого дела.

Нам, пожилым, совсем не понраву, что закрываются фабрики и заводы, засилие разных посредников, низкие закупочные цены на сельхозпродукцию, свободная пропаганда насилия, порнография и другое.

Считаю, что идет целенаправленное спаивание русского мужика, пьяный меньше требует. Может некоторые " сильные мира сего" хотят, чтобы наша матушка- Россия никогда больше не встала на ноги.

ЭЛЕКТРОДОВНА

После армии Степан Нукин вернулся на завод в свой родной цех. За ним закрепили все тот же выдавший виды токарный станок. За время отсутствия Степана Афанасьевича почти ничего не изменилось. Только направо от входа в помещение установили дополнительные прессножницы, на которых пожилой мужчина из листов железа пятимиллиметровой толщины нарезал тонкие, длинные полоски. Их тут же подбирала молодая, красивая девушка лет двадцати, относила к стоявшей неподалеку наковальне и молотком выправляла их.

Нукин спросил одну из пожилых работниц:

- Кто эта девушка и куда идут полоски?
- Для электросварки. А девку Электродовной кличут.
- Почему?
- Да очень просто. Никакой другой работы не признает, вот и окрестили в одночасье.
- А имя, фамилия?
- Надежда Лукавина. Из детдома она. Ее потом Анна

Марковна удочерила, прожила с Надей лет пять, да и скончалась. С той поры девка и живет одна-одинешенька.

Степан вспомнил избушку Марковны на берегу пруда и защемило у него сердце. Ведь изба-разволуха совсем. Как только живет там эта девушка!

После окончания смены Нукин нарочно прошел мимо Надиного жилья. Увиденное ужаснуло его. Избушка держалась на подпорках, окна перекосились.

На другой же день о результатах осмотра Степан рассказал мастеру Серегину, крепкому, похожему на гриб-боровик сорокалетнему мужчине. Тот скривил губы в ехидной усмешке и зарычал:

- Тоже мне заступник нашелся! Поменьше бы нос в ротила от почтенных людей да слушалась старших. И зубатить мастерица!

- Да что она вам такого плохого сделала?

- Да мне-то ничего... ты людей спроси, как ведет себя.

- Как ведет?

- Хвостом вертит. Сам попробуй, может, и тебе клинышек отвалится.

При этих словах Серегин заржал, как жеребец, и скрылся в своей конторке.

- Ну и гусь-подумал Степан, - а еще мастером работает.

И на душе у него потяжелело. Несколько раз порывался подойти к девушке и поговорить с ней. Но что-то удерживало его. А девушка после обеда сама подошла к нему и попросила:

- Помоги раствор для электродов принести. В чан много налили, мне не справиться.

И пошла, будто знала, что он последует за ней. И Степан пошел. Помог посудину с известью притащить. Спросил, как ее зовут, назвал себя. А потом каждый день стал помогать: то охапку электродов к наковальне поднесет, то раствор притащит, перекинется несколькими словами. А через месяц осмелился пригласить ее в кино. Надя согласилась.

Для такого случая Степан надел военную диагональную форму, до блеска начистил ботинки, постригся и надушился "Красной Москвой" в парикмахерской. Не менее нарядной пришла к кинотеатру и Надя. Она была в легком полушерстяном светло-зеленом платье, очень идущем ей. Голова была в модной завивке. Черно-карие, как две смородины, глаза смотрели ласково и доверчиво. Когда они шли на сеанс и после него, встречные обращали на них внимание, как бы говоря взглядами:

- Смотрите, какая ладная, стройная парочка!

После кино они часа два прогулялись по улицам поселка, по аллеям местного сада, посидели на лавочке. Степан рассказал о своей службе на дальневосточной границе, о своей заочной учебе в техникуме, а Надя о жизни в детдоме, о приемной матери.

В первый же рабочий день после выходного Нукин сходил в завком и поинтересовался, стоит ли Лукавина в очереди на квартиру. Председатель Глазырин ответил, что не стоит, так как живет в собственном доме.

- В развалюхе, - поправил Нукин. - И сирота к тому же.

- У других и такой нет, - ответил "защитник" рабочих.

Поняв, что тут ничего не добиться, Степан отправился в заводской комитет комсомола и попросил секретаря Сашу Овчинникова помочь отремонтировать Надину избушку. Тот согласился организовать субботник, но сказал, что мастер Серегин о ней плохого мнения. Присутствующая при разговоре Зина Камушкина вступила в разговор:

- А я не верю Серегину. Он - бабник и нехороший человек. Ухлестывал за ней, да получил от ворот поворот, вот и льет грязь на девушку.

Когда Овчинников сказал о предложении Нукина комсомольцам, они расшевелили директора, начальника цеха и начальника снабжения. Были выделены соответствующие материалы. И в последнюю июньскую субботу 18 парней и 25 девушек с пилами, топорами нагрянули в Надину ограду.

Работали дружно, весело, с песнями и прибаутками. Субботы не хватило, воскресенье прихватили. Заменяли гнилые бревна, косяки, вставили новые рамы, перекрыли крышу. Даже палисадник и ворота переделали. Вечером, прямо тут же в ограде, устроили самодеятельный концерт и танцы. Надя у соседей пирогов напекла, винегреты, салатов наделала, квасу наварила.

Выступая перед собравшимися, директор завода поздравил Надю с новосельем и пожалел, что баню не успели отремонтировать. Кто-то из комсомольцев засмеялся.

- А мы ее будущему жениху "на закуску" оставили.

Девушки и парни хитро посмотрели на Степана, а секретарь комитета даже подмигнул ему.

Сказала несколько слов и Надя:

- Спасибо вам всем, мои дорогие! Ребятам на их помощках отработаю, а за материалы как расплачусь?

- Да что ты, Надя! - ответил директор. - Отблагодаришь хорошей работой. Может быть, выучишься на кого-нибудь. Нам ведь и токари, и стерженщины и лаборантки нужны. В техникум поступишь, тоже поможем.

Надя до того растрогалась, что еле повторила еще раз: - Спасибо!

Когда все стали расходиться, хотел уйти домой и Пучкин. Но Надя остановила его и пригласила в комнату. А когда зашли, бросилась к нему на шею, обняла, поцеловала и заговорила горячо:

- Милый ты мой! Откуда только ты свалился на мою голову? Полюбила я тебя так, что если узнаю что плохое, то не вынесу.

- Да что ты, Надя? Я холост, не женат и девушку другую завести не успел. И, кроме тебя, мне никто не нравится. Пойдем завтра в ЗАГС и распишемся.

Домой Степан ушел в шесть часов утра. По всему небу сверкала молния, гремел гром. Ветер яростно клонил ветви деревьев. Только зашел в избу, как о крышу застучали

крупные капли дождя. Степан переоделся, взял зонт и отправился на работу. Надя была уже на своем рабочем месте.

- С добрым утром, моя дорогая Электродовна! - проговорил ласково Степан.

- Здравствуй, мой королевич Елисей, - в тон ему ответила девушка.

- Надя, нам сегодня не повезло.

- В чем?

- В ЗАГСе выходной.

- Ну что ж, Степа во вторник сходим.

Но ни во вторник, ни в среду и даже в четверг им не удалось расписаться. На дверях ЗАГСа висел листок "Нахожусь на больничном". А в пятницу Надя не пришла на работу. Недоброе предчувствие кольнуло Степана. После смены он побежал к ней домой, но на дверях тоже увидел замок. У него защемило сердце. Побежал к соседям, но они ничего не смогли сообщить. Бросился к мастеру Серегину, а тот в ответ:

- Ты что с неба свалился? Сам виноват, как заяц перед зайчихой. ищи причину в своем поведении.

- В каком поведении?

- У самого жена, маленький ребенок, а он к незамужней полез.

- Какая жена, какой ребенок?

- А те, что к тебе с Дальнего Востока приехали.

- Так это же сестра с племянником.

- Ха- ха- ха! Сестра. . . Ничего себе.

От злости, от огорчения Нукин чуть не ударил Серегина. Но одумался и побсжал к девушкам, но те не захотели с ним разговаривать. Лишь одна, как змея, прошипела:

- Предатель! Уйди с глаз.

Он понял, что рыжий черт Серегин и тут успел поработать. Побежал в отдел кадров и узнал, что Надя внезапно уволилась и куда-то уехала. Степан долго разыскивал ее и нашел через год в Челябинске. Писал много раз, но она не

ответила. Ездил туда, ходил на работу, она не захотела разговаривать.

Прошло двадцать пять лет. У Степана были хорошая жена, трое взрослых сыновей, хорошая работа. Но первая любовь не забывалась. И вот недавно судьба совершенно случайно свела его с Надей. Поехал он к сыну в Саратов и пошел в один из районных нарсудов, чтобы выписать справку об одном выигранном деле. Понес на подпись к нарсудье, зашел в кабинет и остолебенел от неожиданности. За столом сидела стройная, по-прежнему очень красивая селяющая женщина.

- Проходите. Что у вас?

А у Степана язык прилип к небу, стал как истукан и молчит. Наконец пролепетал:

- Здравствуйте! Э- э- э- э- Электродовна!

- Степа! - закричала судья, и в ее глазах заблестели слезы.

Успокоившись и словно боясь, что Степан перебьет ее, начала рассказывать о том, что она оказалась просто дурой, поверив тому обормоту Серегину, который сказал, что Степан встречается на автовокзале жену с ребенком. Кровь хлынула в голову, не помнила, как рассчиталась, как уехала в Челябинск, к знакомой детдомовке. И когда через пять лет узнала от девушек правду, он был уже женат. У нее сейчас муж прокурор и две дочери: одна уже замужем, вторая дочь учится в 10 классе.

Степан рассказал о себе. Повздыхали оба, повспоминали старое. Потом судья пригласила Нукина в гости к себе, но Степан вежливо отказался, сказав, что он рад хоть тому, что увидел ее еще раз. А идти к ней, значит беречь рану. Пожал ей руку и сказал на прощанье.

- Эх, Электродовна ты моя, Электродовна!

И пошел, позабыв даже справку заверить, но она вернула его, заверила документ и подала на память фотокарточку своей семьи.

Нукин шел по улице и без конца повторял вполголоса:

Эх, Электродовна, ты. Электродовна!

Прохожие удивленно оглядывались на него. Один даже пальцем повертел около виска. Очнулся только у сына на квартире. А когда потом сходил домой и, сидя в вагоне, рассматривал подаренную фотографию, его вдруг ожгла вспыхнувшая догадка: "А не отец ли он старшей дочери Нади?". Всю дорогу думал об этом. А приехав, написал письмо в тот Свердловский районный ЗАГС, и узнал, что старшая дочь Нади значится по отчеству Степановна. И новые мысли стали раскалывать голову Нукина.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОЧЕРКОВАЯ ПОВЕСТЬ "МИЛ СЕРДЦУ КАЖДЫЙ УГОЛОК".	3
2. ПОЭМА "ЭТО РОДИНА МОЯ"	
а) Глава первая "Меж полями и лесами".	56
б) Глава вторая "К нам природа благовела".	61
в) Глава третья "Труд земледельца".	66
г) Глава четвертая "Праздники и песни".	74
д) Глава пятая "Пчелы, ссы, мед и перец".	78
е) Глава шестая "Раззорители лихие".	84
ж) Глава седьмая "Засуха. Огненная река".	90
з) Глава восьмая "Путешествие из 95-го в 30-ый год	95
и) Глава девятая "Послесловие".	103
3. РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ НА ТЕМЫ ПРИРОДЫ И О ЛЮДЯХ ОЧЕРСКОГО РАЙОНА.	107

Путин Семен Артемьевич

Очерковая повесть "Мил сердцу каждый уголок..."

Поэма "Это родина моя"

**Рассказы и очерки на темы природы и о
людях Очерского района.**

Редактор Фоминых А. С.

Художник - фотограф Вахрушев Ю. А.

Художник Пономарева Н. А.

Сдано в набор 30.03.96 г.

Подписано к печати 16.04.96 г.

Усл. печатных листов 11

Печать офсетная

Тираж 1000 экз.

МП "Печатник" с. Бородулино Ререщагинского района

